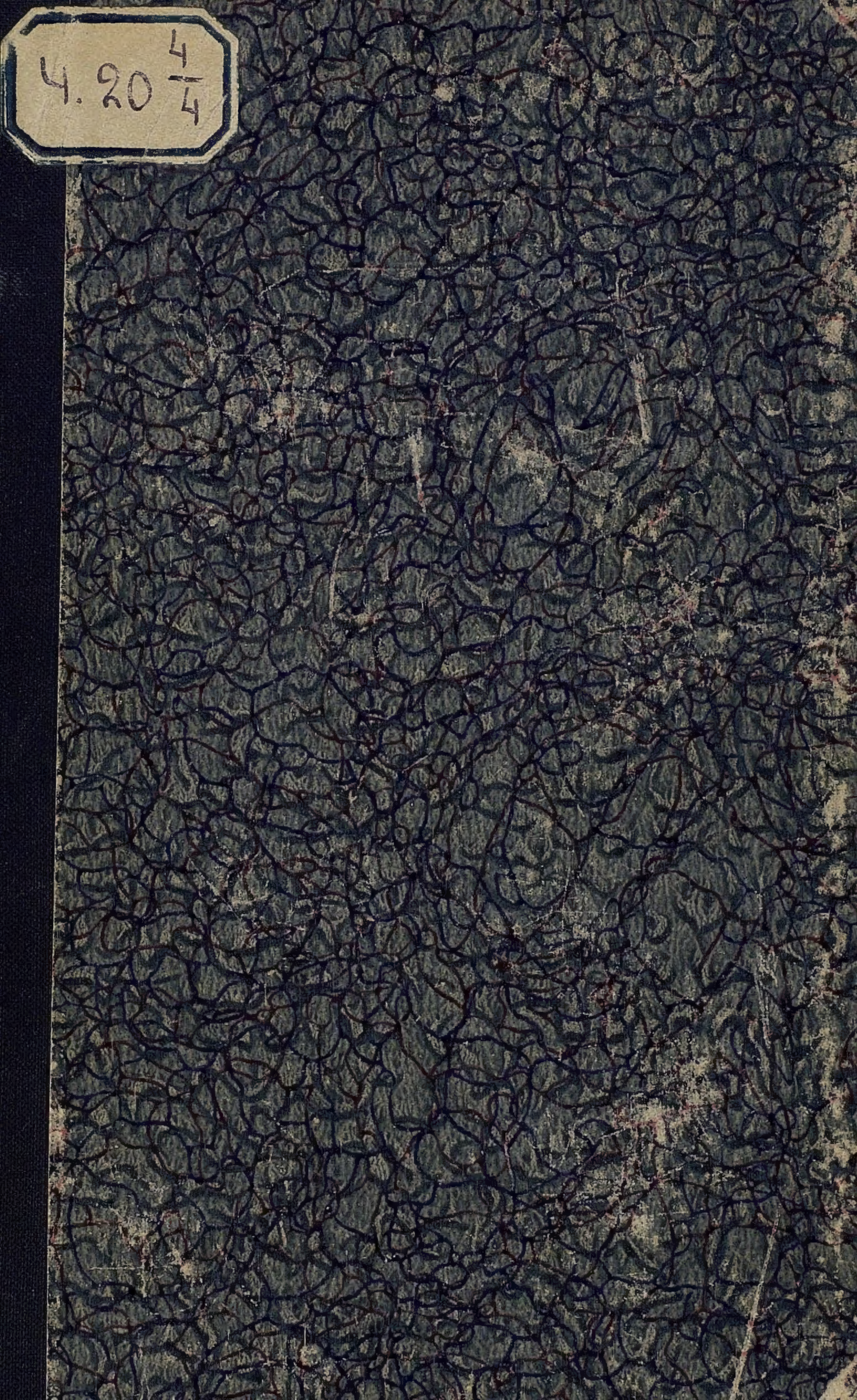
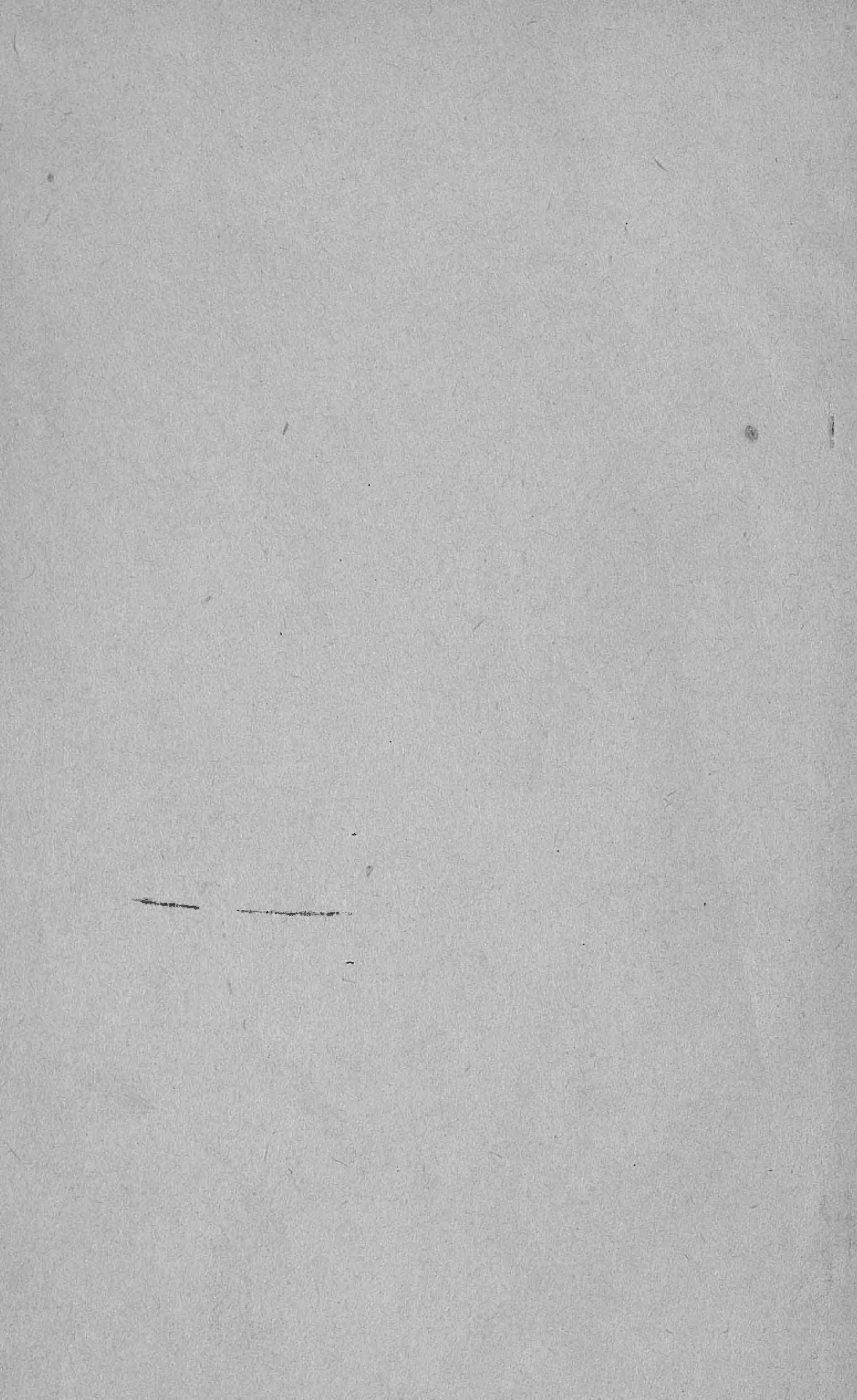
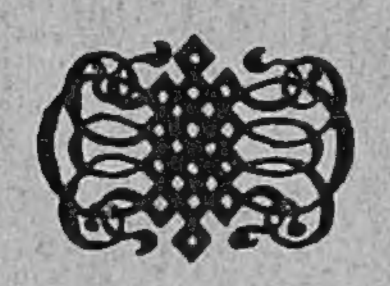

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ XVII-XVIII вв.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ С ПРИМЕЧАНИЯМИ

СОСТАВИЛ
В. ВИКТОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУН. УН-ТА им. Я. М. СВЕРДЛОВА
МОСКВА 1926

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Я. М. СВЕРДЛОВА

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

XVII—XVIII вв.

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ С ПРИМЕЧАНИЯМИ

Составил В. ВИКТОРОВ

МОСКВА — 1926

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ ГУБФО
ЛЕНИНГРАД, КАН. ГРИБОЕДОВА, 30/32.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГУБЛИТ № 44160.
ТИРАЖ 3000.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ.

Сборник документов и материалов по истории крестьянских движений XVII и XVIII вв. преследует исключительно учебные цели. Задача его—служить пособием при занятиях лабораторным методом. Исследовательский метод при изучении истории прежде всего выражается в работе над документом. Разработать документ, сделать из него соответствующие выводы является важнейшим моментом в занятиях по истории. Только тогда учащиеся получат ясное представление и почувствуют историческую эпоху, когда они познакомятся с подлинным документом именно этой эпохи.

Подбирая документы, составитель стремился дать не только материалы для освещения самого движения, но и те материалы, которые освещали бы условия возникновения каждого движения, стремился осветить каждую эпоху. Поскольку крестьянские движения в России являются ответом на крепостнический режим, вопросу о возникновении крепостного хозяйства и его развитии уделено довольно значительное количество документов.

Все документы, за исключением документов, освещающих движение Пугачева, подобраны из числа напечатанных. Относительно небольшие размеры книги заставили не только отказаться от напечатания ряда документов, но и целый ряд документов взять в отрывках.

Что касается документов Пугачевского движения, то они взяты из подготовленных Центроархивом к печати трех томов документов Пугачевского движения. Составитель сборника выражает глубокую благодарность т. М. Н. Покровскому, разрешившему использовать этот богатый материал и давшему составителю много ценных указаний по подбору материалов. Вместе с тем составитель выражает благодар-

ность т. Голубцову, подобравшему эти документы в архивах и давшему согласие на использование его работы еще до появления ее в печати.

В силу технических условий печатания все документы напечатаны по новой орфографии.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Крестьянские движения XVII—XVIII веков в России, отличаясь организацией, формой—в одном имеют общие черты. Эти общие черты для всех крестьянских движений XVII—XVIII вв.—борьба с той формой и системой торгово-капиталистической организации, какая начала складываться в Московском государстве во второй половине XVI века и достигла наивысшего расцвета в конце XVIII века. Именно в этот промежуток времени крестьянские движения принимают массовый характер, потрясают основы общественных отношений, сложившихся на базе торгового капитала; ни до этого периода — в эпоху феодальных отношений, ни после,—когда торговый капитализм уступал место промышленному, крестьянские движения не принимали столь широких размеров, как движение Разина или Пугачева.

Массовое крестьянское движение повторилось в 1905 году, но обстановка настолько резко изменилась, что вылиться в „крестьянскую войну", какой были два названные движения—оно не могло. В революции 1905 г. крестьянское движение шло за пролетарским движением, и „крестьянская война" могла развернуться в условиях буржуазной революции только под гегемонией пролетариата. Движения XVII—XVIII вв. были движениями, где главную действующую силу составляло крестьянство, и, если, как в движениях Болотникова и Пугачева, другие классы примыкали к движению, они, однако, не определяли ни его характера, и него целей. Развертываясь в условиях торгового капитала, крестьянские движения не имели, да и не могли иметь, во главе движения представителей какого-либо другого класса, ибо в условиях развития торгового капитала в России, торговая буржуазия,

особенно ее верхушка, тесно была спаяна с той системой экономических и общественных отношений, против которой поднимала знамя восстания крестьянская масса с крепостным хозяйством и политическим господством дворянства. Это и определяло состав крестьянских движений XVII—XVIII вв., определяло программу этих движений и в значительной степени определяло и причину их поражений. Крестьянские движения носили временами очень упорный характер, вздымались высоко, втягивали в себя широкие массы крестьянства, успешно развивались в начале, но... все кончались поражением восставших. Одним из важных моментов, являющихся причиной поражений, был и их локальный характер. Крестьянские массы чаще всего выступали в различных районах тогда, когда подходили туда основные силы, и редко движение держалось на достаточной высоте после того, как наиболее организованная часть восставших шла вперед или особенно, когда отходила—местное движение падало. Крестьянские отряды рассеивались, расходились, и главная армия с трудом черпала силы для себя в местах своего появления. Локальность крестьянских выступлений не мало способствовала тому, что достаточно организованная власть могла собрать силы, сконцентрировать их и, расправляясь по частям, уничтожить движение. Это довольно яркий показатель того, что отсутствие класса—организатора крестьянских масс дает возможность господствующему классу, господствующей системе справиться с крестьянским движением, даже если оно принимает широкие размеры и моментами серьезно угрожает этой системе. Очень часто крестьянские движения XVII — XVIII вв. оценивают, как движения реакционные, смотрящие назад, движения, стремящиеся возродить уже пережитые формы общественных отношений. С такой трактовкой едва ли можно согласиться. Все эти движения об‘ективно все-таки тянули вперед. Направленные против крепостнических отношений, господства монополий крестьянские движения, особенно движения Разина и Пугачева, в случае своего успеха, неизбежно привели бы к расцвету буржуазных отношений в России; могли создать условия для развития торгово-капиталистических отношений на основе роста городского ремесла, фермерского крестьянского хо-

зяйства и таким образом усилить рост капиталистических отношений в России. Но, не имея во главе руководящего класса, они в итоге кончались ничем. То обстоятельство, что русский торговый капитал начинал свое развитие несколько позднее, чем торговый капитал ряда Западно-европейских стран, приводило к тому, что интересы торгового капитала гораздо крепче, чем в Западной Европе, сплетались с крепостным хозяйством, самодержавием. Русская торговая буржуазия в силу этого не только не пыталась эмансипироваться от самодержавия, наоборот, она целиком и полностью связывалась с ним. И хотя в Пугачевском движении, например, провинциальное купечество принимает некоторое участие, однако, это—то купечество, которое не определяло политики всего торгового капитала, это—та мелко-торговая, ремесленническая масса, которая могла стать левым крылом в буржуазной революции, но которая не могла все-таки определить характера революции. Поэтому, хотя крестьянские движения в России заключали в себе некоторые черты возможных буржуазных преобразований, однако, поскольку во главе их не стояла буржуазия, ими не руководила—они погибали, растворялись, и господствующему классу с ними было справиться, правда, не легко, но все-таки возможно. Характерно, что во весь период развития капиталистических отношений, начиная с XV века вплоть до укрепления буржуазного господства, целый ряд крестьянских движений и в Западной Европе и в России кончался крахом, за исключением тех случаев, когда их возглавляла буржуазия, выступавшая как революционный класс: движение Тейлора в Англии, движение Жижки в Чехии, крестьянская война в Германии, французская жакерия—все они, как и русские крестьянские движения, вздымались очень высоко, но все кончались поражением. В то же время, когда на сцену политической жизни выходил новый класс—буржуазия и тогда, когда она выступала, как класс революционный, как это было в Великой Французской Революции—крестьянское движение приводило к победе. В условиях господства буржуазии, когда гегемоном революции является пролетариат, крестьянство добивается победы только под руководством пролетариата. Октябрьская революция яркий пример этого. То об-

стоятельство, что в период революции 1905 г. пролетарское и крестьянское движения рознились по времени, что крестьянское движение наиболее сильно разгорелось тогда, когда пролетарское движение уже было на ущербе—привело к тому, что самодержавию удалось справиться с последним.

Политическая бесплодность самостоятельных крестьянских движений—их удел, и крестьянские движения XVII—XVIII вв. показывают это с несомненной ясностью.

Первое крупное крестьянское движение падает на начало XVII в.—эпоху так называемой „Смуты". К этому времени торговый капитал уже сделал первые шаги. Денежное хозяйство в Московском государстве начало развиваться еще с конца XV века, и документы—уставные грамоты—показывают, как развитие денежного хозяйства находит свое отражение в отношениях между феодалами и крестьянством. Если в эпоху феодальных отношений господствует натуральный налог (уставная Константиновскому монастырю 1391 г.), то уже вторая половина XVI в. характеризуется или преобладанием или полной заменой натурального оброка денежным.

Рост денежного хозяйства создает предпосылки интенсификации сельского хозяйства. Если эпоха феодализма характеризуется господством натурального хозяйства, натурального оброка, то рост денежных отношений ведет к товаризации сельского хозяйства. Изменяется и техника земледелия: подсечное хозяйство большой крестьянской семьи все больше и больше вытесняется ко второй половине XVI в. трехпольным хозяйством. Семья, состоящая иногда из нескольких десятков членов—старинный двор—распадается на несколько небольших самостоятельных семей, которые при переходе к трехполью нуждаются в инвентаре, капитале. Податная политика Московского государства влияет на рост потребности в деньгах, и мы видим уже в XV, а особенно в XVI веке, как растет задолженность крестьянства. Уже памятники XV века отмечают особый разряд крестьян—„серебряников" и „ростовое серебро"—денежную ссуду, даваемую крестьянину владельцем.

Феодальный владелец, ведший до сих пор свое хозяйство силами холопов, не выходивший из пределов натурального хозяйства на небольшом участке земли, все больше стремится к расширению своего владения за счет поселенных земель. Рост денежных отношений вызывает стремление расширить свое землевладение и усилить эксплоатацию крестьянства. Как результат роста денежного хозяйства идет закрепощение крестьянства. Основой закрепощения является экономическая, денежная зависимость крестьянства от владельца. Крестьянин ограничен в праве своего перехода от одного владельца к другому: устанавливается один определенный срок в году—осенний Юрьев день. Но и переход от одного владельца к другому в этот установленный срок требовал от крестьянина уплаты пожилого и других повинностей, что лишало его возможности уйти от владельца. Переход ограничивался „свозом". Крестьянина свозил к себе другой, более состоятельный владелец. И таким образом зависимость крестьянина не прекращалась. Законодательство, устанавливающее юридическую зависимость крестьянства, шло параллельно, вернее вслед тому экономическому процессу закрепощения, которое развивалось в связи с ростом денежного хозяйства. Законодательные акты, указы, начиная с указа 1597 г., все больше ограничивают право перехода крестьян, и к средине XVII в. крестьянство было закрепощено за владельцами. Процесс закрепощения шел вместе с развитием торгового капитала. Развитие торгового капитала в Русском государстве шло неуклонно, начиная со второй половины XVI века, при чем можно отметить несколько моментов, когда развитие его доходило для данного периода до наибольшей высоты. Такими моментами были: вторая половина XVI в., конец XVII, начало XVIII в. и вторая половина XVIII в. Соответственно росту, именно в эти же периоды усиливаются крепостные отношения: крестьянский труд интенсифицируется, усиливается барщина, крестьянство закабаляется все больше и больше.

Вторая половина XVI в. характеризуется развитием заграничной торговли. Вывоз сырья, ввоз всякого рода товаров из-за моря ведет к тому, что деньги в хозяйстве Московского боярина, служилого человека стали необходи-

мым элементом. Нужда в деньгах—характерное явление этого периода. Монастырь—один из крупнейших ростовщиков—снабжает капиталом еще в XV и особенно в XVI в. нуждающегося в деньгах феодала и мелкого служилого человека и, как результат этой операции, приумножает свои земельные владения. Вклады на „помин души“ весьма часто были переходом недвижимого имущества должника в руки кредитора-монастыря. Но наиболее крупным капиталистом был, конечно, царь. Те сведения, которые дает Флетчер о мерах к обогащению царской казны и о положении простого народа—достаточно ярки. Крупнейший торговец—царь—держал в своих руках большие капиталы. И два крупных капиталиста Московской Руси—царь и монастырь—выступали вместе: церковь поддерживала политическую власть Московского государя, опиравшегося на служилое дворянство. Это последнее было тесно связано с Московским царем, поскольку последний так же, как и служилое дворянство, вел борьбу с феодальным вотчинным боярством.

Во второй половине XVI века Московскому торговому капиталу рисовались радужные перспективы: торговля развивалась, успешные в начале Ливонской войны военные операции сулили возможность связаться с заграницей не через далекий Архангельск и не через иностранных „корабельщиков“, а войти в непосредственное сношение с заграницей через близкие к центру экономической жизни—Москве—порты. Сельское хозяйство казалось разовьется до невиданных до сих пор размеров. Но военные неудачи в Ливонской войне разрушили все эти надежды, и сельское хозяйство на пороге XVII столетия переживает жестокий кризис. Потеряв возможность широкой торговли с Западом, служилый дворянин оказался в очень стесненном положении вплоть до того, что принужден был продавать шубенку своей жены, не говоря уже о том, что задолжал до последней крайности, гл. обр., монастырю. Единственным выходом из столь тяжелого положения для него было усилить эксплуатацию крестьянина: денежный оброк увеличивается, усиливается барщина. Крестьянин на нажим ответил побегами: Московский край, центр хозяйственной жизни, начинает пустовать. Пустуют не только поселки с землей худой, но иногда и „добрая“ земля оставляется

в пусте. Писцовые книги конца XVI в. отмечают почти сплошь пустоши и переход от трехполья к залежной системе сельского хозяйства. Царская власть, верный представитель интересов служилого дворянства, борется с массовыми побегами крестьянства, удлиняя срок розыска бежавших, доводя его до пяти, а затем и до пятнадцати лет.

Землевладелец имел право искать своего крестьянина и возвращать его на свои земли. Конечно, это больше всего касалось служилого дворянина, ибо эксплуатация у него была доведена до невиданных до сих пор размеров. Правда, от него не отставал и монастырь, чаще всего переманивавший к себе крестьянина... Кризис сельского хозяйства конца XVI века не мог не вызвать политических осложнений: экономическая жизнь страны была настолько нарушена, что выходом могла быть только революция. Борьба с феодальным боярством—с княжатами, хотя и успешно была проведена Грозным, но окончательно сломить политическое господство этого слоя не удалось, с другой стороны, служилое дворянство, опираясь на которое Грозный провел всю борьбу с феодалами, не окрепло окончательно в этой борьбе. Создалось некоторое неустойчивое равновесие, которое должно было рано или поздно разрешиться: у власти должен был стать тот или иной класс. Революция начала XVII в., так называемая „Смута“, и явилась результатом тех противоречий, какие создались в Московском государстве и какие обострились в связи с кризисом сельского хозяйства в конце XVI века.

Революция всколыхнула народные массы, и их выступление—движение Болотникова—связано как раз с тем моментом, когда власть перешла в руки крупного торгового капитала и крупнейшего боярства. Царь Василий Шуйский в своем лице совмещал интересы того и другого; происходя из „княжат“, он был в то же время одним из крупнейших торговцев Московского княжества—в Китай-городе ему принадлежали целые улицы лавок. И, надо думать, что торговля велась людьми, близко связанными с ним. Московский посад, при избрании Шуйского на царство, сыграл не малую роль. Надежды, которые возлагал служилый дворянин, дворянин украинных городов, бежавший из центральной Московской области крестьянин, на Димитрия названного

с убийством последнего рушились. Появление на Московском престоле Василия Шуйского не сулило ничего доброго для служилого дворянства, особенно украинных городов, а указ „о заповеданных летах“ расширял срок иска крестьянства до 15 лет. Крестьянская масса увидела в лице Шуйского своего врага. Сплетение интересов различных групп—характерная черта первой эпохи движения против Шуйского: выступают вместе Болотников—руководитель крестьянского движения, на Волге Петр Федорович, под предводительством которого на ряду с понизовой вольницей собирается „мордва и черемиса“, стонущая под тяжестью ясака, Истома Пашков—типичный представитель служилого дворянства. В одно русло слились различные течения, различные социальные группы, каждая из которых ставила себе совершенно иные цели. Если совпадали интересы масс, руководимых Болотниковым и Петром Федоровичем—они боролись против гнета и эксплуатации крестьянского и посадского населения, то Истома Пашков мог бороться и боролся только против господства боярства, но никак, конечно, не за разрушение крепостнических отношений. Классовая противоположность вождей и групп сказалась очень скоро: Истома Пашков нашел общий язык с боярским царем Василием Шуйским и изменил Болотникову. К сожалению не осталось документов, рисующих программу Болотникова. Мемуары современников, ярых поборников существовавших тогда социальных отношений, говорят о возмутительных „воровских“ письмах Ивашки Болотникова, пишут о нем, о его движении с такой злобой, которая может быть только у классового врага, но нигде не дают хотя бы общего, приблизительного содержания „воровских“ писем Болотникова.

Посторонний наблюдатель Масса более спокойно, а иногда даже с некоторым сочувствием относящийся к Болотникову, не дает никаких сведений о том, за что боролся Болотников. Этого, повидимому, он просто не знал. Но факт измены Болотникову Истомы Пашкова, жестокость, с какой расправлялись в Москве с захваченными врагами, дает основание сделать вывод, что в Болотниковском движении правящие классы почувствовали большую угрозу. К Болотникову тянулись низы: крестьяне и черные люди городов.

Масса (соб. имя) говорит о большом войске у Болотникова— это войско составлялось исключительно из социальных низов Московского общества. Борьба, которую начал Болотников, была направлена против растущего крепостного права, за свободное существование низов. Шуйскому удалось подавить движение Болотникова, но это не значит, что движение низов прекратилось. Уже после Шуйского, когда купец Минин в союзе с служилым дворянином Пожарским выступили на борьбу с Польшей за об'единение Московского княжества, они все внимание в первую очередь обратили на борьбу с „ворами" внутри тех областей, по которым шло их войско. „Ворами" по их терминологии были те, кто в деревне шел против помещиков, в городе—против крупных купцов, кто в посаде вырывал власть из рук гостей. Задача „успокоения" была основной задачей, которую поставили перед собой купец и дворянин.

Революция начала XVII века окончилась разгромом широкого народного движения и компромиссом между торговым капиталом—в лице купца и дворянина—и феодальным боярством. Замедление роста торговли, рецидив натурального хозяйства способствовали этому компромиссу. Первая половина XVII в. характерна усилением феодальных отношений. Поражение в Ливонской войне, потеря Западных территорий в период революции привели к тому, что торговля застопорилась, торговые операции с заграницей сократились. Помещик и вотчинник возвращаются к натуральному оброку. И, как следствие этого, положение крестьянства несколько улучшается: в первой половине XVII в. крестьянин вздохнул свободнее. Правда, и в это время процесс закрепощения продолжается, и в этот период крестьянин, получая ссуду, оседает на земле помещика, но процесс закрепощения не идет так интенсивно, как это было в конце XVI в., а главное, в силу преобладания натурального хозяйства, эксплоатация не принимает таких размеров, какие она принимала в конце XVI в. и какие стала принимать во второй половине XVII в.

* * *

Шестьдесят лет прошло после движения, поднятого низами Московского населения под предводительством Ивана

Болотникова, и значительная часть Московского государства была охвачена новым движением под руководством Степана Разина. Есть некоторое отличие в географическом распространении восстаний: в то время, как Болотников поднял восстание на юго-западной окраине Московского государства, движение Разина распространилось на юго-восточной. И это было не случайностью. Заокские области не играли еще большого значения в хозяйственной жизни Московского государства XVI века, колонизация шла, главным образом, на юг и юго-запад от Москвы, там создавалась „черта“, туда по преимуществу бежали от крепостного режима крестьяне. Это не значит, что на юго-восток Московское дворянство совершенно не обращало внимания; но здесь еще столь сильно не чувствовался гнет, как это было в центре, и Заокская Украйна еще не была так притягательна. Однако, уже в движении Болотникова приняли участие отряды самозванца царевича Петра Федоровича, состоящие из казаков, мордвы и черемис. Удельный вес Петра Федоровича в движении Болотникова был не велик, как вообще было не велико движение заокских городов. Не то было в движении Разина. В этом движении центр борьбы как раз был на линии Волги, и восстание охватило заокские области и города. Донесения воевод, ведших борьбу против Разина, все время упоминают, что они приводили к „шерти“—присяге—нерусское население, что крестьянство и мелкое городское население заокских и приволжских областей, теперешних Ульяновской (Симбирской), Тамбовской, Пензенской губерний сплошь было охвачено восстанием. Наоборот, центр Московского государства остался спокойным, и отсюда так же, как и из западных областей, черпались силы для борьбы с Разиным.

Второй отличительной чертой Разиновского движения было то, что единственными участниками его были низы Московского населения: даже временного союза между низами и служилым мелко-поместным дворянством, как это было в движении Болотникова, здесь не было. К движению Болотникова, хотя временно, присоединились Прокопий Ляпунов и Истома Пашков—у Разина были только низы, а вся социальная верхушка Московского населения составила единый фронт против революционного движения, поднятого Сте-

паном Разиным. Такое распределение борющихся сил было не случайностью, а результатом роста и укрепления торгового капитала и крепостнического государства. В первой половине, особенно в первой четверти XVII в. наблюдается некоторый рецидив натурального хозяйства и феодальных отношений. Возрождение натурального хозяйства об'яснялось поражением в Ливонской войне и расстройством хозяйственной жизни в эпоху „Смуты". Этот хозяйственный процесс должен был найти свое отражение в социальных отношениях Московского государства. Действительно, созданная в результате „Смуты" власть была компромиссом между феодалами, с одной стороны, и поместным дворянством, купечеством—с другой. Первый Романов был выдвинут дворянско-купеческим собором и поддержан боярством. В течение XVII века различие интересов вотчинника и помещика стирается все больше и больше. Землевладение становится в социальном отношении все более однородным. Рост торговли ведет к тому, что на арену политической жизни выступает торговый капитал. Показателем роста влияния торгового капитала могут служить „Земские Соборы". Состав их в течение XVII в. меняется в сторону увеличения представительства интересов торгового капитала. Да и законодательство Московского правительства идет навстречу расширяющейся торговле. Достаточно указать на Соборное Уложение 1649 г. и Новоторговый Устав, особенно последний. От феодальных порядков оставалось все меньше и меньше. В торговлю втягиваются все. Кильбургер, писавший о Московской торговле в XVII в., сообщает, что в Москве от великих до малых людей—все любят торговать. Но самое важное заключалось в том, что в товарный оборот втягивалось и сельское хозяйство, и это неизбежно отражалось на росте крепостнических отношений.

Характер торговли в XVII в. мало изменился сравнительно с XVI в.; как тогда, так и теперь была мелкая внутренняя торговля и крупная внешняя, а царь был крупнейшим торговцем. Русский торговый капитал вырастал, главным образом, на внешней торговле, и предметы внешнего торга: кожа, шелк, пушной товар, хлеб—были в монопольном владении царя и торговых компаний, бывших в сущности доверенными приказчиками царя.

Кроме них никому не было разрешено торговать. Такой же царской монополией была торговля водкой, солью. Царские кабаки были одним из крупнейших источников доходов казны. Мелкий торговый люд стонал от господствующего положения крупнейших монополистов, как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Развите торговли находит свой отклик в экономических теориях России того времени. Меркантилизм—экономическая теория эпохи торгового капитала—нашел в экономической политике Московского государства полное развитие. Деньги стали всем; накопление денег какими угодно путями—основная задача Московского правительства XVII в. Как результат этого стремления к накоплению денег, растут всякого рода налоги на тяглое население Московского государства, мало того, правительство прибегает к различным манипуляциям с деньгами, обесценивая их, вроде, например, попытки заменить серебряные деньги медными, с принудительным приемом медных денег по цене серебра. Накопление денег стало задачей, конечно, не только государственной власти, но и господствующих классов. Натуральное хозяйство все больше и больше разрушается, и в силу этого процесс закрепощения крестьянства во второй половине идет еще более быстрыми шагами. Нужда в рабочей силе вызывает челобития служилых дворян о полном закрепощении крестьянства, и требования челобитий находят свое разрешение в статье Соборного Уложения 1649 г. об отмене урочных лет. Однако, Уложение только официально закрепляло действительное положение крестьянства. Последнее потеряло возможность перехода от одного владельца к другому, ухода от владельца не в силу Уложения, а в силу экономической зависимости от землевладельца. Уже во второе десятилетие XVII в. встречается все больше и больше порядных и ссудных грамот, которыми крестьяне обязываются вечно работать на помещика. Экономическое закабаление было естественным результатом роста денежного хозяйства и товаризации сельского хозяйства. Если уже в конце XVI века собственные крестьянские запашки все больше и больше уменьшаются, то к средине XVII в. вся обрабатываемая земля и даже пустоши находились в руках землевладельцев: помещиков, монастырей,

а черные земли считались царскими. Таким образом, крестьянин неизбежно сталкивался с каким-нибудь землевладельцем: он мог жить или на владельческой земле и платить оброк помещику, или на черной и нести тягло. Всякий выделившийся из семьи крестьянин мог начать хозяйство только на земле какого-нибудь помещика, стать его вечным арендатором. Кроме того, для ведения хозяйства необходимо было затратить некоторый капитал: приобрести в первую очередь инвентарь. Необходимые для этого средства можно было получить от „денежного" человека, т.-е. опять таки от того же землевладельца. В XVII веке исчезла для крестьян фактически и юридически возможность перехода. Крестьянин мог только бежать от помещика. Уложение дало право помещику возвращать к себе обратно крестьян независимо от срока ухода крестьянина. Нуждаясь в рабочей силе, служилое население Московского государства цепко держалось за крестьянина и в своих челобитных требовало отмены даже 15-летней давности. Давность была отменена. Крестьянин окончательно попал в кабалу к помещику. Положение черного тяглового крестьянства также резко изменилось к худшему: налоговой пресс Московского правительства давил все сильнее и сильнее. И как крестьянин на владельческих землях был прикреплен к своему владельцу, так и тягловый крестьянин „стал крепок" своей волости. К средине XVII в. Московское общество резко разделилось на тягловых и не тягловых. Тягловое население попало под двойной гнет: помещика и купца, с одной стороны, и царского чиновника, с другой. Приходилось и платить оброк и тянуть государево тягло. Распыленная масса крестьянства и мелких ремесленников, сдавленная господством помещика, купца и государственной власти была для капиталиста того времени источником дохода. Вторым источником дохода была масса „инородцев", туземцев заволжских и приволжских областей—татар, чуваш, мордвы, черемис и т. д. В поисках доходов Московское правительство гораздо строже учло это туземное население, чем это было раньше, и увеличило ставку ясака (подати), уплачиваемого „инородцами". Мало того, процесс экспроприации земли у туземного населения начавшийся еще в конце XVI в., во вторую половину XVII в. усилился. У чуваш, черемис, мордвы не только отнимали

земли, но и грабили их „животы“, как неоднократно жаловались „ясачные люди“. Торговый капитал, продвигаясь на восток, в конец разорял местное население путем открытого грабежа. Сырье, столь необходимое для заморской торговли, в значительной части получалось от инородческого населения, главным образом, Сибирского, но также и живущего между Окой и Волгой.

Таким образом, к половине XVII века гнет по отношению к социальным низам Московского общества достиг наибольшей остроты и силы и неизбежно должен был вызвать резкий протест. Наиболее ярким из движений этого периода, захватившим большую территорию, втянувшим в себя значительные массы—было движение Разина.

Если присмотреться к социальному составу Разиновского движения, то видно, что его отряды составлялись именно из наиболее угнетенной массы населения: казацкие низы, крестьянство, мелкий посадский люд, „инородцы“. Куда бы ни приходил Разин, он везде встречал поддержку со стороны низов. Низы шли за Разиным, потому что программа его отвечала их интересам. „Прелестные письма“ Разина призывали к свержению бояр и помещиков и сулили создание казацкого строя с полным и всеобщим равенством всех. Разин не присваивал себе царского имени, а выступал, как атаман. Говоря о будущем устройстве, Разин как-то нигде не упоминал царя, но в то же время подчеркивал, что идет против изменников бояр. Вопрос о царе как-то выпадал у Разина. Некоторая неопределенность программы Разина, однако, не дает повода говорить, что Разин не имел определенных об‘ектов борьбы. Наоборот, весь ход Разиновского движения, те группы, с которыми он вел борьбу, определенно показывают против кого выступил Разин.

Разин начал свою борьбу прежде всего на Волге, „грабя“, как говорят современники, купеческие и царские струги. Захватив струг, он расправлялся с купцами, но совершенно не трогал „черни“, идущей на этих стругах. Это была своеобразная борьба против того самого купца монополиста, который держал в своих руках торговлю. Не случайно, что движение Разина началось на Волге, что его первым центром была Астрахань, крупный торговый город того времени.

Волга была артерией русской торговли: с Волги везли хлеб, Волга служила путем, связывающим Персию и Москву. Здесь может быть грубее, чем где-либо, проявлялся грабительский характер торговли. И сюда в то же время вольно и невольно стекалась вся масса недовольного люда, бежавшего или ссылаемого из центра Московского государства. Удар по торговому капиталу именно здесь был наиболее чувствителен для последнего. Перерыв движения по Волге нарушал торговлю не только с Востоком, но и с Западом, так как персидские товары распродавались не только в Москве, но и шли, гл. образом, за границу. Торговля персидским шелком доставляла Московскому царю большие барыши. Поэтому вполне естественно, что Московское правительство больше всего боялось прекращения или даже нарушения правильного движения по Волге. Не имея сил сразу расправиться с Разиным, оно пытается даже вступить с ним в переговоры: царь прощает ему все вины, позволяет свободно уйти на Дон, но только ставит условием прекращение грабежей царских и купеческих стругов. Этот факт показывает, насколько заинтересовано было Московское правительство в скорейшей ликвидации неурядиц на Волге: оно не может, повидимому, ждать, пока к Астрахани подойдут настолько верные войска, чтобы с их помощью можно было ликвидировать Разина; наоборот, оно готово итти на соглашение с Разиным. Конечно, надо думать, что это мирное соглашение было временной мерой, впредь до сосредоточения достаточных сил. Но самый факт „прощения вин"— характерен.

Для Московского правительства выгоднее было заключить перемирие с Разиным, обеспечить возможность торговли во время этого мира и тем временем собрать достаточную военную силу для разгрома его, чем мириться с „грабежом" до того, пока у низовьев Волги не сосредоточится необходимая военная охрана.

Здесь же была благоприятная почва у Разина. Как уже было указано, сюда стекалось в большом количестве все недовольное Москвой, здесь, в только что колонизуемом крае с особенной силой чувствовалась тяжелая рука помещика, царского чиновника. Приволжские степи как раз к этому времени начинают притягивать Московского земле-

владельца, он стремится сюда, к большому земельному простору, тучной земле. Рабочие же руки можно было использовать только тем же путем, как и в центральной полосе— путем закрепощения. Тамбовское и Пензенское воеводства пополняются служилым дворянством; вольные земли становятся владельческими, а Московское правительство вместе с землями раздает и крестьян, живущих на этих землях. Крепостной гнет в этих вновь захватываемых землях сильнее, чем в центральном районе Московского государства. Не было ни одного города на восточной окраине, где бы Разин не встретил сочувствия: в одних городах ему просто открывали ворота, в других, после их захвата, к нему присоединялось местное посадское население. О крестьянстве говорить не приходится. Все донесения царских воевод говорят о том, что крестьяне толпами присоединялись к Разину, уничтожая своих помещиков. Вот что, напр., писал Керенский воевода Безобразов в Тамбов: „Здешние люди все в отчаяние пришли, хотя и немного воров придет, но я от здешних людей добра ничего не чаю, и в печалях своих чуть жив“. Все движение было направлено на тех, кто больше всего эксплуатировал; те же донесения сообщают, что в городах, когда они захватывались отрядами Разина, гнев как пришедших, так особенно местного населения, обрушивался со всей силой на воевод, дьяков и на именитых купцов. Именитые купцы или Московские, или тесно связанные с ними были также ненавистны посадскому населению, как и воеводы. Документы почти не отмечают, что „воры“ избивали вообще купцов; мелкий торговый люд, ремесленники, повидимому, были как раз теми, кто открывал Разину ворота Симбирска и других городов. Наоборот, купечество, связанное со всякого рода денежными сборами, а это были местные крупные купцы, доверенные, приказчики Московских торговых магнатов, запирается, если представляется возможность, с воеводами, или бежит с ними. Стрелецкое войско, состоящее из тех же черных посадских людей, тесно связанное интересами именно с теми, кто борется на стороне Разина, за редким исключением, переходит на его сторону. Воевода Барятинский, посланный из Москвы против Разина, жалуется в Москву, что из назначенных в его отряд стрельцов многие не явились. Было ли

это случайностью, или было отражением известного настроения—документы не говорят, но одно необходимо отметить, что для борьбы с Разиным Московскому правительству пришлось отправлять полки с западных областей. Повидимому, не только на месте движения, но и в областях соседних с охваченными движением на пехоту было положиться нельзя, „без пехоты же, как писал воевода Барятинский, в дальних местах промыслу учинить нельзя".

Русло Волги было основной артерией движения, но последнее, особенно после захвата Симбирского острога, начало распространяться и за черту, т.-е. в местности, лежащие на запад от Волги, в теперешние Тамбовскую, Пензенскую губернии. Здесь, так же, как и в Симбирской, отчасти Казанской наряду с русским населением поднимаются татары, черемисы, чуваши, мордва. Эти последние очень сильно поддерживали движение Разина. Чего добивались „инородцы" документы не говорят, но зная их положение, можно сказать, что их борьба была направлена против колонизаторов. Если среди русского населения выступают только низы, то национальные меньшинства выступают под предводительством своих „мурз"—это верхушка об-ва. Здесь, повидимому, борьба с колонизаторами об'единила все туземное население, особенно это необходимо сказать о мордве, черемисах и чувашах.

Вся масса Разиновского движения выступала, таким образом, против торгового капитала, крепостнического государства—политического выразителя его интересов.

Движение захватило относительно широкий район, наиболее уязвимый, так как здесь власть не была столь сильна, как в центре, и все-таки движение потерпело поражение, хотя, повидимому, вооружение Разина немногим уступало вооружению царских войск: артиллерия была и у него. Правда, у него не было рейтарских полков, полков, обученных военному искусству по заграничным образцам, но этим только об'яснить разгром движения нельзя. Один из историков, как на причину поражения, указывает на то, что Разин долго засиделся в Астрахани и тем самым упустил время, дав возможность царскому правительству собраться с силами. Конечно, это была крупная тактическая ошибка Разина, но важнейшим моментом все-таки надо считать разрознен-

ность движения. Движение поднималось там и тогда, где и когда появлялся хотя небольшой отряд Разина. До этого момента, повидимому, движение редко вспыхивало. По крайней мере, документы все время указывают, что восстание началось после появления „воровских казаков". И оно затихало после того, как местное население расправлялось с воеводами, купцами и помещиками. Это особенно отмечается для местностей, лежащих на запад от Волги. Повидимому, и у самого Разина не было полной уверенности в твердости той массы, которая шла с ним. Иначе трудно об'яснить его уход из-под Симбирска с донцами на Дон. Первая неудача под Симбирском сразу разложила крестьянскую часть его войска, а остальная масса крестьянства, как было указано, дальше своих мест не шла. Движение, вспыхивая ярким пламенем, быстро потухало, оставаясь в узких пределах своей деревни, своего города. Это не результат трусости, а результат самого состава участников движения: они видели врага в данном помещике, воеводе, купце, но не могли подняться до понимания общих задач, и это сковывало движение по рукам и ногам. Раздробленность движения, несмотря на всю его массовость, позволило Московскому правительству, имея спокойный тыл, бросить силы и разбить движение.

То, что погубило и не могло не погубить движение Разина, повторилось в основном и в движении Пугачева, охватившем те же места через сто лет после Разиновского движения.

* *
*

Через сто лет после Разиновского движения экономическая жизнь России изменилась довольно резко. Торг с Западом носит уже массовый характер и, главное, предметом торга, кроме всякого рода сырья, становится хлеб и даже продукты русской металлургической промышленности.

Представлять себе Россию второй половины XVIII века, как экономически отсталую страну в сравнении с целым рядом стран Западной Европы, едва ли можно. Наоборот, в отношении ряда германских княжеств, например, отчасти даже Франции, Россия была не только не отсталой страной, а шла даже впереди. К концу XVIII в. вывоз из России достигал довольно внушительной цифры 16.983 тысяч руб.

по тогдашнему курсу рубля, приблизительно равным 135.884 тысяч руб. конца XIX в. При этом наиболее важное место в вывозе занимали лен, пенька, хлеба и железо. Внутренняя торговля также расширялась, и наблюдательный современник, Щербатов, обращает на торги большое внимание, рассматривая их даже как одну из причин голода в России. Присматриваясь к составу вывоза продуктов из Москвы, важно отметить, что в вывозе продукты ремесла играют немаловажную роль, еще большую роль они играли во внутренней торговле России XVIII в. Результатом роста в вывозном балансе хлеба усиливается к концу XVIII в. барщинное хозяйство.

Советы, даваемые прожектерами Петру в начале XVIII в. о необходимости для процветания государства заводить ремесла, строить заводы, разрабатывать рудники, не пропали даром—не только развилось ремесло, но шла довольно интенсивная по тому времени постройка фабрик и заводов. И это отвечало не только интересам обслуживания нужд армии, но и требованиям заграничного рынка. Рост денежного хозяйства, особенно усилившийся после завоевания берегов Балтийского моря, вызывал как следствие рост крепостнической эксплуатации во всех областях хозяйства: и в сельском хозяйстве и промышленности. Характерной чертой экономического развития России было то, что ремесло и промышленность расли не в городе, а в деревне, и крепостной крестьянин работал не только на земле, но и в светелке и на поссессионной фабрике. Крупная торговля с Западом вела в этот период в России не к раскрепощению, а к закрепощению крестьянства. Причиной этого было то, что русскому торговому капиталу, позднее других стран вступившему на путь международной торговли, приходилось отвоевывать место путем напряжения сил производящей части населения. Несмотря на значительную сумму вывоза—вывозилось все-таки сырье или полуфабрикат—промышленные по тому времени Голландия и Англия постоянно представляли угрозу захвата рынка. Господствующие классы пошли по пути внеэкономического принуждения для выжимания прибавочной стоимости с населения.

Русский помещик XVIII в. чем дальше, тем больше переходит от относительно легкого для крестьянства оброка

к барщине. Процесс экспроприации крестьянских земель, завершенный реформой 1861 г., начался именно в тот период, когда хлеб стал играть все большую и большую роль в торговле, а начало этого периода падает на вторую половину XVIII в. Конечно, экспроприация земли у крестьянства в центральной нечерноземной полосе не давала слишком много помещику, ибо земля здесь давно уже была истощена; все его внимание обращается на тучный чернозем Украины и особенно приволжских и заволжских степей. Эти земли, заселение которых началось еще в предшествующем веке, заселяются в течение XVIII в. все больше и больше, путем перевода туда крестьян из центральной полосы. Но для того, чтобы заселить их, необходимо было эти земли отнять у их владельцев, прежде здесь осевших, у татар, чуваш, башкир. Мы видели, что этот процесс начался еще в XVII в.; теперь он принял только более широкие размеры, и в колонизационную политику были включены не только иноверцы заокских областей, но также и башкиры заволжских степей. Экспроприация земель у туземного населения происходит законным и незаконным путем, даже с точки зрения законодательства того времени. Достаточно указать жалобы ясачных крестьян, служилых мурз в их наказах в комиссию по составлению Нового Уложения на захват их земель помещиками и на невозможность найти управу на захватчиков. Усиленная миссионерская деятельность православного духовенства кроме того, что крещение иноверцев приносило им большие выгоды (см. документы о положении иноверцев), об'яснялась в значительной степени стремлением легализовать грабеж: для „покупки“ земли необходимо было, чтобы продавец был крещен, ибо сделки между крещеным и некрещеным были законом запрещены. И для соблюдения формальностей их крестили. А уже после этого легко было тем или иным путем экспроприировать их земли. „Увидя из наших татар, жалуются служилые мурзы и татары Казанского уезда в своем наказе, в воровстве или мотовстве, или в другом каком непотребстве, взяв к себе (помещик) велит купить у другого иноверца землю, а потом, приведя его в святое крещение, возьмет от имени его нашу землю купчую себе, и не только тою землею, но захватя насильством своим и еще сколько ему надобно и населя крестьян, вла-

деют не только вблизи наших жилищ, но и в самых деревнях, которые и чинят неописанные и изнурительные разорения так бесчеловечно, что многие наши служилые мурзы и татары от больших их населениев и несносного разорения принуждены уж и дворишек своих лишиться, и оставить жалованную землю, и вытти в другие места". Что касается экспроприации башкирского населения, то там не прибегали даже и к таким ухищрениям, башкирское население просто сгонялось со своих мест, и его земли занимались под пашню, а особенно под заводы. Все заводы Южного Урала были построены на башкирских землях, и для удержания башкир в повиновении Петербургское правительство строит целую цепь крепостей, так называемую Оренбургскую линию, которая в то же время служила и нуждам торговли, как охрана торговых путей.

Экспроприация земель крестьянства и иноверческого населения сопровождалась усилением крепостнического режима и в имениях и на заводах. Достаточно указать на очень осторожные выступления в той же комиссии по Уложению депутатов Коробьина и Жеребцова (см. документы по вопросу о причинах побегов крестьян, чтобы видеть в каком положении было крепостное крестьянство, а примерный наказ Рычкова (см. документы) приказчику вскрывает со всей откровенностью крепостной режим. Действительность была гораздо мрачнее, чем то, что вскрывали официальные выступления. Масса крепостного крестьянства в этот период была задавлена больше, чем когда-либо раньше. Дворянство эксплуатировало крестьянскую массу не только в имениях, но и еще больше на заводах. Даже крепостные крестьяне, положение которых было далеко не сладко, смотрели на завод, как на каторгу. Следующий факт дает достаточно яркую картину положения рабочих на заводах: „За один день за пьянство, предписывалось заводским уставом, вычитать за месяц жалованье, держать скованным при работе целый месяц, ежели же они (рабочие) от этого пьянства не уймутся, велеть их держать всегда скованными при работе, а на пропитание давать только один хлеб сухой да квас". Нечего говорить, что условия работы на Уральских горных заводах были невероятно тяжелы. Естественно, что рабочая масса должна

была представлять горючий материал: хуже того положения, в каком находился рабочий, быть не могло, и ему и в прямом и в переносном смысле „нечего было терять, кроме своих цепей“.

Рабочая масса Уральских горных заводов состояла частью из поссессионных, частью из приписных к заводам крестьян. Приписные черносошные крестьяне в своих наказах особенно жаловались на то, что их заставляют ездить за 300—400 верст на завод. Такой порядок разрушал их хозяйства и был одним из способов экспроприации крестьянства: разоренный крестьянин неизбежно попадал на завод и тем увеличивал наличную рабочую силу. Необходимо иметь в виду, что количество живой рабочей силы при ручном способе производства должно быть очень велико, рабочая сила при той ужасающей эксплуатации быстро изнашивалась: 30-40 лет обычный век рабочего на Уральских горных заводах. Такая интенсификация труда являлась результатом той же внешней торговли. Возражая против повышения заработной платы, Уральские горнозаводчики мотивировали необходимость сохранения существовавшей оплаты тем, что поднятие ее удорожит продукт, а вследствие этого железо будет невыгодно продавать за границу.

В лице рабочего Уральских заводов Пугачев имел наиболее организованную стойкую массу, которая являлась ядром всей его армии.

Три группы—рабочие, крепостные крестьяне, туземцы—представляли в движении Пугачева наиболее задавленную массу населения России второй половины XVIII в. Но армия Пугачева пополнялась не только ими. В состав Пугачевского войска входили казаки, купцы и даже мелко-поместное дворянство, правда, в очень небольшом числе, не говоря уже об однодворцах, которые толпами шли к Пугачеву.

Если три первые группы представляли собою наиболее обездоленную массу, то этого совершенно нельзя сказать о других группах. И все-таки они выступили. В одном интересы всех участников Пугачевского движения сходились—это в борьбе против монополистического торгового капитала, ведущего в колониальных областях наиболее хищническую политику; а Пугачев, так же как и Разин, поднял движение в колонизуемой части тогдашней Российской империи.

Уральское казачество, привилегированная часть Пугачевской армии, из которого составлялся штаб, выступило против монопольного капитала. Ведя по преимуществу торговлю (рыбный промысел и рыбная торговля были развиты на Яике), оно попадало в зависимость от монополиста-государства и как скупщика рыбы и, главным образом, как поставщика соли. Соляная монополия позволяла монополистам держать в своих руках рыбаков-казаков. С другой стороны, поборы царских генералов, вмешательство их в жизнь казаков создавало резко отрицательное настроение среди казачества против Петербурга, против Великороссии. Казачество сознательно выдвигало Пугачева, как Петра III, ставя своей задачей добиться лучшей доли у себя на Яике. Едва ли интересы низов России были близки казачеству: его задачей было освободить Яик. Только этим и можно об'яснить ту упорную борьбу за Оренбург, которая стоила Пугачеву и большого количества сил и затраты массы времени. Для казаков Оренбург, центр всего управления Приуралья, был бельмом на глазу. Выкурить оттуда Петербургских генералов, разрушить опорный пункт Петербургского господства для них было, может быть, единственной задачей. Этим освобождался Яик, а больше ничего казаки не хотели.

Купечество, выступившее с Пугачевым, роднило с казаками одно: борьба за право свободной торговли, стремление получить в свои руки торги. В торговле местный провинциальный купец встречал серьезного конкурента в лице дворянина-помещика. Правда, сам дворянин, конечно, не торговал, но за то крепостные его все время встречались на пути купца. Купеческие наказы в комиссию по составлению Нового Уложения пестрят жалобами, что в городах торги плохи, а в деревнях торги держат в руках помещичьи крестьяне. Купцы просят запретить крестьянам торги. Конечно, крепостной крестьянин торговал с разрешения и даже с поощрения своего помещика, и главным конкурентом купца в торговле был помещик. Еще в начале XVIII в. один из прожектеров Филиппов настаивал в своем проекте на том, чтобы дворяне занимались благородными науками и воинским делом, не вмешиваясь в торговлю. Через 50 лет этот вопрос стоял также остро и, пожалуй, еще острее, ибо погоня за деньгами в это время значительно больше уси-

лилась в сравнении с началом века. Помещик эксплуатировал на барщине крестьянина только в черноземной или в степной полосе. В нечерноземных губерниях ремесла и торговля уже во второй половине XVIII в. играли важную роль в хозяйстве крестьянина, и, конечно, чем больше наживался крестьянин, тем больше брал с него помещик. Крестьянские животы были целиком в руках помещика. Поэтому, когда купечество ратовало за запрещение торгов помещичьим крестьянам, оно выступало против дворянства и встречало в лице последнего довольно резкий отпор. С другой стороны, торговые компании XVIII в. держали в своих руках всю крупную торговлю того времени, и провинциальный мелкий купец зависел от них целиком. Все это делало провинциальное купечество противником существующего порядка, и оно становилось на сторону Пугачева.

Но именно в вопросе торговли вскрывались противоречия внутри Пугачевского движения. Черносошное, напр., крестьянство в наказах жалуется на препятствия, чинимые им в торгах купцами; торговать стремятся и верхушки татарского, мордовского населения. Примирить, конечно, всего этого было нельзя. Но в момент выступления эти противоречия еще не могли сказаться, и они не успели сказаться, ибо движение было подавлено раньше, чем они вскрылись.

Программа Пугачева отвечала, главным образом, на запросы низов, хотя затрагивала и интересы торговых групп. Если первых Пугачев награждал землями и водами, то для вторых он отменял пошлины. И это создавало ему поддержку различных слоев.

Интересен один момент в движении Пугачева—это самозванство. Болотников выступал за Димитрия, названного царя, Разин выступал без всякого прикрытия каким бы то ни было царским именем, Пугачев выступает под именем императора Петра III. Из документов видно, что казачья головка Пугачевского движения знала о самозванстве Пугачева, но масса верила, что Пугачев действительно царь. Вера в царя, независимого от дворян и чиновников, у массы была сильна. Если в 1905 году пролетариат еще верил в возможность получить от царя удовлетворение своих требований, то тем более эта вера могла существовать

в низах XVIII в. А что самозванство имело некоторое значение, показывает случай, отмеченный в показании одного из участников Пугачевского движения: жители города Осы прекратили сопротивление и открыли ворота Пугачеву только после того, как один из отставных гвардейских солдат признал в Пугачеве императора Петра III. Правда, впоследствии само имя Пугачева служило знаменем восстаний, но это было в тот период, когда движение Пугачева уже рассеивалось, шло на убыль. Усиление крепостнического режима при Екатерине II, указ Петра III о запрещении заводчикам покупать деревни, неожиданная смерть его—все это вызывало в низах симпатии к имени Петра III, делало это имя более или менее популярным.

Движение Пугачева, отличаясь большой организованностью главных сил, все-таки потерпело поражение, несмотря на широкую поддержку самыми различными слоями населения. Невозможность победы Пугачева была заложена в самом составе Пугачевского войска. Выше уже было указано на одно из таких противоречий, правда, не выявившихся резко в ходе движения. Но разгром заводов башкирцами, выступавшими вообще против русской колонизации, был уже ярким проявлением внутренних противоречий в движении Пугачева. Заводы были его базой: без артиллерии, которую доставляли ему рабочие Уральских заводов, без рабочей массы, наиболее активной, наиболее организованной, Пугачеву не только нельзя было победить, но и развить своих военных действий. Уничтожение заводов башкирцами лишало Пугачева и базы снабжения оружием и опорных пунктов. Однако, одним этим об'яснить поражение Пугачева нельзя. В нем было то же, что и в движении Разина: узость каждой выступающей группы, которая боролась только за свои местные интересы. Казаки выступали только за освобождение Яика, не ставя широких задач борьбы с самодержавием, крестьяне быстро воспламенялись, уничтожали своих помещиков, но также быстро остывали; то же можно сказать и о нерусских участниках движения. Они, отбросив натиск правительственных войск, шли уничтожать заводы, непосредственно видимого ими врага. А это были главные силы. Только рабочие боролись наиболее упорно, но рабочий того времени мог представлять хорошо

организованную силу, но не мог быть руководителем движения. Он все-таки был крестьянином, и это, конечно, не могло не сказаться. Рабочие боролись храбро, но руководить движением не могли. Движение Пугачева, как и предшествующие крестьянские движения, движения мелких производителей, не могло закончиться успешно. Оно, поднявшись очень высоко, однако, при первой же серьезной неудаче, стало быстро разлагаться. Отсутствие единой воли, преобладание местных групповых интересов у каждой группы участников неизбежно должно было привести к поражению. Господствующие классы дворянской России были достаточно сильны, чтобы справиться с этим движением. Правда, и в этот раз правительству Екатерины II, как сто лет назад Московскому правительству, потребовалось сосредоточить значительные силы, чтобы побороть революционное движение, но это ускорило развязку и только.

На протяжении двух веков в России вспыхнуло три крестьянских революции. Каждая из них усложнялась и по своему составу и по своему содержанию, но каждая из них имела все-таки одну общую черту—это внутреннее бессилие, об'ясняемое в первую очередь тем, что поднявшие восстание не могли „по своему направить экономику и политику". В крестьянских восстаниях XVII—XVIII вв. не было того, что делает революцию победоносной—сознания и воли революционного класса. В условиях господства торгового капитала, когда классовая дифференциация еще была недостаточна, иначе и быть не могло. Крестьянство получало то, чего добивалось, или из рук буржуазии, когда эта последняя была революционной и боролась с феодальным дворянством или из рук пролетариата, когда пролетариат выступил, как гегемон революции.

Составитель.

«ВСЕ ПОПЫТКИ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ, ВООБЩЕ, КРЕСТЬЯН, В ЧАСТНОСТИ, ОСОЗНАТЬ СВОЮ СИЛУ, ПО СВОЕМУ НАПРАВИТЬ ЭКОНОМИКУ И ПОЛИТИКУ КОНЧАЛИСЬ КРАХОМ»

(ЛЕНИН).

I. РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА и ВОЗНИКНОВЕНИЕ КРЕПОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Натуральный оброк.

Уставная грамота[1]) Митрополита Киприана Константиновскому монастырю. 1391, Октября 21.

Се яз Киприан, Митрополит всеа Руси, дал есмь сю грамоту монастырю своему Святому Константину и игумену. Что ми били челом сироты монастырские на игумена на Ефрема, так ркучи: наряжает нам, господине, дело не по пошлине, чего, господине, при первых игуменех не бывало; пошлины, господине, у нас емлет, чего иные игумены не имали. И игумен Митрополиту так рек: яз, господине, хожу по старой пошлине, как было при первых игуменех; а здесь, господине, на Москве игумен Царко, тот игуменил у Святого Константина перед мене, того, господине, и в'спроси. И митрополит послал Окинфа к Царку к игумену, занеже тогды Царко не издоровел, и велел в'спросити: какова пошлина в Святом Константине и как людем монастырским дела делати. И Царко игумен так отвечал Окинфу: при моем игуменстве так было в Святом Константине: большим людем из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игумнов жеребей весь рольи орать в'згоном, и сеяти и пожати и свезти, сено косити десятинами и в двор в'везти, ез[2]) бити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине поити, а истоки им забивати; а на Велик день и Петров день приходят к игумену, что у кого в руках; а пешеходцем из сел к празднику рожь молоти и хлебы печи, солод молоть, пива варить, на семя рожь молотить; а лен дасть игумен в села, и они

прядут, сежи и дели неводные наряжают; а дают из сел все люди на праздник яловицу[3]), но одинова ми, господине, добили челом, а не в пошлину, треми бараны, и яз их пожаловал за яловицу, занеже ми была ненадобе яловица, а по пошлине по старой всегды ходит яловица на праздник, а в которое село приедет игумен в братшину и сынци дают по зобне овса конем игуменовым. И Окинф те речи игуменовы Царковы сказал все Митрополиту; и потом Царко игумен омоглʻся и пришед самому Митрополиту те речи все сказал, что приказал с Окинфом к Митрополиту. И потом яз Киприан Митрополит всеа Руси вʻспросил есмь в Володимери своих бояр, того монастыря пошлин и о яловице о праздничной Михаила Биреева, Юрия Протопопина, Ивана своего повара; и не ми те ж речи сказали, и о озерех, и о истокех, и о бобровой ловле. И Киприан Митрополит всеа Руси так рек игумену и христианом монастырским: ходите ж вси по моей грамоте; игумен сироты держи, а сироты игумена слушайте, а дело монастырское делайте; а хотя кто будет иный игумен по сем игумене, и тот ходит по сей моей грамоте. А сю грамоту велел есмь положити в церкви игумену и людем, а никоторый игумен сее грамоты из монастыря да не вынесет: аще ли вынесет, не буди на нем милости Божиа и моего благословениа. А дана грамота на Москве, в лето 6900[4]), месяца Октября в 21 день, индикта[5]) 15.

Назади подпись, сее грамоты Князь Великий рушити не велел, а пожаловал игумена по сей грамоте, что в ней писано. А подписал Великого Князя диак Иван.—Рыболове мои, Великого Князя, не вʻезжают в Монастырские озера.

Сее грамоты Иона Митрополит всеа Руси не рушил; а велел игуменом и христианом по старине и по сей грамоте ходити о всем.—А подписал, по митрополичу слову, митрополичь дьяк Карло.

(Клочков.—Памятники по ист. крестьян).

Перевод.

Уставная грамота митрополита Киприана Константиновскому монастырю 1391 года, 21 октября.

Я, митрополит всей Руси Киприан, дал настоящую грамоту Константиновскому монастырю и его игумену в том, что мне жаловались сироты монастырские на игумена

Ефрема. Они говорили, что игумен назначает им повинности не по пошлине и наряжает их на работы, делает сборы такие, каких не было при прежних игуменах. Игумен митрополиту говорил таким образом: я собираю сборы и веду дело так, как было при прежних игуменах; в настоящее время здесь в Москве живет прежний игумен Константиновского монастыря Царко, ты можешь у него узнать. Так как Царко был болен, то митрополит послал к нему Акинфа разузнать, какие были пошлины на крестьянах в Константиновском монастыре, и какие они должны были нести натуральные повинности. Игумен Царко сообщил следующее: крестьяне из монастырских сел должны были украшать церковь, огораживать монастырь и двор, строить постройки, обрабатывать наездом весь игуменов участок: сеять, жать, косить и свозить сено, бить вешний и зимний ез, ухаживать за садами, прудить пруды, охотиться на бобров и делать запруды; на Пасху и в Петров день должны приходить к игумену с подарками; для приходящих из сел к празднику намолоть ржи, напечь хлеба, смолоть солод, наварить пива; молотить на семена рожь; прясть пряжу у себя в селах из льна, который дает игумен, и плести неводные сети; на праздник из сел все жители дают телку; если в какое-либо село приезжает игумен, то они должны давать по мере овса игуменовым лошадям.

Все это Акинф передал митрополиту, а когда Царко выздоровел, то, придя к митрополиту, он подтвердил все, что передал с Акинфом. Кроме этого, я, митрополит, спросил во Владимире своих бояр Михаила Биреева и Юрия Протопопина, а также своего повара Ивана, о том, какие берут пошлины с крестьян этого монастыря, обязаны ли они давать в праздник телку, обязаны ли ловить бобров, прудить истоки и ловить рыбу в озерах. Все спрошенные подтвердили тоже самое.

Поэтому я, митрополит всей Руси Киприан, сказал игумену и крестьянам монастырским, чтобы они жили все по моей грамоте: игумен должен управлять сиротами монастырскими, а сироты должны слушаться игумена и выполнять все монастырские дела, если будет другой игумен то пошлины нести по этой грамоте.

Переходы крестьян до закрепления.

Жалованныя грамоты Вологодского князя Андрея Васильевича Кириллову монастырю о неотказе из-за монастыря серебряников прежде и после Юрьева дня—1471.

I. Се яз, князь Андрей Васильевич, пожаловал есми старьцов Кирилловьских: что у них деревни в моей отчине на Вологде, в Маслине, и они у них ден из тех деревень людей их отказывают, серебряников[6]) Юрьевских, до году, и яз тех старцов пожаловал: мои князи и бояре („И бояре" так поправлено: в подлин. „и бияре"), и дети боярьские, и посельские мои, у тех старцов, из тех деревень из монастырьских, серебряников Юрьевских после Юрьева дни не отказывают, по сей моей грамоте, а хто откажет до Юрьева дни, или после Юрьева дни, ино тот отказ не в отказ.

II. Пречистыя ради Богородици и честного ея Успения, по отца своего грамоте великово князя Василья Васильевича и по грамоте матери своие великие княгини Марии, се яз, князь Андрей Васильевич, пожаловал есмь игумена Игнатья с братьею Кириллова монастыря, или хто по нем ины игумен будет в том монастыре: что, сказывают, отказывают ден у них монастырьских людей и серебряников до Юрьева дни, и тех их людей монастырьских всех и серебряников, и мои наместници и волостели и посельские и слободщики, и всякия и хто нибуди, отказывают у них людей о Юрьеве дни о осеннем, да после Юрьева дни не отказывают; а коли отказывают, тогды и серебро заплатят. А дана на Вологде грамота в лето 6980, декабря 6, индикт 5.

(Клочков, Памятники по ист. крестьян).

Перевод.

Жалованные грамоты князя Андрея Васильевича о неуходе из монастыря серебренников до и после Юрьева дня (1462-1471 г.).

1. Я, князь Андрей Васильевич, пожаловал старцев Кириллова монастыря, чтобы у них в деревне Маслине, в моей вотчине в Вологде, серебрянники могли уходить только в Юрьев день, и чтобы мои князья, и бояре, и дети боярские, и крестьяне не брали крестьян после Юрьева дня; а если кто возьмет крестьян до или после Юрьева дня, то отказную грамоту считать недействительной.

2. Я, князь Андрей Васильевич, пожаловал игумена Кириллова монастыря Игнатия с братией и всякого другого игумена, который будет после него, следующей грамотой: говорят, что у них монастырским людям (крестьянам) и серебренникам мои наместники, волостели дают отказные

грамоты до Юрьева дня и после него. Поэтому я приказываю, чтобы отказных грамот ни до, ни после осенняго Юрьева дня не давали. А если такие отказные грамоты и дают, то должен быть выплачен выкуп.

Несвободное население.

Из Судебника [7]) великого князя Иоанна Васильевича 1497 г.

Ст. 18. О отпускной грамоте. А положит кто отпускную без боярского докладу [8]) и без диачьи подписи или с городов без наместнича докладу, за которым боярином кормление с судом боярским, ино та отпускная не в отпускную, опроче тое отпускные, что государь своею рукою напишет, и та отпускная грамота в отпускную.

Ст. 20. О наместниче указе. А наместником [9]) и волостелем [9]), которые держат кормление без боярьского суда, холопы и робы без докладу не выдати, ни грамоты беглые не дати, також и холопу и робе на государя грамоты правые не дати без докладу; и отпускные холопу и робе не дати.

Ст. 23. А с холопа и с робы печатнику имати от правые грамоты с головы по девяти денег, а диаку имати подписи с головы по алтыну, а под'ячему, который грамоту напишет, имать с головы по три денги.

Ст. 56. А холопа полонить рать татарскаа, а выбежит из полону, и он слободен, а старому государю не холоп.

Ст. 57. О христьанском отказе. А христианом отказыватися из волости, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дня осенняго и неделя после Юрьева дня осенняго. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина. А которой христианин поживет за кем год да пойдет прочь, и он платит четверть двора; а два года поживет да пойдет прочь, и он полдвора платит; а три года поживет, а пойдет прочь, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет, и он весь двор платит.

Ст. 66. О полной грамоте. По полной грамоте холоп [10]), по тиунству [11]) и по ключю по сельскому холоп [12])

с докладом и без докладу и с женою и с детми, которые у одного государя; а которые его дети у иного, или себе учнут жити, то не холопи; а по городцкому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, по приданой холоп, по духовной холоп.

(Хрестоматия Владимирского-Буданова, II).

Перевод.

Из Судебника великого князя Ивана III, 1497 г.

Ст. 18. Об отпускной грамоте. Если холоп предъявит отпускную без боярской записи и подписи дьяка, или из города без записи боярина-наместника, то такая грамота недействительная. Если же отпускная подписана рукою государя, то такая—действительна.

Ст. 20. Об наместничьем указе. Наместникам и волостелям, которые управляют данной местностью, но без права боярского суда, не выдавать холопам и рабам грамоты без особой записи, не выдавать грамоты на беглых и отпускных грамот.

Ст. 56. Если холоп попадет в плен к татарам и убежит из этого плена, то он становится свободным и не считается холопом своего прежнего владельца.

Ст. 57. О крестьянском отказе. Крестьянам можно отказываться от работы у своего прежнего владельца и переходить из села в село один раз в году: за неделю до или после осеннего Юрьева дня. Пожилое крестьяне должны платить в местностях полевых рубль, а в лесных—полтину за двор. Если крестьянин проживет у какого-либо помещика год и уходит от него, то он оплачивает четверть стоимости двора, если два года—то половину стоимости, если три года—то три четверти стоимости, а если четыре года—то полную стоимость двора.

Ст. 66. О полной грамоте. Холопы бывают по полной грамоте те, кто принимает на себя обязанность ключника, затем холопы докладные; все они являются холопами вместе с женами и детьми в том случае, если их семья живет у этого же владельца; те дети, которые живут у другого владельца, не являются холопами его господина; кто служит ключником в городе, тот не является холопом; женившийся на рабе становится холопом; женщина, вышедшая замуж за холопа, становится рабой. Холопа можно передавать в приданое и по духовному завещанию.

Несвободное население (ограничение по владению холопами).

Из Судебника царя Иоанна Васильевича 1550 г. [13])

Ст. 76. А о холопстве суд. По полной грамоте холоп, по ключю по селскому, с докладною холоп с женою и с детьми, которые у одного государя с ним в одной крепости и которые породилися в холопстве; а которые его дети родилися до холопства, а учнут жити у иного государя, или себе учнут жити, то не холопи. А по городскому ключю не холоп; по робе холоп, по холопе роба, по духовной холоп, по приданной робе холоп, а по холопе роба. А по тиунству, без полныя и без докладныя, не холоп; а по селскому ключю без докладныя не холоп. А полному и докладному холопу сына своего свободного, которой ся у него родил до холопства, не продати; а продастся он сам кому хочет, тому ж ли государю, у кого отец его служит, или иному, кому хочет. А отцу его и матери у полныя не стояти и из холопства не взяти, потому что отец его и мати сами в холопех; да и в полных и в докладных то писати, что у него отец и мати есть, а у полныя не стояли, потому что сами в холопех. А у кого отец в черньцех, или мати в черницах, и тому отцу и матери у своего сына и у дочери у полныя и у докладныя не стоятп ж и из холопства не взяти; а в полныя и в докладныя писати, что у него отец и мати есть, а у полныя и у докладныя не стояли потому, что пострижены; да и не продавати им своих детей, продастся он сам, кому хочет.

Ст. 77. А отпускныя давати с боярского докладу, а бояром к тем отпускным печати свои прикладывати, а дияком подписывати; а отпускныя давати на Москве бояром да дияком, да давати отпускныя в Великом Новегороде да во Пскове наместником да дияком. А пошлины имати от отпускныя: боярину или наместнику от печати с головы по девяти денег, а дияку от подписи с головы по алтыну а под'ячему, которой отпускную напишет, с головы по три денги. А опричь Москвы да Великого Новагорода и Пскова, инде нигде, ни в которых городех, отпускных не давати. А кто положит отпускную без боярского докладу, и без поу-

городских и псковских наместников докладу, и без диячее подписи, хотя и государя своего руку, и та отпускная не в отпускную.

Ст. 78. А которые люди вольные учнут бити челом князем и бояром, и детем боярским, и всяким людем а станут на себя давати кабалы за рост служити: и боле пятинадцати рублев на серебряника кабалы не имати. А старые кабалы, которые иманы на волных людей, и больши пятинадцати рублев, до сего Уложения, а за рост им в тех денгах у них служити: и тем людем те кабалы приносити к бояром, и бояром к тем кабалам печати свои прикладывати, а дияком подписывати; а вперед кто ту кабалу оболживит, и та кабала вершити по суду. А имати им кабалы на вольных людей, а на полных людей, и на докладных, и на старинных холопей кабал не имати. А кто возмет на полного, или на докладного, или на старинного холопа кабалу, не спытав, или кто на него беглую грамоту возмет, а кто на того холопа положит полную или докладную, или доведет на него которое старинное холопство, по духовной грамоте и по иным крепостем, и у того денги пропали. А чей тот холоп был, а скажет тот, что от него тот холоп сбежал, покрадучи: и та гибель взяти на том, кто не обыскав на чужего холопа кабалу или беглую возмет; а тот холоп, по старому холопству или по полной, или по докладной, или по духовной, тому государю.

Ст. 79. А положат на одного холопа две полныя, или две докладныя: и которая будет старее, и тому тот холоп; а денги по новой полной или по докладной у того пропали. А снос старого государя взяти на том, кто положит новую полную или докладную, а тот ся ведает с своим знахорем сам, а станет тот на того знахоря бити челом о суде, ино на него суд дати.

Ст. 80. А холопа рать полонить, а выбежит из полону, и он свободен, а старому государю не холоп; а похочет тот холоп к своему к старому государю, и того холопа явити бояром, а дияку подписати на старой крепости, а пошлины имати с головы по алтыну. А которой холоп побежит с государем своима, или один подбежит без государя своего, а не рать полонит, и выйдет тот холоп, из которыя земли опять к Москве: и он старому государю холоп по старому

холопьству, опричь того, нечто кому государь пожалует даст волную грамоту.

Ст. 81. А детей боярских и их детей, которые не служивали, в холопи не приймати никому, опричь тех, которых государь от службы отставит.

Ст. 82. А кто займет склко денег в рост, и тем людем у них не служити ни у кого, жити им о себе; а на денги имь рост давати. А кто даст денег в заем в рост, да того человека станет держати у себя, и сбежит от него тот человек покрадчи, и что снесет, то у него пропало, а по кабале денег лишен.

Ст. 88. А крестьяном отказыватися из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни осеннего и недели по Юрьеве дни осеннем. А дворы пожилые платят: в полех за двор рубль да два алтына, а в лесех, где десять верст до хоромного лесу, за двор полтина да два алтына. А которой крестьянин живет за кем год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора, а два годы поживет, и он платит полдвора; а три годы поживет, и он платит три четверти двора; а четыре годы поживет и он платит весь двор, рубль и два алтына. А пожилое имати с ворот;[14]) а за повоз[15]) имати с двора по два алтына; а опричь того на нем пошлин нет. А останется у которого крестьянина хлеб в земли, и как тот хлеб пожнет, и он с того хлеба, или с стоячего, даст боран два алтына. А по кои места была рожь его в земли, и он подать цареву и великого князя платит со ржи; а боярского ему дела, за кем жил, не делати. А попу пожилого нет, и ходити ему вон безсрочно воля. А которой крестьянин с пашни продастся кому в полную в холопи, и он выйдет безсрочно ж, и пожилого с него нет; а которой хлеб его останется в земли, и он с того хлеба подать цареву и великого князя платит; а не похочет подачи платити, и он своего хлеба земляного лишен.

Хрестоматия Владимирского-Буданова, II, стр. 137, 163—167, 172—174).

Перевод.

Судебник царя Ивана Грозного 1550 г.

Ст. 76. О холопах. Холопы бывают по полной грамоте: тот, кто является ключником в селе, при чем на него

имеется запись; жена и дети, если они живут у этого же владельца, являются холопами его же; те дети, которые родились, когда данный человек был холопом, становятся тоже холопами, те же, которые родились, до того, как он стал холопом и живут у другого владельца или самостоятельно, не являются холопами. Ключник в городе не является холопом. Женившийся на рабе становится холопом, также и вышедшая замуж за холопа становится рабой. Холоп может быть передан по духовной грамоте. Тиун, если на него нет полной и докладной холопской грамоты, не является холопом, также и сельский ключник, если на него нет докладной грамоты, холопом не является. Холоп по докладной и полной грамоте не имеет права продавать в холопство своего сына, родившегося у него тогда, когда холоп был еще свободным; такому сыну холопа предоставляется право продаться или тому владельцу, у которого его отец состоит холопом, или другому кому-либо. Отцу и матери его в качестве свидетелей при заключении полной холопской грамоты быть не разрешается, также им не разрешается выкупать его из холопства, ибо они сами являются холопами. В докладной и полной холопской грамоте отмечать, что у него есть отец и мать, но при составлении грамот не присутствовали, так как они являются холопами. Также не разрешается быть при составлении полной и докладной грамоты детей, уходящих в холопы, родителям их, если родители являются монахами. Родителям монахам не разрешается выкупать своих детей из холопства, также и продавать своих детей в холопство.

Ст. 77. Отпускные грамоты холопам даются после записи их у боярина; боярин должен к этим отпускным прикладывать свою печать, а дьяк дать свою подпись. Отпускные разрешается боярам и дьякам давать в городе Москве, Пскове и Новгороде; отпускные дают наместник и дьяк; с отпускных полагаются пошлины боярину или наместнику по девяти денег с каждого, дьяку по алтыну с каждого, а под'ячему, который пишет отпускную, по три деньги. Кроме Москвы, Великого Новгорода и Пскова нигде отпускных давать не разрешается. Если кто-либо представит отпускную без боярской записи и без записи у Новгородского и Псковского наместника, такая отпускная считается недействительной.

Ст. 78. Если вольные люди станут давать на себя кабалы князьям, боярам и детям боярским и вообще всяким людям, что они обязуются служить за полученные деньги, то с таких серебренников не брать больше 15 рублей. По старым кабалам, со ссудой больше, чем 15 рублей, за эти деньги должна продолжаться служба; получивший такие кабалы должен представить эту кабалу боярину, который

удостоверяет своей печатью и подписью дьяка. Если же в дальнейшем правильность этой кабалы оспаривается, то дело разрешается судебным порядком. Кабалы необходимо иметь только на вольных людей, на полных холопов, на докладных и на старинных кабал не иметь. Кто же возьмет кабалу на полного докладного или старинного холопа или получит грамоту с беглого, то в том случае, если прежний владелец представит документы, доказывающие принадлежность ему холопа, холоп возвращается к нему, а деньги, данные в ссуду новым владельцем последнему, не возвращаются. В том же случае, если прежний владелец докажет, что холоп сбежал от него тайно, то с того, кто принял этого холопа, берется штраф.

Ст. 79. Если на одного холопа будут представлены две полные или докладные грамоты, то он считается холопом того, чья грамота более старая, деньги же, выданные по новой полной или докладной грамоте, считаются пропавшими. Убытки старого владельца платит тот, кто представил новую запись, а этот последний может взыскивать потерянное с того, кто подтверждал, что написавший на себя кабалу—не холоп.

Ст. 80. Если холоп попадает в плен и убежит оттуда, то он становится свободным; в том случае, если этот освободившийся от холопства пожелает снова стать холопом своего прежнего владельца, то для этого необходимо составить запись у боярина и уплатить за эту запись пошлину в алтын. Если холоп убежит из Московского государства вместе со своим владельцем или один, но не попадет в плен и снова возвратится к Москве, то он остается холопом своего прежнего владельца, за исключением того случая, когда государь даст ему вольную грамоту.

Ст. 81. Детей боярских и их детей, которые не были на службе, не принимать никому в холопы, за исключением тех, которых государь отставит от службы.

Ст. 82. Кто возьмет у кого-нибудь в рост деньги, то за это он не должен служить кредитору, а должен давать за полученные деньги проценты; если же давший взаймы деньги будет держать заимодавца у себя, а этот последний сбежит от него, то невыплаченное кредитор получить не может.

Ст. 88. Крестьянам отказываться от службы у своих владельцев и переходить из одного места в другое разрешается один раз в году, а именно в течение недели до и после Юрьева дня. За пожилое платят в местностях полевых за двор рубль и два алтына, а в лесах, где десять верст до строевого леса, полтину и два алтына. Крестьянин, проживший год, уплачивает четверть стоимости двора, два года — пол стоимости, три года — три четверти стоимо-

сти, четыре года — полную стоимость, то есть, рубль и два алтына. Пожилое берется с ворот; за повоз прежний владелец получает с двора два алтына. Если крестьянин на месте прежнего своего жительства оставляет озимый посев, то после того, как он сожнет этот хлеб, даст подать в два алтына. В тех же местах, где у него осталась озимая рожь, со ржи платится подать царю, боярину же, у которого жил, он ничем не обязан. Поп пожилого не платит и уходить он может свободно. Если крестьянин продастся в холопы, то он уходит бессрочно и пожилого с него не берется. С озимого хлеба он платит подать царю, если же откажется от платежа этой подати, то лишается права на этот хлеб.

Переход к денежному оброку.

Оброчная грамота Замосковной Вохонской волости, бобровничьей полусохи крестьянам. —1561, Марта 10.

По государеву княж Володимерову Ондреевича слову, дворецкой, князь Ондрей Петрович Хованской, дал на оброк Данилку Степанову сыну, да Ивашку Иевлеву сыну, да Назарку Савинову сыну, и всем крестьяном, в Замосковской волости в Вохне полусохи [16]) бобровничей, которые крестьяне в той полусохи бобровничей живут, деревню Демидово, деревню Соурово, деревню Созоново, деревню Бор, деревню Зимницы, деревню Самойково, деревню Симанцово, деревню Прудково, и всего восмь деревень; а с деревни Ковригина, что была за Бернятою на оброце; всего они с тех девяти деревень, по книгам писма князя Романа Дашкова да Федороа Адашева лета 7051, с полусохи давали дани и ямских денег оброку по двадцати рублев и по двадцати по пяти алтын на год, и с тем, что Берната имал: а ныне им, со всех с тех деревень давати за дань, и за посошной корм [17]), и за дворовое дело, и за волостелин присуд, и за ловчего пути, и за тиунской, и за праветчиков [18]), и за доводчиков [18]) побор, и за все пошлины пятьдесят один рубль, да пошлин по два алтына с рубля, а дати им тот оброк в первые половины двадцать пять рублев с полтиною на Сборное Воскресение лета 7069, а другая половина дати двадцать же пять рублей с полтиною на Семен день Летапроводца лета 7070. И перед старым и передо всеми пошлинами наддали тридцать рублев с четвертью.

Перевод.

Оброчная грамота Замосковной Вохонской волости крестьянам бобровничьей полусохи. 1561 год, 10 марта.

По распоряжению князя Владимира Андреевича его дворецкий, князь Андрей Петрович Хованский, дал на оброк Данилу Степанову, Ивану Иевлеву и Назару Савинову и другим крестьянам в Замосковной волости, живущим в Вохне в бобровничьей полусохи, деревни Демидово, Сазоново, Бор, Зимницы, Самойково, Симонцево, Прутково и всего восемь деревень и деревню Ковригино, что была в оброке за Бернятой; и всего они с этих девяти деревень на основании писцовых книг, составленных в 1543 году князем Романом Дашковым и Федором Адашевым, платили с полусохи: ямских денег по двадцати рублей и двадцати пяти алтын в год вместе с тем, что получал Берията. Теперь же им со всех этих деревень уплачивать в качестве подати за посошной корм взамен натуральных повинностей, за волостной суд, за ловчий путь, за поборы для тиунов, праверчиков и доводчиков и за всякие другие пошлины пятьдесят один рубль; да кроме того пошлины по два алтына с рубля. Первую половину этого оброка в размере двадцати пяти рублей они должны заплатить в 1561 году, а другую половину в 1562 году. В сравнении со старыми пошлинами надбавлено тридцать рублей с четвертью.

Уставная грамота Соловецкого монастыря, Бежецкого Верха, села Пузырева.—1561, Маия 2.

Благословение Филиппа, игумена Соловецкого монастыря, яже о Христе с братьею, в Бежицкой Верх, в Мещерской стан, в село в Никольское Пузырево крестьяпам нашим, сельчаном и деревеньщиком, лутчим и середним и молодым и всем безъимены. Прислали есте к нам бити челом Никольского села крестьянина Ивана Клевнева о том, что будто се на вас наши приказщики емлют наш оброк и пошлины не по нашим жалованным грамотам и не по окладу, и дела делати велят не по уложению, через наш оклад. И яз, игумен Филипп, о том с братьею соборовав, вас благословил есмя и пожаловали: вперед приказщиком своим ходити у вас велели по сей нашей жалованной грамоте и по окладу. Имати у вас оброк хлебной, с тридцати вытей и с трех вытей, на год с выти по четыре четверти ржы да четыре

четверти овса, в новую меру Городецкую; да с тех же вытей на год с выти, на Оспожин день, по сыру по сухому, а нелюб сыр и за сыр две денги; да в осень, на Покров святей Богородици, по пятидесят яиц да по хлебу да по калачу. А пашню пахати на монастырь в селе Николском, а сеяти семяны монастырьскими, с выти по четверти ржи да по две четверти овса, и всее пашни пахати на монастырь, сеяти в поле тридцать четвертей и три четверти ржы, а овса шестьдесят четвертей и шесть четвертей, а похощет приказщик сеяти пшеницу, или жито, или горох, или гречу, или лен, и крестьяном то пахати, на которых десятинах приказщик излюбит. Також волостью на приказщика и на слугу, и на доводчика, крестьяном рожь на хлебы и солод на квасы молоти. Да с тех же с вытей, с выти привозити на монастырьской двор по два возы дров, да поленных, по третьему возу с'сновых дров на квасы, да по десяти полен лучины, також крестьяном. А повоз везти к Вологде с выти по лошади, а на лошади везти по четыре четверти ржы, а овса по шти четвертей; а с Вологды везти в село в Николское, или на Городецко, или на Киасову Гору, на тех же конех, на выть по полутретьядцати пудов соли; а пшеница, и горох, и семя, и крупа запарная, и толокно класти против ржы, а солод и гречневая крупа класти на лошадь по пяти четвертей; а лучится повоз везти к Москве, или на Белоозеро, или ближе Вологды, или дале Вологды, и крестьяном с приказщиком в том счет против Вологды; а не лучится крестьяном которого году повоз везти, ино на них взяти за подводу по четыре гривны Московскую.

Також и доводчику имати своя пошлина с тех же вытей, с тридцати вытей и с трех вытей, с выти празничных кормов: на Велик день две денги Московская, а на Петров день также две денги Московская, а на Рождество Христово четыре денги Московская; да с тех же вытей доводчику на год с выти по два алтына, то ему и осенчина, и всего доводчикова доходу на год с выти по гривне по Московской; да доводчику же в'езжего, на всякой год, с всякого дыма по две денги, а кого даст на поруку доводчик на селе и ему имати хоженого денга Московская, а по кого поедет в волость на поруку давати и ему имати езду на версту по денге по Московской, а на правду с суда вдвое.

Також есмя вас благословил и пожаловали о суде и о пошлинах: судити приказщику, а с ним быти в суде священнику да крестьяном пятма или шестмя добрым и середним, а на виноватом имати пошлина с рубля по алтыну; а лучится приказщику ехати на межу или на протраву, или кого лучится послати, и на виноватом взяти за боран алтын, и доводчику имати езду на версту по денге, а на правду с суда вдвое.

Лучится у кого свадба, выдаст за волость дочерь, и приказщику куница десять денег да с отводин хлеб да колачь, а доводчику две денги; а женит сына, и приказщику алтын новоженой да хлеб да колачь, а доводчику две же денги. А лошадь или корову продаст за волость или менит за волостью, и с лошади и с коровы явки по московке; а меж себя купят или меняют, и приказщику не имати ничего. А кто продаст хоромину с места, или стог сена, или копну ржы, и приказщику явки с хоромины и со . . . денга; а кто продаст хоромину, и того дати на поруку в том, что ему на том месте хоромина такова ж поставити, какову продаст. А двор монастырьской и гумно крестьяном поделовати, и которые хоромины пристареют, и в тех хором место новые хоромы ставити. И приказщика слушати во всем, и на монастырьское дело ходити на солнечном всходе, как десяцкой весть подаст; а кто не придет, на том заповеди приказщику две денги, а доводчику с десяцким две денги; а коли приказщик позовет в монастырьское дело крестьян в честь, сверх урочного дела, и кто придет, и приказщику тех людей кормити монастырьским хлебом. А у которых крестьян в полях рощици, и им тех рощиц беречи, а на дрова и на жерди к изгородам не сечи; а кому понадобится столп, или подпор, или переклад, и им сечи тот запас доложа приказщика; а кто учнет сечи без докладу, и на том взяти заповеди приказщику полполтины на монастырь. Також есмя вас благословил и пожаловали; велели давати хлеб в заем, рожь и овес, без наспу и не в цену, а имати у вас пылового и на умер на год с четверти со ржы по четыре денги по Московскую, а овса с четверти ж по две денги по Московскую; а по грехом которого году хлебу недород, и которые крестьяне за нужу учнут тем заемным хлебом окладываться, и приказщику имати то пыловое с четверти

на год, со ржы по четыре денги, а с овса по две денги с четверти, с того окладного хлеба на всякой год. Також есми вас благословил и пожаловали: волно вам меж себя дворы и землями меняти и продавати, доложа приказщика; а кто свой жеребей продаст или променит, и приказщику имати на том явки меновного, с обеих половин, на монастырь полполтины; а кто продаст свой жеребей, а сам пойдет за волость, и на том имати похоромное сполна, а с купца имати порядное посмотря по земле и по угодью; а по грехом, кому не поживется и похочет пойти из волости вон, а купца на его жеребей не будет, и на том имати похоромное сполна, а его выпущати по сроку. Писана в монастыре в Соловках, лета 7069 Маия 2 день.

(Памятники по истории крестьян, № 22).

Перевод.

Уставная грамота Соловецкого монастыря крестьянам села Пузырева, Бежецкого Верха 2-го мая 1561 года.

Благословение Филиппа, игумена Соловецкого монастыря, в Бежецкий Верх, Мещерский Стан, в село Никольское Пузырево нашим крестьянам, сельчанам, деревенщикам, лучшим, средним и молодым и вообще всем. Вы прислали к нам крестьянина Ивана Клевнева с жалобой на то, что будто бы наши прикащики собирают с вас оброк и пошлины не по нашим жалованным грамотам и не по установленному окладу и заставляют делать работу сверх установленных норм. Вследствие этого я, игумен Филипп, установил следующее: впредь нашим прикащикам производить сборы по установленному в этой жалованной грамоте окладу. Брать с вас оброк хлебом с тридцати трех вытей в год, с выти по четыре четверти ржи и четыре четверти овса; с тех же вытей кроме того брать в год с выти по сухому сыру, если не пожелаете платить сыром, то вместо этого две деньги; осенью на Покров должны принести по пятидесяти яиц по пол-хлеба и по калачу каждый. В селе Никольском пахать монастырскую пашню, посев производится монастырскими семенами; с выти доставить по четверти ржи и по две четверти овса, и всего пахать на монастырь и сеять в поле тридцать три четверти ржи и шестьдесят шесть четвертей овса; в случае, если прикащик захочет посеять пшеницу или ячмень, или гречу, или лен, крестьяне должны для этого вспахать те десятины, на которые укажет прикащик. Всей волостью обязаны намолотить рожь на хлеб и солод, на квас для прикащика, монастырского слуги и доводчика.

Крестьяне должны привозить на монастырский двор с выти по два воза дров и один воз сосновых дров на квасы и по десять полен лучины. Отвозить к Вологде по четыре четверти ржи и по шесть четвертей овса на каждом возу, при чем с каждой выти должна быть доставлена одна лошадь. На этих же подводах привозить из Вологды в село Никольское или в село Городецкое или на Киасову гору по пятнадцати пудов соли; пшеница, горох, семя, гречневая крупа, толокно на воз кладется в таком размере, как и рожь, а солод и гречневую крупу класть на лошадь по пяти четвертей. Если будет необходимо совершить поездку в Москву или на Белоозеро, или вообще ближе или дальше Вологды, то такая поездка засчитывается, как поездка в Вологду. В случае же, если в каком-либо году не будет надобности в этих поездках, то крестьяне вместо представления лошадей обязаны платить по четыре гривны московской с воза.

Доводчику собирать с этих же тридцати трех вытей пошлину—праздничные сборы: на Пасху две деньги московские, на Петров день столько же, на Рождество четыре деньги; да кроме того с каждой выти доводчику платится в год по два алтына и, таким образом, всего доводчик получает с каждой выти ежегодно по московской гривне; кроме этого доводчик со всякого дыма получает вз'езжей пошлины по две деньги; тому, кого пошлет доводчик вместо себя на село, уплачивается деньга московская; если доводчик сам поедет в какое-нибудь село давать поруку, то ему оплатить поездку: деньга с версты да за поручительство на суде вдвое.

Вместе с тем, мы установили оклад о суде и о пошлинах: суд совершает прикащик, вместе с ним на суде должны быть священник и пять или шесть крестьян; с виновного берется пошлина по алтыну с рубля; если прикащику случится ехать для определения межи или выяснять дело о потраве, то с виновного берется алтын, а доводчику за поездку по деньге с версты, а за присутствие на суде вдвое.

Если у кого будет свадьба, и крестьянин выдает дочь в другую волость, то прикащику платится десять денег, да за отвод хлеб да калач, доводчику платится две деньги; в случае женитьбы сына прикащику платится алтын и доводчику две деньги. Если крестьянин продает или меняет лошадь или корову в чужую волость, то с лошади и с коровы платится по деньге московской; если продажа и обмен происходит внутри волости, прикащик не получает ничего. В случае продажи избы, стога сена или копны ржи прикащику при заявке об этом платится деньга. Крестьяне обязаны устраивать монастырский двор и гумно,

в случае необходимости ставить новые постройки. Прикащика слушаться во всем, и на работу для монастыря выходить на солнечном восходе, как только десятский будет вызывать; кто не явится во время, тот платит штраф две деньги прикащику и две деньги доводчику с десятским. Если кого-либо из крестьян позовет прикащик на монастырскую работу сверх урока, то он обязан накормить его монастырским хлебом. Рощицы, находящиеся на полях крестьян, беречь и на дрова и на жерди не рубить; если понадобится бревно или подпор, то рубка разрешается после доклада прикащику; кто совершит порубку без разрешения прикащика, тот платит штрафу полполтины.

Кроме того я благословил вас и пожаловал: велел давать хлеб взаем: рожь и овес без накладу, а брать с вас в год за этот хлеб с четверти ржи по четыре деньги московской, а с четверти овса по две деньги; в случае недорода и в случае, если крестьянин терпит нужду, оплата за заемный хлеб откладывается, но прикащик получает в год процентов с четверти ржи по четыре деньги и с четверти овса по две деньги.

С разрешения прикащика вам разрешается менять и продавать друг другу землю и дома; если же кто сменяет и продаст свой жребий без разрешения прикащика, то с того и другого (продавца и покупателя) платится прикащику штраф полполтины. С того, кто продаст свой жребий и уйдет из волости, подворное берется сполна, а с купившего порядная, смотря по земле и по угодьям; если кто захочет уйти из волости, а покупателя на его жребий не будет, то с уходящего подворное берется сполна, а выпускать его из волости разрешается только по окончании договоренного срока.

Денежный оброк.

Уставная грамота Троицко-Сергиевского монастырского собора крестьянам разных сел и деревень.—1590 в Апреле.

1. Милости ради Святыя Живоначальныя Троицы и Пречистыя Богородицы и великих Чюдотворцев Сергия и Никона, Троецкой Сергиева Монастыря архимандрит Кипреян, поговоря с келарем старцем Еустафьем да с Варсонофьем Якимовым да с казначеем старцем Игнатием Лодыгиным и со всеми старцы соборными пожаловали есмя своих крестьян Хоритоновских Окула Терентиева да Оксена Ива-

нова да Тимоху Гришина и всех крестьян селских и деревенских: кто будет наш приказщик в селе Харитонове, и ему имати на три праздники, на Рожество Христово, на Велик день, на Петров день, с выти по две денги; а выводные куницы имати по полутретья алтына да новоженной алтын, а дву денег за утиралник не имати. А на поруку которого крестьнина дати в селе, ино хоженого денга, а в деревнях езду две денги. А случится крестьянину со крестьянином суд, и досудит до поля, и став у поля да побиются, ино поселскому полевых пошлин два алтына; а став у поля да помирятся, ино по селскому мировых пошлин десять денег; а на суд не ходя, за приставом, да помирятся, ино по селскому пошлин нет никоторых. А коли поедет наш приказщик за крестьяны в город, о какове деле нибуди, и ему ести монастырское, а езду на крестьянех не имати. А у которого крестьянина случится особное пивцо, на родинах или на родителех поминок, и нашему приказщику с того не имати ничего; а с братчины ему имати по две деньги. А кто продаст крестьянин меж собою в одной волости, или за волость, лошадь или корову, и приказщику пошлин с того денга; а сменяют лошадми в своей волости, или за волость, и с того приказщику денга; а кто продаст стог ржи или стог сена, и приказщику явки денга. А которой крестьянин продаст струб в своей волости или за волость, и приказщику с того пошлин не имати ничего. А сторожей крестьяном на монастырский двор наймовати от Юрьева дня осеннего до Юрьева дня вешнего. А прочетчи сю нашу жалованную грамоту, отдавати крестьяном вперед для наших приказщиков. Писана на Москве, в Богоявленском монастыре, лета 7098 месяца Апреля в 29 день.

(Памятники по истории крестьян XIV—XIX в., № 29).

Перевод.

Уставная грамота Троицко-Сергиевского монастыря крестьянам 1590 года, апреля 29.

Во имя Святой Живоначальной Троицы, Пречистой Богородицы и Великих Чудотворцев Сергия и Никона, архимандрит Троице-Сергиева монастыря Киприан, посоветовавшись с келарем, со старцем Евстафием, да с Варсонофием Яки-

мовым, да с казначеем старцем Игнатием Лодыгиным и со всеми старцами, пожаловали своих Харитоновских крестьян: Окула Тереньтьева, Аксена Иванова, Тимофея Гришина и всех крестьян, живущих в селах и деревнях, следующим: нашему прикащику в селе Харитонове получать с крестьян на три праздника: на Рождество Христово, Пасху и Петров день—с выти по две деньги; выводных денег получать полтора алтына, со свадьбы—алтын. Если дается поручительство за крестьянина в том селе, где живет прикащик, то прикащику платится одна деньга, а если прикащику нужно выезжать в другую деревню, то проездного две деньги. Если между крестьянами происходит тяжба, и суд постановляет закончить дело поединком, то в случае, если тяжущиеся между собою побьются, сельскому старосте платится пошлины два алтына, если же, придя на поединок, помирятся, то пошлины десять денег. Если договорятся между собою, не ходя еще на суд, в присутствии пристава, то пошлины не полагается. В случае поездки прикащика из за крестьян в город по какому бы то ни было делу, то на поездку крестьян не наряжать и пропитание во время поездки получать из средств монастыря. Если у какого-нибудь крестьянина на родинах или на родительских поминках будет сварено пиво, то с этого пива прикащик пошлины не получает, а в случае какого-либо другого торжества, прикащик получает две деньги. Если крестьянин продаст или сменяет лошадь или корову в своей волости или в другой волости, прикащику платится пошлины деньга; в случае продажи стога ржи или сена, при заявке прикащику платится деньга. За продажу сруба пошлин не платится. Крестьяне должны нанимать на зимнее время (от Юрьева дня осеннего до Юрьева дня вешнего) сторожей на монастырский двор.

Разряды крестьян.

Указ царя Ивана Васильевича об обыске относительно монастырских старожильцев из села Давыдкова.—1577 г. октября.

От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Ярославский уезд нашего дворцового села прикащику, Семейке Губареву. Били нам челом из Ярославля Спасского монастыря архимандрит Феодосей с братиею, а сказали: хочешь ты возити из спасские монастырские вотчины в наше село Давыдково из Сандыревских деревень

крестьян: Давыдка, да Петрушку, да Илейку, да Ларку, да Девятку, да Максимка; да из новых деревень Путятинских: Иванка Петрушина, да Русинка Широково, да Офонку, да Истомку, да Третьячка Растороповских, да Поспелка, да Федка Свехнева, да Русинка Вешняковского, да Матюшку Полежаевскаого; да из Лешовские волости: Васку Жюкова, да Данилка Иванова. А сказывают де и Давыдковскаго села крестьяне, что те крестьяне, которые в сей нашей грамоте имяны писаны, села Давыдкова старожилцы. А те де и села и деревни за монастырь досталися с теми крестьяны. И будет так, как нам Спасскаго монастыря архимандрит Феодосей с братиею бил челом, и те будет крестьяне в монастырских селах и в деревнях старожилцы, и за монастырь будет досталиcь те села и деревни с теми крестьяны, а в селе будет Давыдкове те крестьяне не живали. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про тех крестьян обыскал тутошными и сторонних волостей игумены и попы и дьяконы по священству, а старостами и целовалники по нашему крестному целованию: те крестьяне преже всего в селе Давыдкове живали ли; и будет живали, и сколько давно вышли, о сроке ли о Юрьеве дни и с отказом, или не о сроке, без отказу и безпошлинно. Да кто что про тех крестьян в обыску скажет, и ты б тех людей имена и речи велел написати на список подлинно порознь земскому или церковному дьячку; а к тому обыскному списку обыскные люди игумены и попы, и дьяконы, и старосты, и целовальники, и крестьяне, которые в обыску будут, а грамоте умеют, руки свои приложили; а будет которые люди грамоте не умеют, и в тех бы людей место к тому списку руки приложили отцы их духовные; да того обыску своего список за обыскных людей руками и за своею приписью к Москве в Дворцовый приказ к дьяком к Басенку Верещагину да к Семейке к Карпову, и мы бы по обыску о тех крестьянах указ учиним. Писано на Москве лета 7086 октября в   день.

На обороте: Царь и великий князь. По склейкам: Дьяк Семейка Карпов.

По Малоярославецкому уезду, № 10/7700..

(Памятники по истории крестьян XVI—XIX в., № 25).

II. РЕВОЛЮЦИЯ НАЧ. XVII ВЕКА.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЭПОХУ „СМУТЫ“.

„Царь—купец“

О мерах к обогащению царской казны имуществом подданных.

* *
*

Отправлять нарочных в области или княжества, где добываются особенные произведения, как то: меха, воск, мед и проч. и там забирать и захватывать целиком какое-либо одно произведение, а иногда два или более по дешевым ценам, какие сами назначат, и потом продавать их по высокой цене, как своим, так и иностранным купцам, а если они будут отказываться от покупки, то принуждать их к тому силою.

Точно также поступают, когда какое-либо произведение, туземное или иностранное (как то: парча, тонкое сукно и проч.), захваченное царем и принятое в казну, испортится от долгого лежания или по другой причине: испорченное принуждают купцов покупать волею или неволею, по цене, назначенной царем. В прошлом 1589 году был забран весь воск в государстве, так что никто не имел права торговать им, кроме царя.

* *
*

Присваивать иногда таким же образом иностранные произведения, как то: шелковые материи, сукно, свинец, жемчуг и проч., привозимые в государство купцами турецкими, армянскими, бухарскими, польскими, английскими и другими, и потом принуждать своих купцов покупать эти произведения у царских чиновников по цене, назначенной им самим.

*
* *

Обращать на некоторое время в монополию произведения, вносимые в подать, и возвышать цену их, как то: меха, хлеб, лес и проч.

В продолжение этого времени никто не может продавать тот же товар до тех пор, пока не распродастся весь товар царский. Таким способом царь получает от оброчного хлеба и других припасов (как было сказано выше) около 200.000 руб. или марок в год, а от оброчного леса, сена и проч. 30.000 руб. или около того.

* *
*

В каждом большом городе устроен кабак или питейный дом, где продается водка (называемая здесь русским вином), мед, пиво и проч. С них царь получает оброк, простирающийся на значительную сумму: одни платят 800, другие 900, третьи 1.000, а некоторые 2.000 или 3.000 руб. в год. Там, кроме низких и бесчестных средств к увеличению казны, совершаются многие самые низкие преступления. Бедный работник и мастеровой часто проматывают все имущество жены и детей своих. Некоторые оставляют в кабаке двадцать, тридцать, сорок рублей или более, пьянствуя до тех пор, пока всего не истратят. И это делают они (по словам их) в честь государя или царя. Вы нередко увидите людей, которые пропили с себя все и ходят голые (их называют нагими). Пока они сидят в кабаке, никто и ни под каким предлогом не смеет вызвать их оттуда, потому что этим можно помешать приращению царского дохода.

(Флетчер.—О государстве русском). [19])

Положение крестьянства в связи с ростом денежного хозяйства.

О простом или низшем классе народа в России.

О состоянии низшего класса и простого народа можно иметь некоторое понятие из того, что уже было сказано касательно образа правления, состояния дворянства и заведывания областями и главными городами в государстве.

Во-первых, о свободе их, в какой мере они ею пользуются, можно судить по тому, что они не причислены ни к какому разряду и не имеют ни голоса, ни места на с о б о р е, или в высшем земском собрании, где утверждаются законы и публичные постановления, клонящиеся обыкновенно к угнетению простолюдинов, ибо остальные два класса, т. е., дворянство и духовенство, которые имеют голос в таких собраниях (хотя далеко не пользуются свободою, необходимою в общих совещаниях для блага всего государства, согласно с значением и правами каждого по его званию), довольствуются тем, чтобы все бремя лежало на простолюдинах и что могут облегчить сами себя, сваливая все на них. Далее, до какого рабского состояния они унижены не только в отношении к царю, но и к боярам и вообще дворянам, которые и сами суть ни что иное, как рабы, особливо с некоторого времени; это можно видеть из собственного сознания их в просьбах и других бумагах, подаваемых кому-либо из дворянства или высших правительственных лиц: здесь они сами себя называют и подписываются х о л о п а м и, т. е., их крепостными людьми или рабами, так точно, как, в свою очередь, дворяне признают себя холопами царя. Можно по истине сказать, что нет слуги или раба, который бы более боялся своего господина, или который бы находился в большем рабстве, как здешний простой народ, и это вообще, не только в отношении к царю, но и к его дворянству, главным чиновникам и всем военным, так что, если бедный мужик встретился с кем-либо из них на большой дороге, то должен отвернуться, как бы не смея смотреть ему в лицо, и пасть ниц, ударяя головой о земь, так точно, как он преклоняется перед изображениями своих святых.

Во-вторых, что касается до земель, движимого имущества и другой собственности простого народа, то все это принадлежит ему только по названию и на самом деле нисколько не ограждено от хищничества и грабежа как высших властей, так даже и простых дворян, чиновников и солдат. Кроме податей, пошлин, конфискаций и других публичных взысканий, налагаемых царем, простой народ подвержен такому грабежу и таким поборам от дворян, разных властей и царских посыльных по делам общественным, особенно в так называемых я м а х и богатых городах,

что вам случается видеть многие деревни и города, в полмили, или в целую милю длины, совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилий. Так, по дороге к Москве, между Вологдою и Ярославлем, на расстоянии двух девяностых верст, по их исчислению, немного более ста английских миль, встречается, по крайней мере, до пятидесяти деревень, иные в полмили, другие в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства, как рассказывают те, которые путешествовали в здешней стране более, нежели сколько дозволили мне это время или случай.

Чрезвычайные притеснения, которым подвержены простые простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у кого и есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно при нашествии неприятельском. Этот страх простирается в них до того, что весьма часто можно заметить, как они пугаются, когда кто из бояр или дворян узнает о товаре, который они намерены продать. Я нередко видал, как они, разложа товар свой (как-то: меха и т. п.), все оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, для чего они это делали, то узнал, что они сомневались, не было ли в числе посетителей кого-нибудь из царских дворян или какого сына боярского, и чтоб они не пришли со своими сообщниками и не взяли у них насильно весь товар.

Вот почему народ (хотя вообще способный переносить всякие труды) предается лени и пьянству, не заботясь ни о чем более, кроме дневного пропитания. От того же происходит, что произведения, свойственные России (как было сказано выше, как-то: воск, сало, кожи, лен, конопля и проч.), добываются и вывозятся за границу в количестве, гораздо меньшем против прежнего, ибо народ, будучи стеснен и лишаем всего, что приобретает, теряет всякую охоту к работе. Однако, нельзя не заметить, что, при всем этом

стеснении, еще в последнее время три брата из купцов торговали вместе одним капиталом, которого у них, как полагали, было до 300.000 руб. наличными деньгами, кроме земель, скота и другого товара. Это отчасти должно приписать их местопребыванию, находящемуся в дальнем расстоянии от Двора, именно в Вычегде, в 1000 милях от Москвы или даже более. Те, которые знают их лично, подтверждают, что в продолжение целого года у них работали десять тысяч человек, занимаясь добыванием соли, перевозом тяжестей на телегах и барках, рубкою леса и т. п., кроме, по меньшей мере, 5.000 душ крестьян, живших в деревнях и обрабатывавших землю их.

У них были свои лекаря, хирурги, аптекаря и всякие ремесленники из голландцев и других иноземцев. Говорят, что царю платили они ежегодно до 23.000 рублей (почему им и дозволено было производить торговлю) и кроме того содержали несколько гарнизонов на Сибирской границе, близкой к ним. Царь был доволен их податью до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири и не сделали ее удобною к населению, истребив огнем и вырубкой леса от Вычегды до Перми, на расстоянии 1000 верст—тут он насильно отнял у них все. Зависть и негодование на богатство, несогласное с тамошней политикой, в чьих бы то ни было руках, и в особенности в руках мужика, побудили царя отбирать у них сначала по частям иногда 20.000 руб. вдруг, иногда более, пока, наконец, в настоящее время сыновья их остались почти без капитала, удержав только весьма малую часть отцовского имущества, между тем как все прочее перешло в царскую казну. Имена их были: Яков, Григорий и Симеон сыновья Аники [20]).

Что касается до других качеств простолюдинов, то, хотя и заметна в них некоторая способность к искусствам (как можно судить по природному здравому рассудку людей взрослых и самих детей), однако они не отличаются никаким даже ремесленным производством тем менее в науках или какими-либо сведениями в литературе, от коих, так точно, как и от всех воинственных упражнений, их с намерением стараются отклонить для того, чтобы легче было удержать их в том рабском состоянии, в каком они теперь находятся, и чтобы они не имели ни способ-

ности, ни бодрости решиться на какое-либо нововведение. С тою же целью им не дозволяют путешествовать, чтобы они не научились чему-нибудь в чужих краях и не ознакомились с их обычаями. Вы редко встретите русского путешественника, разве только с посланником или беглого; но бежать отсюда трудно, потому что все границы охраняются чрезвычайно бдительно, а наказание за подобную попытку, в случае, если поймают виновного, есть смертная казнь и конфискация всего имущества. Учатся только читать и писать, и то весьма немногие. По той же причине не дозволено у них иностранцам приезжать в их государство из какой-либо образованной державы иначе, как по торговым сношениям для сбыта им своих товаров и для получения чрез их руки произведений чужеземных.

С этою целью, в нынешнем 1589 году, они рассуждали между собою о переводе всех иностранных купцов на постоянное жительство в пограничные города и чтобы на будущее время быть осмотрительнее относительно прочих иностранцев, которые будут приезжать во внутренние области государства, дабы они не завезли к ним лучшие обычаи и свойства, нежели какие они привыкли видеть у себя. Для того же самого установлено законами, чтобы никто не выходил из своего сословия, так что сын мужика, ремесленника или земледельца остается навсегда мужиком, ремесленником и проч., и не может итти далее, кроме того, что, выучившись читать и писать, достигает до повышения в священники или дьяки.

Закон, обязывающий каждого оставаться в том состоянии и звании, в каком жили его предки, весьма хорошо придуман для того, чтобы содержать подданных в рабстве, и так сообразен с этим и подобными ему государствами, чем менее он способствует к укоренению какой-либо добродетели или какого-либо особенного и замечательного качества в дворянах или простом народе, что никто не может ожидать награды или повышения, к которым бы мог стремиться, или же заботиться об улучшении своего состояния, а напротив, подвергнет себя тем большей опасности, чем более будет отличаться превосходными или благородными качествами.

(Флетчер.—О государстве русском).

Торговля и ремесло.

Тула и Тульский уезд.

... Предотечинского монастыря крестьянина — торгует лаптями; л. черкашенина—прибегает в тотарщину; л. посадцкого чорного [21]) человека—торгует ставцами и ложками; онб. торгового человека — торгует медом и солью; полл. затинщика—торгует солодом; 4 лавки затинщиков (одного 2 л.), да 2 л. черных посадцких людей [22])—торгуют кожами; 2 л. черного посадцкого человека — прибегает в тотарщину; л. Степанова крестьянина Ивашкина — прибегает в тотарщину; л. Родивонова дворника Сегитова сына Сухотина Иваньки—торгует . . . . и селдьми; лавка Степана . . . — торгует рыбою и солью и медом; л. Ондреева крестьянина Меснова — торгует железом да медом; л. затинщика — торгует кожами; л. посадцкого черного человека — торгует подошвами; л. черного посадцкого человека — торгует ставцами и ложками; л. посадцкого черного человека—торгует сапоги; л. Федорова дворника Месоедова Потапка сапожника—торгует сапоги; л. Ондреева крестьянина Меснова— торгует рыбою; 2 л. пушкарей, а бывали черные люди — торгуют солью; л. пушкаря—торгует солью; л. воротника— торгует москотиньем; л. затинщика—торгует судами, ложками и ставцами и блюдами; л. Марка Тимофеева крестьянина—прибегает в тотарщину; л. ямского охотника— торгует лаптями; л. Олександрова дворника Хрущева — торгует москотиньем; онб. пушкаря—торгует крашенинами; л. посадцких черных людей (двух)—торгуют сапогами; место лавочное затинщика; онб. черного посадцкого человека — прибегает в тотарщину; онб. Огрофенина крестьянина Ивановой жены Чюлкова — торгует солодом. Да по другую сторону в том же ряду по левой же стор. к городу идучи: онб. пушкаря—торгует крашенинами; онб. Ондреева крестьянина Меснова — торгует медом и рыбою; онб. Богдашка Гридина Сновшина—прибегает в тотарщину; онб. Ивана Рубцова; л. затинщика—торгует ременьем и уздами; л. Прокофьева дворника Елагина — торгует сукны и шолком; л. затинщика—торгует сапогами и уздами; л. Повшина—торгует сукны и платьем; л. крестьянина Предоте-

чинского монастыря—торгует сукны; место лавочное торгового человека; л. затинщика—торгует сер. . . . . ; л. пушкаря—торгует свечами; л. Пятницкого попа крестьянина—торгует сапогами; л. Федорова дворника Киреева—торгует сергами. Да по конец Большого ряду направо от города променяют образы—пристенец Посника иконника; л. Иванова дворника Арсеньева—торгует окончинами; л. Матвеева дворника Вельяминова—променяет образы; две л. затинщика дворника Писемского да Симеона Пятницкого старца—торгуют рыбою и маслом; онб. Олександрова дворника Хрущова—торгует колачами; онб. Юрьи Острейкова—прибегает в тотарщину; л. кирпичника—торгует горшками; онб. черного посадцкого человека овчинника—торгует овчинами; л. пушкаря—прибегает в тотарщину; л. охотника—торгует горшками; л. черкашенина—прибегает в тотарщину; л. затинщика—торгуют ножами; онб. колуженина Иванова дворника Киреева—торгует сапоги; 3 л. (одного 2 л.) черных посадцких людей—торгуют кожами; л. посадцкого человека—торгует горшками; л. 3 челов.—торгуют шапками и яблоками; л. Сунбулова дворника Уварова—прибегает в нее в осадное время; две л. затинщика; бывал посадской черной человек—торгует сукны; л. затинщика—торгует медом и рыбою. Да позадь Большого ряду к городу лицом: л. Пятницкого попа крестьянина—прибегает в осадное время; л. Архангельского протопопа дворника—торгует маслом; л. Ефимова дворника Есипова, бывал посадцкой черной человек—торгует сапогами; л. воротника—торгует солью, л. сапожника Романова дворника Хвощинского—торгует сапогами; л. затинщика—торгует горшками; л. гончара Федорова дворника Карпова, бывал посадцкой черной человек—торгует горшками; онб. плотника—торгует железом; л. ножевника—прибегает в тотарщину; онб. игумнова слуги Предотечинского монастыря—торгует льном. Онб. Николы чюдотворца Веневского монастыря дворника, бывал посадцкой черной человек—торгует железом; онб. Иванова дворника Игнатьева—торгует железом; онб. черного человека—торгует железом; л. Олександрова крестьянина Хрущова—прибегает в осадное время; онб. москвитина—торгует рыбою и солью; л. пуста; л. черного че-

ловека—торгует крупами и горохом; лавка Олександрова дворника Хрущова, бывал посадцкой черной человек—прибегает в осадное время; 2 л. 2-х кирпичников—торгуют горшками; л. пирожника Филатьева дворника Ратаева—торгует пирогами; 2 места лавочных 2-х черных людей. В том же Середнем ряду, идучи к городу, по левой же стороне: л. Максимова дворника Ивашкина—прибегает в тотарщину; л. портного мастера—прибегает в тотарщину; онб. затинщика—торгует медом; л. Козаринова дворника Крюкова—торгует железом; бывал черной человек; л. черного человека—торгует колачи; онб. затинщика—торгует солью; л. хлебника Иванова дворника Киреева—торгует хлебом; л. черного человека—торгует овчинами; онб. торгового человека—торгует солью и медом; л. Ондреева крестьянина Меснова—торгует солью; онб. Серпуховитина—торгует железом; онб. торгового человека—торгует медом; онб. черного посадцкого человека—торгует маслом; л. 2-х черных посадцких людей—торгуют кожами; л. Федорова дворника Пущина—торгует солью; л. воротника, бывал черной человек—торгует солью; л. кузнеца, черного посадского человека—прибегает в тотарщину; л. Еписеев (sic) дворник Клементьева—торгует железом; л. Ондреева крестьянина Меснова—колесника, бывал посадский черной человек—торгует платьем, сермягами; л. затинщика—торгует солью; л. воротника—торгует мылом; л. Пятницкого попа крестьянина—торгует мылом; л. стрельца—торгует мылом.

В городе ж дворы осадные дворян и детей боярских: двор наместнич, а в нем живет дворник Истомка пичюга. От Пятницких ворот, подле стену, налево: дв. Ондрея Микитина, сына Меснова, а в нем дворник кожевник; дв. Ивана Никитина сына Меснова, а в нем дворник сапожник; дв. Офромея да Семена Шараповых детей Меснова; дв. князя Семена Великопермьского, а в нем живет сам; дв. Олександра Хрущова, а в нем дворник сапожник; дв. Лукьяна Хрущова, а в нем дворник торгует сапоги; дв. Ларивона Иванова сына Хрущова; дв. Бориса да Петра да Ивана Хрущовых, а на нем дворник прихожей; дв. Михайла да Офонасья Хрущовых, а на нем дворник Кликун; дв. княини Офомьи (Sic)

да племянника ее князя Федора, да внука ее князя Олександра Волконских, а на нем дворник портной мастер; дв. князя Никиты Засекина, а на нем дворник сапожной мастер; бывал посадцкой черной человек; дв. Данила да Федора Чюлковых, а на нем дворник портной мастер, прихожей.

Г. Дедилов.

На Дедилове ж лавки торговых людей, от города идучи, против Никольских ворот, всего 25 лавок а оброку им платити с тех лавок в государеву казну в Большой Приход рубь и 16 алт. 4 денги, с лавки по 2 алт., да пошлин с того оброку 2 алт. 3 денги.

На Дедилове ж на посаде скамьи, а торгуют на них солью, и хлебом, и колачи, и мясом: всего 34 скамьи, а оброку им давати с тех скамей в государеву казну в Большой Приход 22 алтына 4 денги (с) скамьи по 4 денги, да пошлин с того оброку 7 денег.

(Колычев.—Писцовые [23]) книги).

Кризис сельского хозяйства.

Стан Нерской.

Троицы Живоначальные Сергиева монастыря вотчина, что была князя Ондрея Оболенского, а ныне лежит в пусте, а пашют наездом из найму, а наем емлют в монастырь: пуст., что было с. Бароноволоково: пашни паханые в поле 164 чети [24]), а в дву потому ж, земля сер. сена 100 коп.; да к тому-ж селу полов. озрк. Верселского. Пуст., что была дер. Ивашково: пашни паханые в поле 21 четь, а в дву потому ж, земля сер., сена 50 коп., лесу непашенного 10 дес, с полудес. Пуст., что была дер. Обалеево, да к ней же припущено в пашню дер. Дмитрейково: пашни паханые в поле 18 четьи, да пер. и лесом поросло 22 четьи, а в дву потому ж, земля худа, сена на лугех и по дворищу 130 коп., лесу пашенного 5 дес. Пуст., что была дер. Жарки, да к ней же припущено в пашню пуст. Тастинец: пашни паханые в поле 18 четьи, да пер.

и лесом поросло 10 четьи, а в дву потомуж, земля худа, сена 40 коп., лесу непашенного 20 дес. с полудес. Пуст., что была дер. Велино: пашни паханы в поле 5 четьи, да пер. и лесом поросло 58 четьи, а в дву потому ж, земля худа, лесу непашенного полторы дес. Пуст. Захарово-Деревенская, Отхожее селище, Демидцово тож: пашни пер. и лесом поросло в поле 4 чети, а в дву потому ж, земля худа, лесу непашенного 5 дес. Троецкого же монастыря дер., что была вотчина Бориса Олександрова сына Ступишина: пуст., что была дер. Берсенево, да к ней же припущена пуст., что была дер. Савина: пашни паханые в поле 16 четьи с осм. да пер. и лесом поросло 22 чети, а в дву потому ж, земля худа, лесу непашенного 5 дес. Пуст., что была дер. Окуловское-Буравкино, да к ней же припущена в пашню пуст. Лоткина: пашни пахано в поле 12 четьи, да пер. и лесом поросло 41 четь, а в дву потому ж, земля худа, сена по Нерли 50 коп., лесу непашенного 7 дес. Пуст., что была дер. Писчиково, на р. на Нерли: пашни паханые в поле 8 четьи, да пер. и лесом поросло 26 четьи, а дву потому ж, земла худа, сена 40 коп.; лесу пашенного 15 дес., да непашенного 3 дес. Пуст., что была дер. Пустая Подпара: пашни пер. и лесом поросло в поле 7 четьи, а в дву потому ж, земля худа, лесу пашенного 5 дес. И всего в пусте село да 11 пуст.; пашни пахатные наездом сер. земли 185 четьи, да худ. земли пашни паханой 91 четь с осм., да пер. и лесом поросло 200 четьи, сена 480 коп., лесу пашенного 35 дес., да непашенного 64 дес. А сошного писма наезжей пашни полсохи без получети сохи [25]), а в пусте четь сохи.

Заболоцкий стан.

Всего в ЗАБОЛОЦКОМ ст. 3 сельца да 46 дер., да 2 дер. припущены в пашню, да 9 поч., да поч. припущен в пашню ж в живущих, да дер. пуста, да 4 пуст. с полупуст., да 2 пуст. припущены к селцу, к живущему в пашню, а дворов 3 дв. помещиковы, да 18 дв. людских, да 286 дв. крестьянских, да 22 дв. бобылских [26]), а людей в них 22 чел. бобылей, да 9 дв. пустых, да 31 место дворов; пашни паханые сер.; земли 646 четв. с осм., а добр. земли с наддачею 517 четв. с полуосм., а надданно сер.

ж земли 129 четв. с полуосм., да наездом пашни паханые 58 четв., да пер. 115 четв. с осм., да лесом поросло сер. земли 290 четв. с осм., а добр. земли с наддачею 232 четв. с осм., а наддано сер. ж земли 58 четв., и всего пашни паханые и с наезжею пашнею и пер. и лесом поросло сер. земли 937 четв., а добр. земли с наддачею 750 четв. без полуосм., а наддано сер. ж земли 187 четв. с полуосм., да пашни же паханые худ. земли 626 четв., а добр. земли с наддачею 417 четв. с третником, а наддано худ. ж земли 209 четв. без третника, да пер. 51 четв., да лесом поросло 46 четв., и обоего пер. и лесом поросло худ. земли 97 четв., а добр. земли с наддачею 65 четв. без третника, а наддано худ. ж земли 32 четв. с третником, и всего пашни паханые и пер. и поросло лесом худ. земли 723 четв., а добр. земли с наддачею 482 четв., а наддано худ. ж земли 241 четв., и обоего пашни паханые сер. земли и худ. добр. земли с наддачею 934 четв. с осм, и полполтретника, да наездом пашни паханые и пер. и лесом поросло сер. и худ. земли добр. земли с наддачею 297 четв. с полтретником; и всего пашни паханые и с наезжею пашнею и пер. и лесом поросло сер. земли и худ. добр. земли с наддачею 1231 четв. без полуосм. в поле, а в дву потому ж, сена 1073 коп., лесу пашенного 43 дес. с полудес., а непашенного лесу 79 дес. А сошного письма в живущем соха и полтрети сохи и четв. с полуосм. пашни, а в пусте и с наезжею пашнею треть и полполполчетв. сохи и 5 четв. с осм. пашни.

Красносельский стан.

Порозжие земли: Ивановское Рожнова поместье пол-пуст. Щиголевы, а другая половина тое пуст. за Кирилом Вельяминовым да за Шестаком Митцким, а на ней на половине 2 места дворовых; пашни пер. сер. земли 2 четв. да лесом поросло 10 четв. в поле, а в дву потому ж, и всего пашни пер. и лесом поросло сер. земли 12 четв., а добр. землею с наддачею 10 четв. без полуосм. в поле, а в дву потому ж, а в пусте четвертные пашни 10 четв. без полуосм.

Княж Микитинское Лыково поместье 4 жеребья пуст., что было дер. Язвец, а пятой жеребей тое пуст. в поместье за Шестаком за Митцким, да за вдовою за Анною за

Ивановою женою Митцкого, да за ее детми, а к ней на порозжие 4 жеребьи 4 места дворов.; пашни сер. земли пер. 12 четв., да лесом поросло сер. земли 50 четв., а добр. землею с наддачею 40 четв., а наддано сер. ж земли 10 четв. в поле, а в дву потому ж. А сошного письма в пусте пол-полполтрети сохи и 7 четв. без третника пашни.

Гавриловское поместье пуст., что была дер. Яковлева, а на ней 2 места дворов; пашни паханые наездом сер. земли 2 четв., да лесом поросло 13 четв., и всего пашни паханые и с наездом и лесом поросло сер. земли 15 четв., а доброю землею с наддачею 12 четв., а наддано сер. ж земли 3 четв. в поле, а в дву потому ж, сена 10 коп., лесу непашенного дес.

* *
*

И всего в КРАСНОСЕЛЬСКОМ стану в порозжих землях $1^1/_2$ пуст., да жеребья в пуст., а на них 8 мест дворов; пашни паханые наездом сер. земли 2 четв., да пер. 14 четв. да лесом поросло 61 четв., и всего пашни паханые наездом и пер. и лесом поросло сер. земли 77 четв., а добр. землею с наддачею 52 четв. без полуосм., а наддано ж сер. земли 15 четв. с полуосм. в поле, а в дву потому ж, лесу непашенного дес. А сошного письма в пусте и с наезжею пашнею полполчетв. сохи и 2 четв. без полуосм. пашни.

(Колычев—Писцовые книги).

Юридические акты о закрепощении крестьян.

Указ о беглых крестьянах—1597 ноября 24.

Лета 7106 ноября в 24 день. Царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал, и бояре приговорили:

Которые крестьяне из за бояр и из за дворян и из за приказных людей и из за детей боярских и из за всяких людей из поместий и из вотчин, и из патриарховых и из митрополичьих и из владычних и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего 106 году за пять лет, и на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и

вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещиком из за кого они выбежали, и патриаршьим и митрополичьим и владычним детем боярским и монастырских сел прикащиком и служком давати суд и сыскивати накрепко всякими сыски, и по суду и по сыску тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми животы возити назад, где кто жил. А которые крестьяне выбежали до нынешнего 106 году лет за шесть и за семь и за десять и больши, а те помещики и вотчинники, из за кого они выбежали, и патриаршьи и митрополичьи и владычни дети боярские и монастырских вотчин приказщики и служки, на тех своих беглых крестьян в побеге, и на тех помещиков и вотчинников, за кем они из за них выбежав живут, до нынешнего 106 году, лет за шесть и за семь и за десять и больши, государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии не бивали челом: и государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал, и по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, бояре приговорили: на тех беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они выбежав живут, суда не давати, и назад их, где кто жил, не вывозити.

И по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу, и по боярскому приговору: которые крестьяне из за бояр и из за дворян и из за приказных людей и из за детей боярских и из за всяких людей, из поместий и из вотчин, и из патриарховых и из митрополичьих и из владычних и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего 106 году за пять лет, и на тех крестьян в их побеге, и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они выбежав живут, тем помещиком и вотчинником, из за кого они выбежали, и патриаршим и митрополичьим и владычним детям боярским и монастырских вотчин приказщиком и служком, давати суд и сыскивати всякими сыски накрепко; а по суду и по сыску велети тех беглых крестьян с женами и с детьми и со всеми их животы возити назад, где кто жил. А которые крестьяне из за помещиков и из за вотчинников, и из патриарховых и из митрополичьих и из владычних и из монастырских вотчин выбежали до нынешнего 106 году, лет за шесть и за семь и за десять и больши, а те помещики и вотчинники, и патриаршьи

и митрополичьи и владычни дети боярские и монастырских вотчин приказщики и служки, из за кого они выбежали, на тех своих беглых крестьян в их побеге, и на тех помещиков и на вотчинников, за кем они из за них выбежав живут, до нынешнего 106 году, лет за шесть или за семь и за десять и больши, государю царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии не бивали челом, отказывати и на тех беглых крестьян и на тех помещиков и вотчинников, за кем они выбежав живут, не давати, а дати суд и сыск в беглых крестьянах, которые до нынешнего 106 году выбежали за пять лет. А которые дела в беглых крестьянах засужены, и до нынешнего государева царева и великого князя Федора Ивановича всеа Русии указу не вершены, и государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии указал, и по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича указу, бояре приговорили: дела вершити по суду и сыску.

(Памятники по истории крестьян XVI—XIX в., № 32).

Память окольничьему Морозову о выходе крестьянском 1601 ноября 28.

Лета 7110 ноября в 28 день, по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу память окольничему Василью Петровичу Морозову. В нынешнем во 110 году, великий государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии и сын его, великий государь царевич князь Федор Борисович всеа Русии, пожаловали, во всем своем государстве от налога и от продаж велели крестьяном давати выход. А отказывати и возити крестьян дворяном, которые служат из выбору, и жильцом, которые у государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии и которые у государя царевича у князя Федора Борисовича всеа Русии, и детям боярским городовым, и городовым приказщиком всех же городов, и иноземцом всяким, и большого дворца дворовым людем всех чинов, ключником, стряпчим, ситником, подключником, конюшенного приказу приказщиком и конюхом, стремянным и стряпчим, ловчего пути охотником и конным псарем, сокольничья пути кречетником и сокольником и ястребником, трубником

и сурначеем, и государыни царицы и великие княгини Марьи Григорьевны всеа Русии детем боярским, и всех приказов под'ячим, и стрелецкого приказу сотником стрелецким и головам казачьим, и посольского приказу переводчиком и толмачем, и патриаршим и митрополичьим и архиепископьим и епископьим приказным людем, детем боярским промеж себя. А срок крестьяном отказывати и возити Юрьев день осеннего, да после Юрьева дни две недели. А пожилого крестьянам платити за двор по рублю по два алтына. А в дворцовые села и в черные волости, и за патриарха, и за митрополиты, и за архиепископы, и за владыки, и за монастыри, и за бояр, и за окольничих, и за дворян болших, и за приказных людей, и за дьяков, и за столников, и за стряпчих, и за голов стрелецких, и из за них, в нынешнем во 110 году, крестьян возити не велети. А в Московском уезде всем людем промеж себя, да из иных городов в Московском уезде потому ж крестьян не отказывати и не возити. А которым людем промеж себя, в нынешнем во 110 году, крестьян возити, и те, по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, возити меж себя одному человеку из за одного же человека, крестьянина одного или двух, а трех или четырех одному из за одного никому не возити.

(Памятники по истории крестьян XVI—XIX в., № 33).

Боярский приговор о беглых крестьянах— 1601 февраля 1.

Лета 7114 февраля в 1 день, по государеву цареву и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Русии слову, бояре приговорили: которые бояре и дворяне и дети боярские, и владычних и монастырских вотчин бьют челом государю о суде в беглых крестьянех, до 110 году, до голодных годов за год, на посады и в государевы в дворцовые села и в черные волости, и за помещиков и за вотчинников, во крестьяне и в холопи, и тех приговорили сыскивая отдавати старым помещикам. А которые крестьяне бежали во 110 и во 111 году, в голодные годы, с животы, а прожити было им мочно, а пришли за иных помещиков или за вотчинников жити во крестьяне и в холопи, и тех сыскивая

отдавати старым помещиком и вотчинником. А которые бегали с животы в дальние места из за Московских городов на Украйны, а с Украйны в Московские города, или из города в город, верст за двести и за триста и больши, а пошли от старых своих помещиков с животы и растеряв животы пришли к иным помещикам в бедности, и про то сыскати около тех поместий, откуды тот крестьянин пошел, да будет в сыску окольние люди скажут, что он был не беден и сбежал от своего помещика или от вотчинника с животы, а прокормитися было ему мочно, а ныне за кем во крестьянех или у кого служит в кабале, и того по сыску отдати старому помещику или вотчиннику, из за кого он сбежал, каков есть; а про которого крестьянина скажут, что он, в те голодные лета, от помещика или от вотчинника сбрел от бедности, что было ему прокормиться не мочно, и тому крестьянину жити за тем, кто его голодные лета прокормил, а истцу отказати: не умел он крестьянина своего кормити в те голодные лета, а ныне его не пытай. А которые крестьяне, в голодные лета, во 110 и во 111 году и во 112 году, пришли в холопи к своим или к сторонним помещиком и вотчинником, и кабалы служилые на себя подавали, а старые их помещики или вотчинники учнут их вытягивати из холопства по крестьянству, и того сыскивати накрепко: будет сшел от бедности и животов у него было ничего, и тем истцам отказывати: в голодные лета тот помещик или вотчинник прокормить его не умел, а собою он прокормитесь не в мочь, и от бедности, не хотя голодною смертью умереть, бил челом в холопы, а тот его принял, в голодные годы прокормил и себя истощил, проча себе и ныне того крестьянина, из холопства во крестьяне не отдавати, а быти ему у того, кто его голодные лета прокормил, а не от самые бы нужи в холопи он не пошел. А которые кабальные люди учнут оттягиватися, а учнут говорити, взял его помещик во двор с пашни сильно и взял кабалу, а ему было самому прокормитися не мочно, и о том сыскивати крепостьми, в которое время и в которых годах кабалы писаны: будет в Москве или в городах в книги писаны, и по тем кабалам в холопи выдавати, потому, имал бы на него кабалу сильно, и он бы о том у записки бил челом; а которые кабалы в книги не записаны, и тем верити

нечего. А которые крестьяне из за кого бежали до 110 году, голодных лет за год, и которые после голодных лет за год, во 113 году и в нынешнем в 114 году, и про тех крестьян сыскивая отдавати прежним помещиком и вотчинником, а в чем будет спор, и в том давати суд. А которые крестьяне пошли в холопи до голодных лет, и тех сыскивая, по крестьянству из холопей выдавати. А на беглых крестьян, по старому приговору, дале пяти лет суда не давати.

(Памятники по истории крестьян XVI—XIX в., № 36).

Указ „о заповедных летах"—1607 марта 9.

Лета 7115 (1607) марта в 9 день государь царь и великий князь Василий Иоаннович всеа Русии с отцом своим святейшим Гермогеном патриархом, со всем освященным собором и со своим царским синклитом, слушав доклада поместной избы от бояр и дьяков . . . приговорили есми и уложили по святым великим соборам и по правилам святых отец.

Которые крестьяне от сего числа пред сим за 15 лет в книгах 101 году положены, и тем быть за теми, за кем писаны; а буде те крестьяне вышли за кого иного, и в том есть на крестьян тех, или на тех, кто их держит, челобитье, и те дела не вершены, или кто сентября по 1 число сего года будет бить челом, и тех крестьян отдавати по тем книгам со всеми их животы тем, за кем они писаны, до сроку рождества христова 116 года без пожилого, а не отдаст кто на тот срок, ино на нем брати за прием и пожилое по сему уложению; а не было о которых крестьянах челобитья по сей день, и сентября по 1 не будет, и тех после того срока по тем книгам не отдавати, а написати их в книги за кем они ныне живут, и впредь за пятнадцать лет о крестьянах суда не давати и крестьян не вывозити (не возвращати).

А буде которые отныне и за кого вышед перейдут к иному кому бы то ни было, и тот примет противо сего нашего соборного уложения, и у того, крестьянина взяв, перевести ему со всеми того крестьянина пожитки, откуда он перебежал; а двор, есть ли тот крестьянин строил, заплатити чего судит, а двора не возити; да с него же на царя государя за то, что принял противо уложения, допра-

вити десять рублев—не принимай чужого, да с него за пожилое тому, чей крестьянин, за двор на всякой год по три рубля, и за холостого тоже на год по три рубля.

А придет к тому крестьянин нанятися в работу на лето, или на зиму, или на весь год, а не семьями, и кто наймет не дале года, о том не вините за прием, и пожилого не правити; потому что его государь сведом, где он живет.

А побежит женка, или вдова, или девка в чужую отчину и выдет замуж, и того мужика, который женится на чужой женке, отдати тому, чья женка, со всеми его животы и с детьми, кои от тоя беглыя родились; а буде у того мужика дети есть от первой жены, и до тех дела нет, с мачихою не отдавать; а буде они малы, то пустите с отцом, доколе коему минет от роду 15 лет.

А которые люди держат рабу до 18 лет девку, а вдову после мужа более двух лет, а парня холостого за 20 лет, а не женят, и воли им не дают, и той вдове или девке, или парню итти к казначею; а казначею опытав о том, и доведут, что им те лета минули, а государь их не женит, ино тем дати отпускные в Москве казначею, а в иных городах наместником и судьям; а будет государь их бити челом о краже, или сносе, и ему в том отказати и суда не давати; не держи неженатых над закон божий и правила святых отец, да не умножится блуд и скверное деяние в людях.

А которые после сего уложения крестьяне, или холопи, или раба побежит от своего государя и придет к иному, и государю искати своего холопа, и рабу и крестьянина в пятнадцати летах от побега, а за пятнадцать лет не искать.

А в городах воеводам и дьякам и всяким приказным людям наведыватись во всем их уезде через старост, и сотских, и священников, нет ли где пришлых людей вновь, и где ему скажут, оных брати и спрашивати накрепко чей он, откуда, когда бежал и где сколько жил, и не подговорил ли его кто; и буде скажет, кто подговорил и доведет до него, и того подговорщика казнити торговою казнию, и взять с него поруку, что ему того беглаго отвести к его государю, да с него же в казну взяти пени 10 рублев; а с приемщиков со всякого, кто его принимал и в селе бо-

лее 7 дней держал, доправити в казну по 10 рублев за двор и за одинокого мужика, а за бабу и за девку по 3 рубля за прием.

А примут чьего холопа, или крестьянина, или рабу в цревы и великого князя села, или волости, или в черные волости, или в патриарши и святительские и монастырские села, ино за прием правити на волостелях, или на приказщиках и на старосте, кто ту волость, или село тогда управлял, и пришлого принял, а пожилые и за дворы имати на тех селах и волостях, а в городах на всех посадских по сему уложению.

А который наместник, или судья, или дьяк и иной приказной человек и пришлых в его уезде проведывать, и сыскивать и допрашивать не будет, и за прием деньги брать не станет, а доведут на него в том, и с него те деньги доправити вдвое, и от дела отбросити, а впредь ему ни у какого государева дела не быти.

(Памятники по ист. крестьян XVI—XIX в., № 37).

Движение Болотникова[27]).

Везде об'явили об избрании в цари Василия Ивановича Шуйского. Все города приняли это известие с радостью, за исключением только тех, чрез которые (некогда) проходил Дмитрий. Жители этих городов возмутились и убили гонцов. Во главе (восставших городов) были Путивль и Елец. Так началась в Московии новая междоусобная война.

Мы уже сказали, что все жители городов были довольны переворотом, происшедшим в Москве, исключая тех, которые находились в землях, прилегавших к Польше и Татарии, в земле Северской и волости Камарицкой, а именно: Путивль, Елец, Тула, Кромы, Рыльск и многие другие соседние города. (Жители их) умертвили гонцов, сожгли царские письма, присланные из Москвы, самого царя обругали изменником и грозили мстить ему до последней капли крови. Они хотели узнать, почему, без их согласия, не имея никакого основания, убили коронованного царя. Примером своим они возбудили восстание в не-

скольких городах по всему Приволжью, в Астрахани и в соседних с нею областях. Все они поклялись отомстить (за смерть Лжедимитрия).

Они вызвали с Волги Петра Федоровича и избрали его своим главою. Он выдавал себя за побочного сына царя Федора Ивановича. (В южной Украине) было приготовлено на 3 года много оружия и припасов, потому что, как упомянуто выше, Димитрий, намереваясь напасть на Татарию, отправил в Елец припасов и оружия на 300.000 человек и даже более. Все это попало в руки (восставших) и потому они готовы были к войне...

... Войско, отправленное царем Василием Ивановичем под начальством 2-х братьев его, молодого Скопина и нескольких других не могло усмирить мятежников. Последние храбро сражались и везде одерживали победу над царским войском, так что и половина его не вернулась из похода...

В войске мятежников находился Иван Исаевич Болотников. Он был в Москве крепостным человеком боярина Андрея Телятевского, бежал от своего господина, сначала отправился в степь к казакам, потом служил в Венгрии и Турции и наконец пришел с казаками, в числе 10.000 человек, на помощь мятежникам. Он был родом из Московии. Будучи высокого роста и имея силу, он отличался во время войны удальством, храбростью и отвагою, и (мятежники) выбрали его главным атаманом своего войска. В то время, когда Петр Федорович оставался в городе Туле, осажденном Москвитянами, Болотников двинулся со всем своим войском на Серпухов, лежащий в 14 милях от Москвы, взял этот город, затем—Коломну, город при реке Москве, недалеко от Оки и расположился лагерем против московского войска, в 12 милях от Москвы.

Известия об этих событиях возбудили в Москве великий страх. Тотчас же поставили орудия на стены и сделали все приготовления к обороне...

...Всех пленных неприятелей и мятежников, ежедневно приводимых в Москву, топили сотнями: и виновных, и невинных. При последнем издыхании они продолжали утверждать, что Димитрий жив и снова выступил в поход...

...В это время московское войско под начальством царских братьев стояло перед городскими стенами, под при-

крытием военного обоза. Оно часто нападало в значительном числе, со множеством орудий на окоп мятежников, но без всякого успеха...

Между тем Болотников прислал на помощь 30.000 человек под начальством полковника Истомы-Пашкова [28]). Он прибыл туда на третий день и, делая вид, что он намерен напасть на Московитян, обошел сзади своих же товарищей, находившихся в осаде и, сговорившись почти со всеми своими главными офицерами и капитанами, тайно заключил с царем условие перейти к нему и все свое войско предать Московитянам. Узнав об этом, они с значительным войском напали на осажденных и послали, между тем, отряд навстречу Пашкову, который сначала с 500 чел. перешел к Московитянам. Тогда его войско от страха пришло в растройство, и Московитяне захватили множество пленных. Увидев это, осажденные мятежники обратились в бегство. Половина из них была взята в плен, так как лес, через который они должны были бежать, был занят Московитянами. Резня здесь была необыкновенная, и в плен захватили до 6.000 чел. В Москве все тюрьмы были ими переполнены, сверх того многие граждане должны были содержать по 2 или по 3 человека. Многие пленные были посажены в подвалы, находившиеся под большими палатами и приказами, где было жалко смотреть на них. Большинство составляли казаки, природные Москвитяне, чужеземцев почти вовсе не было или было мало.

Пленные недолго сидели в заключении. Каждую ночь в Москве их водили сотнями, как ягнят, на убой, ставили в ряд и убивали, как быков, ударяя дубиною по голове, а тела спускали под лед в реку Яузу...

...Болотников не сомневался в том, что отправленные им войска займут Москву и это, если бы не помешала измена Пашкова, действительно могло случиться, так как жителями Москвы овладело крайнее смущение и они сделались нерешительными. Узнав от беглецов о поражении, (Болотников) бежал с своим войском к г. Калуге на р. Оке и, находя это место удобным для зимовки, запасся всем необходимым...

...Петр Федорович, выдававший себя за незаконного сына царя Федора, как мы выше упоминали, находился еще в Туле, осажденной Московитянами...

... Когда Болотников укрепился в Калуге, сюда пришло московское войско, еще более многочисленное, чем то, которое осаждало Кромы во время вступления Димитрия в пределы Московии. (Осажденные) причиняли Московитянам большой вред своими вылазками и почти не проходило дня, чтобы они не теряли от 40 до 50 чел., тогда как мятежники теряли одного...

... Московитяне согнали крестьян из окрестностей и заставляли их ежедневно рубить деревья в окрестных лесах, колоть дрова и возить их в лагерь на санях, которых было несколько сот. Таким образом, крестьяне сделали деревянную гору вокруг Калуги...

... Татаре казанского царства вели себя тихо и сохраняли нейтралитет, выжидая, кто останется победителем. Все города по р. Волге были на стороне Москвы: Кострома, Ярославль, Углич, Нижний-Новгород, Самара, Саратов и многие другие, исключая Астрахани, где мятеж был в полном разгаре, вследствие чего и самое плавание по реке сделалось не безопасным от мятежных казаков...

... Из Москвы ежедневно посылали гонцов во все города с известием о победах московского войска. Даже в тех случах, когда оно несло поражения, давали знать по всем городам, что неприятели разбиты, и во из'явления радости повсюду звонили в колокола. Это делалось для того, чтобы народ не волновался и оставался постоянно верен Москве. (Москвитяне) были научены примером Шуйского, изменившим во время вступления Димитрия в пределы (Московского государства)...

... Из лагеря ежедневно получали письма с известием о том, что неприятели, благодаря своей необыкновенной деятельности и храбрости, ежедневно увеличивают свои войска и запасы, что все (царское войско) никогда не будет в состояниии остановить (их усиление)...

Вследствие этого, отправили из Москвы и назначили главным начальником над всеми, находившимися в царском войске, не исключая и царских братьев, Федора Ивановича Мстиславского. С ним был молодой Скопин, много молодых вельмож и дворян и многочисленное войско. Им велено было повсюду истреблять врагов. Подойдя к Калуге, вновь отправленное войско должно было присоединиться к тем,

которые находились в лагере, ибо оно не было в состоянии сделать более того, что уже было сделано (царским войском)...

...Между тем привезли в Москву отряд пленных из городка Венева, где Москвитяне потерпели поражение.

Вместе с пленными пришло известие: 2 знатных московских бояр, Мосальский и Телятевский, перешли (к мятежникам), идущим на помощь к Димитрию, в числе 30.000 человек, между которыми были поляки, казаки и русские...

...Московские войска, стоявшие под Калугой, с горы, находящейся близь р. Оки, дали весть (осажденным), что Мосальский со всем своим войском разбит, что лучше в благоприятное время одуматься и просить пощады; но Болотников смеялся над этим и велел повесить перед Московитянами несколько слуг, между которыми находился и повар, задумавший измену...

...В марте царь велел хану Касимовских татар выступить в поход и опустошить смежную с его владением землю для того, чтобы мятежники не могли найти никаких припасов. Но эта земля была уже так раззорена, что продолжать раззорение было невозможно. Сверх того все города, занятые мятежниками, имели сильный гарнизон. Им принадлежали следующие города на татарской или рязанской стороне: Рязань, Карачев, Ливны, Орел, Венев, Михайлов, Болхов, Ряжск, Серебряные пруды, Новосиль; на северной стороне: Путивль, первый и самый главный из городов, участвовавших в восстании (в нем мятежники сходились на совещание), потом: Чернигов, Брянск, Елец, Козельск, Рыльск, Почеп, Сосница, Рославль, Монастырище, Новгород-Северский и многие другие места, как то: Коломна, Кашира, Алексин, Епифань, Перемышль, Льгов, Дедилов, Калуга и Тула, где осаждали Петра. Кроме того (мятежники) господствовали на всем протяжении р. Волги и опустошали (все местности), чрез которые проходили. Вообще они имели значительное войско и плодородные земли. К тому же многие города колебались и склонялись то к одной, то к другой стороне. Царь, вследствие усиленных просьб московских вельмож, решился принять личное участие в походе с наступлением лета. Он велел отписать во все го-

рода, чтобы дети боярские и лица, жившие спокойно в своих поместьях и не поступившие на службу, были немедленно высланы. Нетчиков велено переписать и лишить поместий. Благодаря этому приказанию, многие отовсюду стали приезжать на службу и из них составилось значительное войско. Так шли дела до весны.

Между тем Петр Федорович выступил со всем своим войском из Тулы и обратил в бегство все московское войско, осаждавшее этот город, и поспешил возвратиться в Тулу, где он снова утвердился...

... Все войска (мятежников) выступили из города (Калуги), напали на Московитян, заставили их бежать и подожгли лагерь со всех сторон. Это произошло от измены и несогласия между начальниками...

... Болотников, как говорили, отправился затем в Путивль к Димитрию, где был принят с большими почестями и щедро награжден за свою верную службу, ибо он держался около полугода в Калуге. Здесь он оставил для защиты крепости двух начальников, Долгорукова и Беззубцова...

... Несомненно, что мятежники могли бы в это время овладеть Москвою без сопротивления, если бы только могли отправить сюда войско. Они действовали медленно, и Московитяне снова собрались с духом и подкрепили свои силы. Они хорошо знали сами, как с ними будут поступать, или, по крайней мере, их заставили поверить в то, что (мятежники) не пощадят ни их жен ни их детей. Поэтому, все (Московитяне) клялись защищать Москву и своего царя до последней капли крови, снова выставили большое войско, и царь отправился в поход...

... Царь, постоянно опасаясь измены, во время похода никогда не решался итти с целым войском, отдаляться от Москвы на значительное расстояние. Он рассылал повсюду отдельные отряды для нападения на неприятеля в расплох, но, увы, все эти отряды были внезапно настигаемы неприятелем, и во всех схватках (мятежники) оставались победителями.

... Руководимые советами неизвестных людей, мятежники очень дурно распоряжались и не пользовались своими победами, хотя обстоятельства были для них благоприятны

и соответствовали их желаниям. Казалось, для их успеха не настало еще время, назначенное всемогущим богом.

Впоследствии сделалось известным, что мятежники собрались в Путивле на великий совет, но никто не знал, что было на нем решено...

... Московитяне между тем многое приобрели: изменою взяли Тулу и Петра Федоровича, выдававшего себя за незаконного сына царя Федора Ивановича. Петра повесили в Москве. Кроме того Московитяне взяли много маленьких городов, по большей части, помощью измены. Чтобы остановить их успехи, враги отправили против них неустрашимого витязя Болотникова с войском. Но в то время, когда (мятежники) совещались с поляками и казаками, (Московитяне) схватили Болотникова и умертвили его. Одни говорили, что он сам себя выдал, другие, что его выдали изменники. Так погибли два предводителя восстания. Оба были замечательны и отличались храбростью. Царь, видя, что (мятежники) снова начали побеждать, а между тем приближалась осень, ограничился небольшою победой и возвратился в Москву, оставив войско и предводителей для продолжения борьбы с неприятелем. В Москве и городах, к ней тянувшихся, думали, что победа была на их стороне, но они обманулись.

(Маас [29])—Сказание о смутном времени).

Общая характеристика классовой борьбы в эпоху смуты.

О царе Василии Шуйском.

(Перевод из сказания Авраамия Палицына).

На четвертый день после убийства Растриги (Дмитрия Названного) небольшим числом лиц, связанных с царскими палатами, царем был избран Василий Иванович Шуйский; никем из вельмож он не был позван, ни прочий народ не умолял его притти на царство, и вся Россия разделилась на два лагеря, с одной стороны любящих, а с другой ненавидящих его. Северские города, крепко помня разгром Новгорода, произведенный последним царем

Иваном Васильевичем, отложились от Московского государства, и, не дожидаясь для себя того же самого, так как они сделали много зла всей России, возведя Растригу на царство российское и в конечном счете отказавшись от христианского братства, пошли на соглашение с польским королевством. Царь Василий неоднократно молил их (подчиниться Московскому Правительству), посылал для этого митрополита Крутицкого Пафнутья с архимандритами, игуменами и прочим народом, но они не подчинились, так как в них верховодили воры. И таким образом вся Россия вышла с мечем друг на друга, и небыло такой беды раньше и потом не будет.

Эта беда тянулась больше двух лет по всем окраинам, от восточных границ Польских городов к Крыму: были охвачены Рязанская, Северская и Смоленская земли, Пустая Ржева, Луки, Великий Новгород, Псков и Иван-Город. В Северских городах и Польских, иногда перехватывали посылаемое от царя Василия Ивановича войско, иногда же живущие там вели борьбу друг с другом и предавали друг друга огню и мечу. Каждое лето для пастбищ приходили Крымские и Ногайские татары, черкесы и, захватив в плен людей, гнали их, как скот, в свои жилища. В эти времена царь Василий, положив множество сильных воинов у стен Калуги, со стыдом отступил от этого города. Потом же пошел воевать на Тулу, и с трудом взял город только хитростью, а именно, потопив его; он захватил там вождей над злодеями, самозванного царевича Петрушу, холопа Стрелецкого Головы Свияжского Григория Елагина, называвшего себя сыном царя Федора Ивановича и заводчика всей беде, холопа князя Андрея Андреевича, Ивана Болотникова; но, не одолев меньших злодеев, перестал воевать, думая, что те из за страха ему покорятся. Однако они вскоре привели себе литовско-польских людей и по прежним обычаям ложно нарекли царевичем Дмитрием попова сына Митюшку Веревкина из Северских городов.

Всюду было излито зло: не десять или пять, но если двое или трое держали какой-либо совет о деле или о разуме, то очень быстро расходились; один оставался с терпящими беды и напасти, другой же уходил в телесный покой к врагам; составлялись ложные письма и посылались

на соблазн оставшимся, возвещая о себе, что они находятся там (в Тушине) в большой чести и получили много даров и имений. Многие им не верили и плевали на них, многие же прельщались и бежали к ним. И не только тайными письмами обольщали друг друга, но даже и тогда, когда сталкивались в бою; на это не только простачки, но и люди разумные соблазнялись и, уходя от ангельского полка, приставали к демонам. Всякий, кто перешел в стан врагов, быстро поднимался от своего прежнего состояния: невольники и рабы господские становились свободными, служивые люди становились боярами, сильные же разумом от них были повержены в прах и ничего не могли говорить, что не по ним. Царем играли как ребенком, и всяк хотел получить жалованья выше своей меры. Перебежчики перебегали несколько раз: то принимали и целовали крест в Тушине, получали жалованье у рабов, потом снова возвращались в царствующий город и получали от царя Василия почет, дары и имения еще больше прежнего и затем снова от'езжали к вору. Многие так мотались по государству российскому, и не дважды, а по пять или по десять раз переходили из Москвы в Тушино и обратно. Лукавые сердцем, слыша вести о происходившей борьбе и все, что ее касалось, говорили ласково, создавали сплетни, всякие небылицы и смущали народ, доводя сердце до ужаса. Множество их, собираясь на площадях царствующего города, проповедывали кривду совершенно открыто. Если же что будет слышно не на пользу этим злодеям, то стоят посупленные и немые, не могут поднять глаз на небо и расходятся с бесовским воздыханием; наоборот иные, подстрекаемые дерзостью антихриста и надеждою вечных мук, называют сладкое горьким, тьму светом, а свет тьмой и, таким образом, развращают народ, отводя его от верных слухов и уверений. Во время этих мятежей многие, видя от'езд изменников к вору и полякам, не извещали об от'езжающих ни царя ни вельмож, а тех, которые доносили об этом, называли клеветниками и шепотниками... И переменились тогда жилища человеческие на зверские: медведи и волки, лисицы и зайцы сходились на городские и на пространные места, также и птицы слетались и веселились на великой пище—человеческих трупах; звери и птицы

в головах, в чревах и в людских трупах понаделали гнезд. Появились горы могил, убитых тогда и сражавшихся за правду и неправду, перечислить их подробно нет никакой возможности, разве только немного указать, что было на пути от Тулы в Калугу, под Кромами на Восьме, под Каширою и под Нижним Новгородом. Люди тогда скрывались в непроходимые дебри, в чащи темных лесов в неведомые пещеры, отдыхали в воде между кустами и плакались создателю, чтобы скорее пришла ночь, и они могли бы отдохнуть на суше; но ни ночь ни день не давал убегающим покоя, ибо вместо луны места, избранные для того, чтобы спрятаться и найти покой, освещались ночью пожарами, и никому нельзя было тронуться с своего места: люди ожидали выбегающих из лесу, как зверей. И злодеи, оставив тогда охоту за зверьми, искали путей и гонялись с собаками за своей братией, как за лютыми зверьми. Настоящие звери поедали убегающих людей, и ставшие зверями не естеством, а по нраву тоже поедали, но звери давали только одну смерть, эти же приносили смерть и телесную и духовную....

О, ненасытные к имениям, помните все это, остановитесь от зла, научитесь творить добро, видите ли вы общую погибель смертную....

(Авр. Палицын.—«Сказание», Русск. ист. биб., т. XIII).

III ДВИЖЕНИЕ РАЗИНА.

Рост и укрепление торгового капитала.

Блаженной памяти комиссара И. де-Родеса[30]) „Размышления о Московской торговле“, написанные в 1653 г. и состоящие из следующих 3 пунктов:

1. Об истинных основах русской торговли, как она теперь по всей стране и через Архангельск производится, и какие виды товаров, и в каком каждый из них количестве вывозится и ввозится.

2. О трудностях как вывоза, так и доставки товаров, потому что почти все они идут до Вологды сухим путем, а оттуда уже по верхней и нижней Сухоне в Архангельск, равно как и товары, привозимые в Архангельск, должны отправляться тем же путем.

3. Как и каким образом, при настоящих обстоятельствах, торговля может быть перенесена из Архангельска опять на Балтийское море.

Что касается 1 пункта, т.-е. в чем собственно состоят основы русской коммерции, достаточно всем известно, что все постановления этой страны направлены на коммерцию и на торги, в чем нас удостоверяет ежедневный опыт; потому что все здесь от высшего до низшего только и думают, только и стараются, как бы здесь, либо там нажиться. Нет сомнения, что в этом отношении русская нация гораздо деятельнее всех остальных, взятых вместе...— Они из всего умеют извлечь пользу, как бы это ни было ничтожно. Кто только домогается милости и ласки Его Царского Величества, достигает своей цели скорее всего, когда сумеет придумать новую монополию или другой какой-нибудь уловкой

доказать, что тот или другой товар доставит большую пользу казне Его Царского Величества, как, напр., персидский шелк сырец, который Е. Ц. В. выменивает в Персии через своих купцов на холсты, медь, соболей и деньги. А дабы более получить отсюда выгоды, то торговля с Персией означенными предметами запрещена всем вообще купцам... Русские гости, избираемые из значительнейших купцов, это — факторы Е. Ц. В., и так как они продают шелк только тогда, когда цена на него возвышается, то и хотят получить за него всегда высокую цену... Оттого-то нередко случается, что товар по нескольку лет залеживается прежде, нежели его продадут, и купцы не рассчитывают, что теряют проценты капитала, затраченного на товар. Они только хотят получить самую высокую цену, а товар пускай себе лежит, сколько придется... А все это оттого, что они жадны к большим барышам, не обращают внимания и не понимают, что маленький барыш при частом обороте приносит несравненно более выгоды...

Ревень доставляется точно так же, как и шелки, Е. Ц. В-ву, и никому из частных лиц не дозволяется им торговать. Этот предмет, как говорят достоверные люди, нигде не растет, кроме Бухары, и бухарцы продавали его персиянам, которые вывозили его в Александрию, частью же в Ормус. Но вот уже несколько лет продают его бухарцы русским, русские же, полагая, что ревень нигде более не растет, дорожатся, и ежели они захватят, наконец, со временем этот предмет в свои руки, то будут назначать произвольную цену, если только сама Персия тому не воспрепятствует, притянув торговлю опять к себе, к чему русские сами подают повод, потому что весьма дурно ведут себя с бухарцами и скупают у них почти насильно товары по такой цене, какую сами хотят назначить.

Всеми прочими товарами, привозимыми из Персии, может торговать каждый, а именно: всякого рода крашеными сырцем, камками, выбойками, бархатом и дорочами, между которыми многие бывают весьма красиво вышиты золотом и серебром, но не более как по 7, $8^1/_2$ и 9 аршин в куске...

Там (в Персии) есть прекрасные фабрики для всех сортов, которые почти равняются итальянским, особенно в рисунке цветов. Их можно было бы вывозить и в евро-

пейские земли, если бы только куски были длиннее, и если бы в куске было столько, чтобы из него можно было делать, что в этих землях употребляется. Причина, почему они не делают более длинных кусков заключается в том, что только такая длина и потребна на персидский, турецкий, польский или русский кафтан, потому что эти народы только такое платье и носят. То же самое можно сказать о киндяке и других хлопчато-бумажных и набивных материях, которые выделываются такой же длины, потому что их носит обыкновенно простой народ. На одеяла требуется столько же, сколько и на кафтан, и из этих материй приготовляются различные унаваченные и вышитые одеяла.

Дозволяется также торговать всякому различными коврами и сафьяном, которые вывозятся в большом количестве из Персии, индиго и ладаном. Частным лицам дозволяется этим торговать потому единственно, что означенного товару вывозится весьма мало, и потребляется он большей частью на месте. Товары, отпускаемые русскими в Персию, состоят по большей части в меди, парусине, соболях и другом пушном товаре, а также и в звонкой монете, по большей части в червонцах. Означенные товары, впрочем, не могут быть открыто вывозимы в Персию частными людьми, это запрещено, и Е. Ц. В. вывозит их оттуда через своих гостей...

Вот все, что я мог заметить относительно персидской торговли с Россией. Затем следует, какие отрасли торговли имеет еще Е. Ц. В., какие дозволены и производятся в подвластной ему стране.

В Астраханской области у Каспийского моря вываривается ежегодно большое количество соли и ловится там различных сортов большая рыба, как-то: осетры, белорыбица, белуга и стерляди, которые там же и солятся; из них добывается также икра.

Соль и рыба в руках у гостей Е. Ц. В., они грузят соль и рыбу на большие насады (суда), из которых некоторые так велики, что на каждом можно отправлять по 100 ластов. Они не ходят, однако же, далее Нижнего, и разве только при высокой воде — до Ярославля. Но все, что идет в Москву, отправляется на судах другого рода, смотря по тому, как того требует глубина Оки и другие обстоятельства.

Хотя означенные насады велики, и на них бывает до 6, 7 и 8 сот чел. рабочих, но на них часто нападают и берут их на пространстве между Астраханью и Нижним донские казаки, шайками не более 50 и 60 человек. Тогда они (хозяева и рабочие) должны давать за себя большой выкуп...

И развозят товары по всей земле, и благодаря им только потребляется во всех больших и малых городах, куда они могут только дойти и пристать; соль и рыба продаются ими небольшими партиями мелким купцам, которые распродают их уже по мелочи...

Что касается икры, то торговля ею находится в руках Е. Ц. В., и ежегодно получается ее от 300 до 400 бочек, один год менее, другой — более. Каждая бочка содержит в себе 40—60 пудов. Прежде скупали икру у Е. Ц. В. англичане и отправляли ее в Италию; теперь же ее взяла на несколько лет компания голландцев и итальянцев, и Е. Ц. В. получает от нее ежегодно также значительный доход. Икра доставляется также, как соль и рыба, на означенных выше больших насадах в Нижний, здесь свежая перегружается и развозится отсюда по всей стране. Точно так же поступают с испорченной паюсной икрой, и дабы Е. Ц. В. не потерпел никакого убытку на испортившейся икре, то ее навязывают самым значительным купцам по рублю за 10 пуд., а те уже сами должны заботиться, как бы ее сбыть, а так как бедный народ постом ее обыкновенно покупает и ест, то она и сбывается бедным, и, разумеется, за деньги. Лучшая икра паюсная, приготовленная по армянскому способу, идет с места сухим путем до Вологды, потом верхней и нижней Сухоной в Двину, а потом до Архангельска. Здесь ее сдают подрядчикам, которые обязаны платить за нее только талерами.

Что касается хлебной торговли по всей России, то она также в руках Е. Ц. В., и ни одному частному лицу не дозволяется торговать хлебом. Эта торговля доставила Е. Ц. В. во время неурожайных годов большие доходы, особенно в последние 4 года, в продолжение которых он ежегодно приказывал заготовлять до 200.000 четвертей, которые закупались по всей земле и свозились со всех сторон в Вологду.

В Казанской, Нижегородской и близ лежащих областях покупается четверть по 12 и 25 копеек, в Московской — по рублю; в Ярославской, Ростовской и Вологодской—от 36 до 50 коп. Весь хлеб, собираемый в Новгородской и Псковской областях, не вывозится. Таким образом, со всеми издержками четверть ржи приходится в Архангельске не дороже рубля. Но так как в продолжение 4 вышеупомянутых годов брали за четверть всякий раз по $2^1/_2$ и по $2^3/_4$ талера, то доходы Е. Ц. В. с хлеба доставили ему в короткое время слишком миллион талеров. Уплата за хлеб, равно как и за другие товары, покупаемые в казне Е. Ц. В., должна производиться специес-талерами по 14 на русский фунт, при чем каждый раз получается от 2 до $2^1/_2$% барышу. По самым верным исследованиям оказывается, что ежегодно получается обыкновенно слишком 600.000 талеров, которые сдаются все на монетный двор Е. Ц. В., где они переливаются в копейки, при чем кроме 2 или по крайней мере $1^1/_2$%, получаемых на весе при принятии талеров, приходится еще на монетном дворе барыша до 30%, что составляет немалую выгоду. Ежели Е. Ц. В. покупает что-либо через своих гостей, то уплата производится, в случае, когда купцы не берут в обмен товаров, копейками, что доставляет также немалый доход казне.

Что касается пушного товару, то торговать им дозволяется каждому. Со всего пушного товару, доставляемого из Сибири, предоставляется десятая часть Е. Ц. В. Большая и лучшая часть пушного товару добывается в Сибири, как-то: белки, горностаи и норки. В Казанской области преимущественно, но и вообще во всей стране, добывается, правда, всякого рода пушной товар, кроме соболей, но он гораздо хуже и не может сравниться с добываемыми в Сибири, что весьма заметно в цене.

Е. Ц. В. получает в свою казну с пушного товара ежегодно от 20 до 30 тысяч рубл., собираемых частью с десятины, частью из других источников. Часть получаемого товара продается ежегодно грекам, которые привозят из Турции, Персии, Аравии и Греции разного рода драгоценные товары, как-то: превосходные богатые золотые ткани, ковры, затканные серебром и золотом, одеяла, бархаты и т. п., также разного рода богатые шелковые товары, камлоты

и верблюжью шерсть. Едва они успеют приехать в Москву, как тотчас же и запрещают показывать товары кому бы то ни было прежде, чем не осмотрят их нарочно для того отряженные гости Е. Ц. В. Затем товары везут к Е. Ц. В., Е. Ц. В. выбирает, что ему понравится, и для вида выбирают также и гости, что им покажется, остальное могут уже продавать потом купцы, кому пожелают. В обмен выдают им из казны соболей и другой пушной товар. Но так как они берут больше мехов, нежели чем сколько их товары стоят, то уплачивают остаток арабскими червонцами, большое количество которых привозят они с собою. Меха везут они в Грецию и Турцию...

За сим привожу извлечение из архангельских таможенных книг, из которого можно усмотреть, какие виды товаров вообще и сколько их в течение года было вывезено из Архангельска, а также, на какие суммы и как каждый из этих видов закупается и выменивается.

Начну с хлеба, именно со ржи и др. сортов, которые не каждый год вывозятся, но только при высоких ценах.

Хлеба.

10.000 ластов ржи, ячменя и пшеницы по 25 р. ласт.	250.000
600 ласт льняного семени по 24 р.	14.400
Всего	264.400 р.

Меха.

579 сороков соболей разного сорта круглым числом по 100 р. за сорок.	57.900
335.950 штук белок по 16 р. за 1.000	55.688
360 сороков куниц » 18 р. »	6.840
287 » норок » 16 р. »	4.592
15.970 лисиц вс. сорта по $7^1/_2$ р. за дес.	11.978
288 сороков горностаев	864
18.748 собол. хвостов и брюшек	4.687
598 собольих опушек по $2^1/_2$ р.	1.495
15.500 собольих пупков по 50 р. 1.000	775
28.795 шт. разного рода кошек по 5 р. за сорок	3.600
Всего	148.419 р.

Различные кожи.

5.925 шт. различных невыделанных лосиных шкур по 4 р.	23.700
75.000 тюков юфти, т.-е. 225.000 пар по $1^1/_2$ пуда в тюке по $3^1/_2$ р.	335.125
9.878 козлиных кож по 36 р. за 1.000	2.922
4.500 соленых бараньих кож по 70 р. за сотню	3.150

300 воловых кож по 70 р. за сотню	210
1.170 пар сафьяну по 80 р. за 100 пар	940
31.060 шт. тюленьих шкур по 5 алтын	4.809
	Всего 370.856 р.

Москательные товары.

70 пуд. бобровой струи по 100 р.	7.000
150 пуд. ревеню, иногда более, иногда менее, по 50 р. за пуд.	7.500
60 пудов ангарику по 5 руб.	300
	Всего 14.800 р.

Различного рода товары.

168.500 аршин русского холста или ватмапа по 4 р. за 100	6.700
325.980 аршин полотен по 5 р. за 100 ар.	16.299
389.000 шт. рогож по 16 р. за 2.000	3.104
3.500 пуд. воску по $4\frac{1}{2}$ р.	15.757
115.080 пуд. сала по 11 р. за 10 пуд.	126.588
5.700 пуд. свиной щетины по $4\frac{1}{2}$ р.	25.650
600 бочек ворвани по $1\frac{1}{2}$ р.	900
5.500 короб. фунт. шпеку по 6 р.	33.000
250 пуд. слюды в чрезвычайно тонких кусках по 12 руб.	3.000
20.000 пуд. икры в 400 бочках по $1\frac{1}{2}$ р.	30.000
3.000 лист. фунт. хлопчатой бумаги по $3\frac{1}{2}$ р.	10.150
	Всего 271.148 р.

За каждые три года получается обыкновенно персидского шелка от 120 до 150 кип по 90 талеров за пуд, весом всего около 900 пуд., что вместе стоит 40.500 р., треть же этой суммы составляет 13.500 р...

Следовало бы здесь также приложить извлечение из таможенных книг относительно привозных товаров, но до сих пор я не в состоянии был их достать, и потому коснусь их в общих чертах. Привозится ежегодно в Архангельск большое количество как нашего тонкого полотна, так равно и других сортов; также и шелковые товары, в особенности: атласы, дамасты (штофы), кармазины, камлоты, бархаты, цветные тафты: золото, серебро, золотая и серебряная проволока, золотые и серебряные кружева и позументы. Также различного рода шерстяные шагрины, рашеты, перпетуры, дамасты, камлоты, бомазеи, мишура и всякого рода бакалеи, различного рода краски, в числе которых более всего индиго и фернамбуку или бразильского дерева; затем медь, латунь, железо, разного рода железная прово-

лока и белая жесть. Таковы виды привозимых товаров. Количество этих товаров ценностью почти равняется ценности вывозимых и означенных выше товаров, за исключением одного хлеба.

Все товары, закупаемые в Голландии и назначаемые в Москву, отправляются в июне и в июле, но на место своего назначения приходят не ранее, как около Рождества, т.-е. через 6 месяцев. Товары же, покупаемые в Москве и назначаемые в Голландию, лежат еще долее прежде, нежели прибудут на место своего назначения, п. ч. они скупаются в разных местах России и свозятся зимним путем в Вологду; здесь должны они лежать до вскрытия рек и потом уже идут они далее в Архангельск и грузятся на корабли, которые редко приходят в Гамбург или Голландию ранее последних чисел октября месяца, а чаще еще в ноябре, т.-е. через 9 месяцев. Напротив того, товары, закупаемые в России и доставляемые зимним путем к Балтийскому морю, могут быть отправляемы в марте и апреле месяце и должны в три месяца, считая со времени закупки, приходить на место своего назначения в Голландию, Англию или Гамбург, что гораздо выгоднее.

Точно то же должно сказать и о товарах, привозимых из означенных мест в Россию через Балтийское море, и в особенности о закупаемых в октябре месяце, которые привозятся в Лифляндию и оттуда уже отправляются в Россию. Я умолчу об опасностях и других тяжких неудобствах, которым подвергаются вышеупомянутые товары, в сравнении с отправляемыми Балтийским морем. Последние вымениваются в России так скоро, что на Балтийском море можно легко пустить капитал в тот же год в другой раз в оборот, тогда как в Архангельске капитал обращается один только раз, и то с большим затруднением. Этого мало — на Балтийском море можно сделать обороты почти три раза в год, и я могу заверить в этом каждого, ежели только исправят летнюю дорогу из Москвы до Новгорода и Пскова и устроят на болотах хорошие мосты.

(Де-Родс.—Размышление о русской торговле 1653. По хрестоматии Коваленского, т. II).

Краткое известие о русской торговле, каким образом оная производилась чрез всю Россию в 1674 г.

1. Из предисловия.

Мне кажется, что господь бог, по неисповедимым причинам, сокрывает еще от понятия русских и не показывает им выгод, которые имеет земля их более всех земель вселенныя для заведения торговли. Ибо, 1) есть ли другая какая земля, которую бог поставил бы, как русское царство, между всех морей света? 2) есть ли где другая земля, которую бог наделил бы таким множеством прекрасных рек и источников? 3) есть ли другой народ, который так покойно и с меньшей опасностью и издержками мог бы торговать из первых рук со столь многими народами вселенныя, как то делают и могут делать русские? 4) Россия имеет у себя много хороших товаров, и в 5) она имеет то преимущество, что все ее жители, начиная от знатнейших до последних, любят торговлю; отчего также в городе Москве более лавок, нежели в Амстердаме, или даже в целом ином государстве. Не спорю, что эти лавки малы и скудны, и что не надобно делать никакого сравнения, а не то из иной амстердамской лавки выйдет 10 и более московских; но они доказывают только то, что русские любят торговлю; 6) русские в пище и одежде не только умереннее и неприхотливее прочих европейских народов, но они и для малого прибытка не жалеют трудов и не боятся затруднительных поездок. Наконец, 7) нет ничего такого дурного и малого, чего русский не умел бы обратить в деньги и пользу, что доказывают лоскутный и живодерный ряды в Москве. Но несмотря на все сии выгоды, нельзя сказать, чтобы торговля и мануфактуры процветали в Руссии, или чтобы русские получали теперь десятую часть той выгоды, какую по здравому рассудку могли бы получать от торговли.

Торговлю можно сравнить с птичкою в руках человека: ежели ее подавить слишком, то она умрет; а ежели дать ей волю, она улетит, и хозяин ее в том и другом случае останется с убытком. Но последнего русские никогда не делали.

а первое—слишком много. Они стесняют и давят торговлю всевозможным образом; ибо заводят много казенных монополий и верят дурно образованной и для государственной выгоды вредной коммерц-коллегии, то-есть тем корыстолюбивым гостям, о которых буду я говорить (дальше), также налагают на иностранцев большие пошлины и стесняют торговлю тяжкими условиями. Кораблей у них не строят, хотя Е. Ц. В. все нужные к тому вещи имеет в своем государстве. Не слишком много стараются о дорогах в такой болотной земле... Иностранные художники боятся приезжать в Россию, потому что после удерживают их насильно, а подданным не дозволяют ездить в чужие земли и учиться у других. Купцы принуждены платить на почте за пересылку писем дорого. Людям, которые умели бы завести мануфактуры, не помогают надлежащим образом; и есть множество других еще вещей, затрудняющих торговлю. К этому примолвить надобно и то, что русские купцы по большей части от природы склонны к обманам, и так в этом искусны, что и опытнейшие иностранные купцы попадаются от них в дураки. Здесь есть пословица: на то щука в море, чтобы караси не дремали...

2. Из главы о товарах, которые Россия имеет в таком множестве, что может снабжать оными другие государства.

Меха.

И так, вот какие меха отпущает Россия. Из оных многие идут из Сибири и Перми вниз по Югу, который у Устюга впадает в Двину, прямо в Архангельск, минуя Москву. В одно лето отпущено из Архангельска мехов:

579 сороков соболей.
335950 штук белок.
300 сороков куниц.
281 сороков минкен.
15970 штук всяких лисиц.
288 сороков горностаев.
15742 штуки собольих хвостов.
598 собольих опушек.
15550 собольих кончиков.
18795 штук всяких кошек.

3. Список товаров, которые в 1673 г. с открытия воды до половины октября отпущены из Нарвы за море.

2009 шиффунтов чистой пеньки.
3273 » чистого льна.
143 » сырцовой пеньки.
332 » льна.
65 » пакли.
492 » поташа.
49 » сала.
2988 десятков юфти.
27 » воловьих кож.
178 » козлиных кож.
24 » сафьяна.
64 » сырых кож.
136 » хвостов.
47 штук лосиных кож.
728 ластов ржи.
64 » ячменя.
132 » овса.
89 » солода.
663 тонны муки.
44 » круп.
39 » гороха.
2 сорока соболей.
2 » куниц.
141 » минкен.
3 штуки собольих брюшек.
1719 сороков белок.
29 штук мехов.
753 сорока кошек.
5 штук кошачьих мехов.
43 » заячьих.
111 сороков горностаев.
38 штук лисиц.
1540 фунтов рыбьего клея.
55 тонн коровьего масла.
431 тонна того же, пришедшего из Выборга.
43 тонны солонины.
38 шиффунтов копченой говядины.
73 куска свиного сала.
4685 тонн ингерманландского дегтя.
19 тонн ворвани.
4360 пар русских перчаток.
58 досок мыла.
2080 штук рогож.
12700 сухих щук.
8 шиффунтов хмеля.

4. Цена отпускаемым товарам в январе и феврале 1674 г. в Москве.

Поташ лучший шиффунт (берковец)	$5\frac{1}{2}$—$5\frac{3}{4}$ руб.
» нижней доброты шиффунт	4—$4\frac{1}{2}$ »
Пенька сырцовая лучшая шиффунт	$2\frac{1}{2}$—3 »
» обыкновенная	2—2 р. 10 к.
Сала здесь в Москве мало, а в Ярославле и Вологде шиффунт	$8\frac{1}{2}$—9 руб.
Юфть в Переяславле	31 »
» » Москве	35 гривны пуд.
Башкирские куницы сорок	17—18 руб.
Казанские » »	14—15 »
Горностаи казанские	4—5 »
» обыкновенные	$3\frac{1}{2}$ »
Соболи с брюшками сорок	20—25 »

Лисицы сибирские десяток	9	руб.
» Уфимские	8	»
» Русские	$8^1/_2$	»
Собольи хвосты, по доброте, сотня	10—30	»
Белки русские тысяча	17—18	»
» Казанские	19—22	»
» Сибирские	25—27	»
Рыбий клей пуд	6—9	»
Рогожи тысяча	25	»

5. Цена тем товарам, которые хотя и находятся в России, но потребляются там же.

В Москве на 30 мая 1674 г.

Четверть:
- Соль лучшая 2 гривны пуд.
- Рожь 6 гривен.
  - В феврале 7 гривен.
- Ячмень 6 коп.
- Солод 45 коп.
- Гречневая крупа 120 коп.
- Овес 32 коп.
- Пшенная крупа 160 коп.

Свиное сало и мясо копченое 40 коп. пуд.
Соленая рыба.
Хмель лучший 11—12 руб. шиффунт.
Мед 110 коп. пуд.

Полосовое железо грубого разбора у Марселиса	$5—5^1/_2$ грив. пуд.
У Акмана	$6—6^1/_2$ руб. пуд.
Железо лучшего разбора у Акмана	7 гривен. пуд.
Листовое железо у Марселиса	1 руб. пуд.
» » » Акмана	110 коп. пуд.
» » двойное	120 » »
Литые вещи	$^1/_4$ рубля пуд.
Селитра	$2—2^1/_2$ руб. пуд.
Порох лучший	3 р. 6 к.—4 р. пуд.
Моржевая кость	17 р. пуд в казне.
Гусиный пух лучший и самый белый	8 руб. пуд.
» » » серый	4 » »
Солодковый корень	240 коп. пуд.

6. О стеклянных заводах.

Около Москвы есть два стеклянных завода: один из них казенный, и называется Измайловским (в селе Измайловском). Сим заводом управляет один итальянец, по имени Мингот, который славится своим искусством и делает

довольно чистое стекло. Другой завод называется Духанинским, в 40 верстах от города, и заведен одним человеком, по имени Юлием Койетом. Сначала хотя и принужден он был нужные материалы выписывать из немецкой земли с большими издержками, но, наконец, трудом и неутомимостью все сии вещи найдены в Руссии. Теперь пучные камни ломают за 15 верст от Москвы, а глину, которая крепостью превосходит иностранную, роют и зимой в 50 верстах от Москвы в Вокжеле (Акжельская волость), и все в назначенное время привозится на заводы. Как в сих местах нет букового дерева, то вместо оного употребляют осиновую и еловую кору, которую жгут близ живущие крестьяне и во множестве привозят на заводы, где и продают по 12 коп. бочку. Годный для завода песок достают на речке Истре, которая в 12 верстах от города впадает в Москву-реку. Заводы построены в лесных местах; на каждом из них издерживается ежегодно от 5 до 600 саж. березовых дров, которые рубятся летом. Работа производится в году только от 25 до 30 недель, потому что зимою за великою стужею работать нельзя. На каждом заводе есть от 6 до 8 мастеров, не считая других работников. На Духанинском делают только простое стекло, а именно, оконное и всякие сткляницы, которые большей частью зимою отвозятся в Москву на продажу ежегодно от 80 до 90000. Но на обоих сих заводах стекла делается не слишком много; почему зимою привозят в Москву из Черкассии очень много простого, а особливо синего разного рода, которое и продают круглый год на гостином дворе; также и из Ливонии привозится много оконного стекла и хрустальной посуды. В 1671 г. провезено чрез Архангельск 64 дюжины стклянице и 170 бутылок и сверх того много стеклянных корольков.

7. Из списка цен иностранным товарам в Москве 30 мая 1674 г.

Веницейский бархат, лучший руб. $2^1/_2$.
Болонский атлас коп. 75.
Турецкий камлот в 24 арш. руб. 3.
Голл. бумазея кус. коп. 150.
Бумага писчая лучшая стопа коп. 120.
» обыкн. коп. 90.

Карты игральные коп. 24.
Иголки лучшие тысяча коп. 40.
Волоченое золото тяжеловесное руб. 11.
» гамбург. легкое руб. 8.
Сахар мелюс руб. $4^1/_2$.
Белый сахар леденец $6^1/_2$.
Рис коп. 90.
Медная проволока пуд руб. 5.
Шведское железо шиф. руб. $5^1/_2$.
Белое франц. вино окс. руб. 25.
Красное вино руб. 14.
Флам. сельди тонна руб. 5.

8. О пошлинах.

Все иностранцы, какой бы нации ни были, платят с своих товаров равную пошлину, а именно, со ввозимых, ежели они будут продаваться в пограничных городах Архангельске, Новгороде и Пскове—6 на сто. Но ежели кто не захочет или не может там продать, а пошлет в Москву,— тот должен теперь платить сперва 10 на сто проезжей пошлины, а после в Московской большой таможне еще 6 на сто... Вывозить обратно товары можно беспошлинно на такую сумму, на какую привезено, а за излишние по 6 на сто...

9. Ведомость, сколько с 1654 собрано пошлин в Архангельской таможне:

1654 г.	54031 руб.	62,5	коп.
1658 »	91742 »	34,5	»
1662 »	58090 »	19,5	»
1666 »	72601 »	95	»
1670 »	66021 »	12	»

10. О почте и почтовой плате.

Как почта есть такое дело, без которого занимающиеся торговлею обойтиться не могут в рассуждении переписки, то об оной должно дать мне краткое известие. В 1663 г. первый завел почту в Руссии Иоганн фон Шведен, а до того времени письма посылались не инако, как с нарочными. Во вторник вечером отходит почта в Новгород, Псков, Ригу и пр. Из Москвы в Ригу ходит она от 9 до 11 дней.

За золотник или ¹/₃ лота платят в Новгород 6, в Псков 8, а в Ригу 10 коп. Почта эта приходит опять в Москву по четвергам. Польская почта в Вильну отходит в середу вечером; с оною можно посылать письма во все места Римской Империи чрез Кенигсберг. За отправляемые в Гамбург платятся до Берлина по 25 коп. за золотник. Почта эта ходит 21 день, двумя днями скорее рижской в Гамбург; возвращается в середу поутру. Между Новгородом и Нарвою нет обыкновенной почты; но почти каждую неделю находятся случаи посылать письма. По приходе почты пакеты тотчас посылаются в замок (Кремль), в посольский приказ, и там распечатываются, чтобы ни один частный человек не узнал прежде двора того, что происходит внутри государства и за границею, а более для того, чтобы каждый остерегался писать что-нибудь непозволительное и для государства вредное. С почтою еженедельно получаются все голландские, гамбургские, кенигсбергские и другие как печатные, так и письменные ведомости, столь же исправно, как и здесь в Швеции. Ведомости сии всегда переводятся на русский язык и читаются царю.

11. О кораблеплавании в Архангельске.

Архангельским караблеплаванием не занимаются руссы, а некоторые голландцы, гамбуржцы и бременцы, которые беспрестанно содержат в Москве своих служителей и приказчиков, в чем участвуют некоторые оседлые в Москве немецкие купцы, как-то: Даниил Гартман, Гейнрих Буденант, Адольф Гаутман, Вернер Миллер и Конрад Канненгиссер и пр. Из других же, находящихся там немцев, как Томас Келлерман, Петр Арсениус, Герман фон Троя, Гейнрих Минтер, Ердман Швеллинггрефвер, Нордман Газенкруг и многие другие, сколько мне известно, не занимаются морскою торговлею, а производят только оную между Архангельска и Москвы. Ежегодно приходит кораблей 30, 40 и более, между которыми обыкновенно 9 или 10 нагружаются Филиппом Ферпоортеном, посредством служителя его Яна Фергуиса. Около половины июля все купцы из Москвы от‘езжают на Архангельскую ярманку на почтовых лошадях, и в дороге бывают 14 дней. Теперь имеют они то пре-

имущество, что дорогою не пред‘являют нигде своих паспортов и воеводы не могут задерживать или останавливать их по какому бы то ни было делу, кроме явного уголовного. В июле приходят корабли и ярманка продолжается до сентября месяца, так что корабли отходят опять иногда не прежде октября. Из сего видно, что вышесказанные купцы в Голландии, Гамбурге и Бремене совершают свою русскую торговлю в продолжение почти пяти месяцев; ибо в июне закупают они товары за границею, в августе меняют их в Архангельске, а капитал возвращают в октябре. Товары, посылаемые из Москвы в Архангельск, идут 40 миль сухим путем до Вологды и обыкновенно зимою; здесь лежат они до полой воды и тогда вниз по верхней и по нижней Сухоне и Двине могут в 10 дней дойти до Архангельска.

12. О гостях или царских коммерции советниках.

Гости суть царские коммерции советники и факторы и неограниченно управляют торговлею во всем государстве. Корыстолюбивое и вредное это сословие состоит из довольного числа людей купеческого звания и имеет голову или старшину; между ими есть несколько немцев, а именно: Клинк Бернгард и Фогелер в Амстердаме, и Томас Келлерман в Москве. Они рассеяны по разным местам государства и везде, по своему званию, имеют право покупать первые, хотя это не всегда делается для казенной выгоды. Как они одни не в состоянии об‘ять столь рассеянные торговли, то во всех больших городах определяют они по одному, по два и по три человека из живущих там лучших купцов, которым под видом царских факторов, дают привилегию гостей. По корыстолюбию своему стесняют они везде большею частью торговлю. Простые купцы замечают и знают это очень хорошо; почему и говорят дурно о гостях. В случае какого возмущения опасаться надобно, чтобы народ не сломил шеи всем гостям. Они оценивают казенные товары в Москве, также располагают соболиным промыслом и соболиным ясаком в Сибири, равно и Архангельскою заморскою торговлею, и дают царю советы и проекты

к учреждению казенной монополии. Они беспрестанно стараются подрывать торговлю Балтийскую и не давать ей нигде свободы, чтобы им только одним быть господами и набивать свои карманы.

13. О заводах железных.

Около Москвы находятся теперь три железных завода. Первый и самый большой принадлежит собственно и наследственно Петру Марселису. Родом он датчанин, но родился и воспитан в Москве, и в нынешнем году заплатил своему зятю Томасу Келлерману за 3/4 в заводе 20.000 руб. Завод сей лежит рассеянно слишком на 30 верстах, и большею частью в трех разных местах за Окою между городом Сирпековым (читай Серпухов) и дорогою, туда лежащею, близ города Тулы и по ту сторону оного.

Начинается в 20 верстах от Сирпекова и знатнейшая часть называется dewols. Отсюда в 20 верстах есть речка, по которой водой можно ездить в Москву. Весь завод состоит из трех плавильных печей и 10 молотов с двойными горнами. Две печи стоят вместе, а третья—особенно. Лучшая руда находится за Тулою в том месте, которое большею частью отдалено от Москвы. На сем заводе делают:

1. Полосовое железо, низкого, среднего и высшего разбора. Низкое очень много употребляется для стен в церквах, монастырях и домах. Среднее вытягивается на 16 фут. Из лучшего делают они, между прочим, также пороги к железным дверям и ставни, а как теперь день ото дня более строится каменных домов, в которых все наружные двери и оконные люки, по причине частых пожаров, делаются из железа, то на это выходит немало полосового и листового железа.

2. Пушки, самые большие льют в 18 шифф; но Марселис говорит, что скоро может делать 24-фунтовые. Перед сим отослали их через Архангельск в Голландию, где они на пробе разорвались. Каким же образом пробуют они их у себя дома, и какие у них пушки, мне неизвестно; но наверное знаю то, что у Марселиса нет красноломкого железа, а напротив того, много холодноломкого, из чего

заключить можно, что и пушки его не могут быть хороши.

3. Куют пушки различной длины и калибра с шурупами и внутри очень гладкие, которые заряжаются свинцовыми ядрами и делаются только напоказ и для любопытства знатным господам, потому что обходятся очень дорого. Теперь сделаны две для Датского короля, длиною в 7 пяденей и обошлись (по словам Марселиса) в 150 руб. За несколько лет до сего умер один иностранец, который сии кованые пушки умел хорошо набивать обручами. Из таковых видел я еще несколько между стрелецкою артиллериею: на них было по 18 обручей. Теперь, однако же, никто более не умеет сего делать.

4. Двери и ставни. Обыкновенно бывают в 2½ пядени длины и такой же ширины; довольно толсты и в большом употреблении.

Всякая жесть привозится чрез Архангельск, однако, уже не в таком множестве, как за несколько лет до сего, потому что они начинают покрывать церкви свои мураблеными кирпичами. Железная проволока привозится из Швеции чрез Новгород, также несколько чрез Архангельск, а в Руссии совсем не делается.

14. О с'естных припасах.

1 четверть ржи—70 коп., а в мае 60 коп.
1 » гречневых круп в мае—120 коп.
1 » пшенных в мае—160 коп.
1 пуд говядины—28 коп.
1 » свежего сала—24 коп.
1 овца—от 30 до 36 коп., а по сию сторону Новгорода на реке Луге, от 12 до 14 коп.
1 поросенок—от 5 до 6 коп.
1 жирный гусь—от 9 до 10 коп.
1 утка—5 коп.
1 индейка—от 15 до 16 коп.
1 простая курица—3 коп.
1 пара молодых кур в мае—2 коп.
1 » голубей—2 коп.
1 заяц—от 3 до 4 коп.
1 глухой тетерев—от 8 до 9 коп.
1 полевой тетерев—3 коп.
1 рябчик—1 коп.

1 пуд копченого сала—40 коп.
1 » трески—80 коп.
1 » масла коровьего—1 рубль.
1 фунт голландского масла коровьего—от 16 до 18 коп.
1 пуд соли лучшей—20 коп.
1 » белой муки—1 рубль.
5 яиц в мае 1 коп., в июне в Твери от 14 до 15—
за 1 коп.

(Кильбургер[31]).—Краткое известие о русской торговле).

О торговле царской.

1. У города Архангельска торговля—хлебом, пенькой, поташем, шелком-сырцом, ревенем. А собирают тот хлеб в Понизовых городах, с крестьян уездных черных слобод, и закупают тот хлеб и пеньку во многих городах на царские казенные деньги из приказа Большого прихода[32]) и меняют с приезжими иноземцами на всякие товары и продают за деньги.

Поташные и смолкуренные заводы устроены в царских диких лесах на Украйне; кроме того на откупу у бояр, окольничьих, думных и ближних людей, у гостей и у торговых людей устроены (заводы) в тех же или в иных царских лесах; сверх откупа на царя берут десятую долю поташа и смолы—десятую бочку. И те товары: хлеб, пеньку, поташ, смолу отправляют в город Архангельск на царских ямских подводах, а также и на наемных. Ревень присылается из Сибири и собирают (его) с туземцев.

2. Торговля на Низу... (учюжные) рыбные промыслы, что остается после царского обихода, также и соль ломают, варят и возят вверх по Волге до Казани, и до Нижнего, и до Москвы. И ту рыбу и соль, что остается после царского расхода, в Москве и в городах продают всякого чина людям.

3. С персидскими купцами (торгуют)—шолком сырцом и вареным, и всякими тамошними товарами,—в Астрахани, в Казани, в Москве. А ценят те персидские товары по тамошней их цене,—по чему купят в Персии; а на Москве за те товары дают из царской казны соболя и всякую иную

мягкую рухлядь против раздачи с прибавкою. А как те купчины бывают в Астрахани, в Казани, и на Москве: и им дается до поезду их царское жалование, корм, питье, и суда, в чем им ехать водою и гребцы—безденежно.

4. Греки приезжают в Москву ежегодно и привозят с собой всякие товары: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные с драгоценными камнями — алмазами, яхонтами, изумрудами и с лалы и золочены портища, конскую сбрую, седла, мундштуки, уздечки, чапраки со всякими камнями; царице и царевнам в большом числе венцы и зарукавники, серги и перстни с разными (драгоценными) камнями. По приезде эти товары они (купцы) подносят в подарок; а после этого те товары торговые люди, иноземцы и мастера оценивают по тамошней турецкой оценке; вместо этих товаров им (купцам) уплачивается соболями и рухлядью. И таких товаров покупается ежегодно множество, потому что покупать никому, кроме царя, ни боярам ни иным людям—не велено, а в царскую казну они (товары) приходят якобы даром.

Греческих купцов бывает в год по 10 и по 90 человек и живут они в Москве для продажи по многу лет: и им дается достаточный корм и питье; те из поднесенных царю товаров, которые признаны негодными в царскую казну, отдаются купцам обратно и они могут их свободно продавать всем (всякого чину людям).

(Котошихин[33]).—О России в царствование Алексея Михайловича).

Экономическая зависимость—условие закрепощения.

(Порядные[34]) и ссудные грамоты).

Се яз Олуфер Яковлев сын взял есмь у государя своего, у Федора Лукьяновича Путилова в подмогу кобылу буря 5 лет за пять рублев, да корову черную комловату за 2 р., да хлеба на симяна четверть жита, да 2 четверти овса, пол-осмины пшеницы, да 3 осмины ржи, да четверик семяни конопляного, да четверик льна новой; а за хлеб мне пла-

тить 4 рубли. А на то послуси Левонтий Несветаев сын Капылов. А подможную запись писал Егорьевский дьячек Миняцкого погоста Василей Левонтьев лета 7131 году.

На обороте: к сей порядной записи . . . . ской черный поп Осип Крутицкого монастыря в сына своего духовного Олуферья Яковлева сына место руку приложил.

* *
*

Се яз Михайло Игнатьев сын Скобелицын да яз Обрам Офонасьев сын Кудрявцев взяли есми у Троицкого Сергиева Монастыря у старца у Левкея у Кондратья (sic) да у сына его у Путила в Радонежском уезде в стану в Белях вотчинную деревню Григорово да пустошку Заикову, что была вотчина Черемисиновская Дворянкина, на оброк со всеми угодьи, что исстари потягло, куды ходил топор и соха и коса; а оброку нам давати Левкее Кондратьеву да сыну его Путилу с тое деревни обемя по рублю, за прикащиков доход с обеих на (по?) полчети ржи да по чети овса. А давати нам оброк впервые от лета 7100 году на первый год на Николин зимней. А в деревне на дву дворех: у Михайла на дворе изба полутрети сажени меж углов, да клеть дву сажен меж угол, да мылня дву сажен меж угол, да конюшня рубленая, да хлев, а двор огорожен плетенем, да овин; да у Обрама на дворе изба полутретьи сажени меж угол, да другая изба двух сажен меж угол, да клеть дву сажен меж углов, да мылня дву сажен меж углов, да овин, а двор огорожен плетенем. И как мы те хоромы изживем, и нам Михаилу да Обраму поставити в той деревни таковы ж хоромы и поле распахати и огородити. А не станем мы жить в деревне и пашни пахати и хоромы изжив в тех место не поставим хором, ино на нас на Михайле да на Обраме 30 р. денег заряду по сей записи. А старцу Левкею Кондратьеву (и) сыну его Путилу межу нами и крестьяны суд и управа чинити. А на то послуси: села Клементьева таможенный дьяк Степан Клементьев сын. А запись писал оброчную Иванец Семенов сын Крюков городка Родонежа лета 7100 году. А назади написано: к сей записи Михайло Игнатьев сын Скобельцын с товарищи в свое место в Обрамово руку приложил. Послух Стефан руку приложил.

* *
*

Генваря в 12 день перед воеводы перед князем Дмитрием Петровичем Пожарским, да перед князем Данилом Григорьевичем Гагариным, да перед дьяки Третьяком Копниным, да перед Дорофеем Пустынниковым псковской помещик Богдан Третьяков сын Ногин положил крестьянскую порядную запись, а за записью поставил крестьянина Онуфрейка, Иванова сына, прозвище Шепырева, а сказал, что тот крестьянин Онуфрейко за него Богдана порядился во крестьяне. А крестьянин Онуфрейко Шепырев сказал, что он за него Богдана во крестьяне порядился и такову порядную запись ему на себя дал. И в записи пишет: Се яз Онуфрей Иванов сын, прозвище Шепырев, волной человек дал есми на себя запись псковскому помещику Богдану Третьякову сыну Ногину в том, что в прошлом во 136 году пришел я Онуфрей за него Богдана во крестьяне в государево жалование в его поместье, в Опочецкой уезд, в Воскресенскую губу, на деревню Олександрово, усадище Озяблово, в готовой двор и в животы ко крестьянину его к Мартинку Денисову сыну Хазневу и у того Мартина взял за себя падчерицу его, девку Марьицу, Иванову дочь. И мне, Онуфрею, впредь на той деревне жити за ним Богданом в крестьянех и живучи пашня пахати, поля городити, пожни и луги расчищати, и жити тихо и смирно, корчмы и бляднн не держати, и никаким воровством не воровати, и с той деревни государевы всякие волостные подати по волостным раскладом платити, и помещицкой хлебной и денежной доход давати, и всякое дело на него делати, и с той деревни в государевы дворцовые села, и в монастырские и в церковные земли, и за помещиков во крестьянство и в бобылство [35]) не переходити и не сойти и не збежати. А нечто я, Онуфрей, не учну за Богданом во крестьянех жити и деревни строити, или учну каким воровством воровати, или не учну всяких государственных податей и помещицково доходу давати, или с той деревни в государевы дворцовые села, или в монастырские, или в церковные, или в поместные земли во крестьянство перейду, или сойду или збежу, и где меня государь мой Богдан с сею жилецкою записью сыщет, и я по ней во кре-

стьянстве за него крепок и сверх того ему же взяти на мне заставы 10 рублев, и ся запись в запись. А на то послуси: Лукьян Константинов. А запись писал Фетка Самуйлов, с площадиной (sic) подьячей лета 7137 декабря в 27 д. Пошлин 10 алтын взяты.

* * *

Се яз Григорий, Ондреев сын, волной человек, порядился есми во крестьяне за Пусторжевского помещика, за Прокофья Матвеева сына Елагина в нынешнем во 137 г. на помещицкую его пустошь, на Тиханово, в Пусторжевском уезде, в Оршанском стану, в Борановскую волость. И мне, Григорью, на той ево помесной пустоши в нынешнем во 137 году двор поставити, и пашня роспахати, и поля огородити, и пожни росчищати, и ис той пахоты во всяком хлебе давати пятой сноп, а ис сенокосу пятую копну, а к выделу и к замолоту мне его помещика звати, а до выделу никакого хлеба ни сена ни свозити. А лготы мне у него для дворового поставленья и для деревенской роспаши на три годы с нынешняго 137 году мая с 4 числа до сто четыредесятого году по тож число. В те три годы мне с пахоты никакого хлеба ни с сена пятины не давати и на боярское дворовое дело не ходити. А как отойдут лготные три годы, и мне пятина хлебная давати и сенная по выделу сполна, и за иного во крестьяне, за монастыри, и за церкви; и за помещики ни за кого не поряжатца и жити тихо и смирно, никаким воровством не воровати. А нечто я, Григорий, в нынешнем во 137 году на той его помесной пустоши, на Тиханове, двора не поставлю, или пашни не роспашу и пожней не росчищу, или после лготных трех лет не учну пятины с хлеба или с сена давати, или не учну на дело ходити во двор, или за кого нибуди учну во крестьяне с той деревни поряжатца, или каким воровством воровати, и ему на мне по сей записи взяти заставы денег пять рублев, а во крестьянстве жити за ним крепок, и ся запись в запись. А на то послуси: Иван Логинов сын да Томило Васильев. А запись писал Володка Самуйлов, с площади подьячей лета 7137 мая в 4 день. Пошлин 5 алтын взяты.

* *
*

Се яз Кондратий, Леонтьев сын, старинной [3c]) вознесенской крестьянин старого Девичья монастыря, а живал на Вознесенской деревни, в Прудцкой засаде, в Старой Устиновской губе, дал есми на себя запись того ж монастыря игуменьи Екатерины с сестрами в том, что я Кондрашко из за того, Вознесенского монастыря из Вознесенские вотчины гулял и жил по наймом, и ныне мне Кондрашку приити за тот свой старой монастырь за Вознесенье Христово, в Вознесенскую вотчину на старую свою деревню, в Прудцкую засаду, в Староустиновскую губу, на деревню на Гнидино, а жити за Вознесеньем Христовым в бобылех, и живучи мне за Вознесеньем Христовым в бобылех хоромы ставити, и пашня пахати, и пожни косити, и поля городити и государевы и монастырские подати платити, и монастырской пятинной хлеб, рожь, и ярь, и лен и всякое обилие, по выделу, в монастырь отвозити. А жити мне за Вознесеньем Христовым тихо и смирно, не красти и не розбивати и никаким воровством не воровати, из за Вознесенского монастыря ни в дворец, ни за архиепископа, ни за монастыри, ни за церкви, ни за дворян (и) детей боярских не закладыватца и не поряжатца, и не сойти и не збежати, и в том убытка и проторей и волокиды игуменьи и сестрам не учинити. А нечто яз, Кондратий, за тот свой старой монастырь не приду, или пришед жити не учну, или не учну хором ставити, и пашни пахати, и пожен косити, изгород городити, и государевых податей платити и монастырского пятинного хлеба отвозити по всякой год, или учну каким нибуди воровством воровати, или учну за кого нибуди закладыватца или поряжатца, или из за того монастыря сойду или збежу, и в том игуменьи и сестрам убыток учиню, и игуменьи и сестрам взяти на мне по сей записи заставы пять рублев московских, а впредь я Кондрашко за тем Вознесенским монастырем в бобылстве и во крестьянстве крепок по прежнему. А на то послуси: Иван Салтанов, Денисей Лазарев. А запись писал Родка Малахиев, площадной подьячей лета 7138 октября во 2 день. Пошлин 5 алтын взято.

* *
*

Се яз Кондратей, Остафьев сын, пусторжевской жилец, порядился есми у псковского помещика у Василья у Виноградова во крестьяне в его поместной деревне, в Завелицкой засаде, Толав(ец)кой губе, в деревне Жаровихине, на Микулинской жеребей. А жити мне, Кондратью, за ним, государем своим, за Васильем Виноградовым во крестьянех на том Микулинском жеребью тихо и смирно, корчмы и бляди не держати и с воры не сходитце и не знатце, пашню пахати, и изгороды городить, и поля росчищать, и пожни роскашивать. А в нынешнем во 143 году по Семен день мне, Кондратью, его боярского дела никакого не делати и податей никаких с того жеребья не платити. А живучи мне, Кондратью, за ним государем своим, за Васильем Виноградовым, во крестьянех давати изо всякого хлеба пятой сноп и изо всякого обилья пятина. А как отойдет лготной год, и мне потому ж давати пятина со всякого хлеба и со всякого обилья, и государевы подати с того жеребья платити и его боярское дело делати. А нечто будет мне, Кондратью, за ним Васильем во крестьянех не поживетца, и мне, Кондратью волно перейти жить вотчима его в Андреево поместье Сумароцкого, где я похочю. А опричь того мне, Кондратью, ни во дворцовые, ни в монастырские, ни в церковные, ни за помещиков во крестьяне, ни бобыли не поряжатце и не збежати и не сойти никуде. А нечто яз Кондратей, живучи за ним, государем своим, во крестьянех, пашни пахати и изгороды городити и хором строити не учну, и его, Василья, не учну слушати, или из за него, Василия, збежу или сойду за кого нибуди во крестьяне или в бобыли, или не учну государевых податей платити и его боярского дела делати, и ему, Василью, взяти на мне, Кондратье, заставы по сей записи денег 3 рубли московских. Да в том я Кондратей на себя жилецкую и запись дал. А на то послуси: Дионисий Лазорев. А запись писал площадной подьячей Богданко Понкратьев лета 7143 генваря в 28 день.

* *
*

(Лета 147) Генваря в 9 день перед стольником и воеводою, перед князем Федором Семеновичем Куракиным да перед дьяком Яковом Бутримовым псковской помещик Бог-

дан Дмитриев сын Пустошкин положил жилецкую бобыльскую запись, а за записью поставил женку, а сказал, что та женка живет у него Богдана сама третя с сыном с Мосейком да с дочерью с девкою Февроньицею в бобылех по той записи третий год, и сын де ее Мосейко в прошлом во 146 году, покинув мать свою и сестру, от него бегал к новгородцу к Ивану Симанскому, и, по судному делу и по приговору стольника и воеводы князя Федора Семеновича Куракина да дьяка Якова Бутримова, тот Мосейко отдан в бобыли ему, Богдану, к матери его и сестре по прежнему, а та де его запись велено ему во Пскове записати в книги, и он де Богдан был на государеве на береговой службе на Москве. А женка сказалась Варварица Андреева дочь, живет у Богдана Пустошкина и с детьми, с сыном с Мосейком да с дочерью Февроньицею, по записи в болылях третий год.. и такову де она Варварица запись на себя и с детьми Богдану Пустошкину в прошлом во 145 году дала. А в записи пишет: се яз вдова Варвара, Иванова дочь, Андреевская жена да с детьми своими с родными: с сыном с Мосейком да с дочерью с Февроньею с Андреевыми детьми, яз Варвара и с детьми своими вольные люди, дали есми на себя запись псковскому помещику Богдану Дмитриеву сыну Пустошкину в том: жити мне Варваре и с детьми своими за Богданом Дмитриевичем Пустошкиным в бобыльстве в его в Богданове в бобыльском дворе и никуде инуде из за Богдана Дмитриевича Пустошкина ни в государевы дворцовые села и деревни, ни за кого помещика, ни в монастырские ни в церковные вотчины во крестьянство и в бобылки не сойти жити. А будет (яз) вдова Варвара, Иванова дочь и с детьми своими, с сыном с Мосейком да с дочерью Февроньею, из за Богдана Дмитриевича Пустошкина в государевы дворцовые деревни или за коего помещика, и в монастырские и в церковные вотчины во крестьянство или в бобылки за когонибуде жити (выйдем), и на мне Варваре, Иванове дочере и на моих детях, на сыне на Мосейке да на дочери на Февронье, по сей записи заставы взяти Богдану Дмитриевичу Пустошкину денег 50 рублев московским числом, а в бобыльстве я Варвара и с детьми своими за Богданом Дмитриевичем Пустошкиным крепки; да в том я, Варвара,

Иванова дочь и с детьми своими, с сыном с Мосейком да с дочерью Февроньею, Богдану Дмитриевичу Постошкину на себя и запись дали. А на то послуси: Дмитриевский дьячок Еутропий Перфильев, сын Спицын да Успенской Севостьян, Родионов сын. А запись писал во Гдове площадной дьячок Корнишко Еуфимьев, сын Пулов лета 7145 году декабря 10 д. А назади у записи написано: к сей записи Дмитреевский поп Иосифище вдовы в Варварино место и ея детей, по их велению, руку приложил. Послух Онтропко руку приложил. Послух Савостка руку приложил. Пошлин 9 алтын взято.

* * *

Се яз Матвей Фомин, сын Бизяков, да яз Агафон Дорофеев, послуживцы боярина Никиты Ивановича Романова, конюхи, порядилися есми, жити нам великого государя святейшего Никона патриарха московского и всеа великие и малые и белые России его святительского строения за Иверским монастырем в вотчине, в Московском уезде, в селе Бурцове во крестьянех; а ссуды мы монастырской взяли по 10 рублев на хлеб и на животину. А живучи нам в том селе, пашня пахать, и всякое изделие делати, и подати платить с своею братьею вместе со крестьяны, и никаким воровством не воровать, и не збежать, и ссуды не снесть; а будет збежим, а Иверские власти нас сыщут, и на нас крестьянство впредь крестьянством и ссуда взять. А на то послуси... А ссудную писал Ивановской площадной подьячей....лета 7174 году октября 13 д.

* * *

Се яз Андрей Юрьев взял есми Успения Пречистые Богородицы Банишского монастыря у игумена Варлама с братиею ссуды на лошади, и на коровы, и на всякую животину, и на хлеб, и на семена, и на всякой крестьянской завод 10 р. денег, и с тою ссудою жити мне, Андрею, за тем монастырем во крестьянстве, где власти изволят, и из за того монастыря не сбежать, и за иного ни за кого не заложитца во крестьянство, и той ссуды не снесть. А будет я, Андрей, за тем монастырем во крестьянстве жить не стану или тое ссуду снесу, и где меня того монастыря власти сыщут и им властей взять на мне Андрее та своя

ссуда сполна, а крестьянство впредь крестьянством же. А на то послух: Гаврило Безсонов. А ссудную писал Ивановские площади подьячей Симонко Титов лета 7181 года февраля в 3 д.

На обороте: 182 февраля в 3 день перед стольником Иваном Ивановичем Стрешневым да перед дьяки перед Иваном Степановым да перед Иваном Ондреяновым крестьянин сказал: ссуду взял и ссудную запись на себя такову дал, и в книгу записана. Дьяк Иван Степанов.

(Дьяконов.—Крестьянские порядные).

Юридические акты о закрепощении крестьян.

Дополнительные статьи к Судебнику. —1642 марта 11.

Лета 7150 марта в 11 день в земском приказе Василью Петровичю Наумову да Миките Наумовичю Беглецову, да дьяком Ивану Ларионову да Алексею Иевлеву, из Розряду пристав Лазарь Бекетов подал память.

...И государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русий указал и бояре приговорили: дворяном и детем боярским и всяких чинов людем, у кого поместными и вотчинными землями и всякими угодьи, и людми и крестьяны завладели насилством, давати суд; а которые всяких чинов люди, хотя беглых чюжих крестьян и бобылей за собою укрепить, имали на них кабалы и записи во многой ссуд, и кому будет которые крестьяне и бобыли доведутся отдати, а те люди, у кого тех беглых крестьян и бобылей возмут, учнут по тем записям ссудным и кабалам на тех людей, кому те крестьяне и бобыли отданы будут, искать, и тем людем в том отказать, и по тем ссудным кабалам и по всяким крепостям суда не давать: не примай чюжих крестьян и бобылей, не давай им ссуды, —и тем кабалам и ссудным записям не верити, и те записи и кабалы у них имати в Приказ и в книги записывати;

и которые крестьяне и бобыли по суду и по сыску доведутся отдати, и тех отдавати своею ссудою.....

...За государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Руссии в его государевы дворцовые села и в черные волости беглых крестьян и бобылей имати, и из его государевых дворцовых сел и из черных волостей отдавати по суду и по крепостям и по сыску, за десять лет; также из за патриарха и из за митрополитов, из за архиепискупов и епискупов, из за монастырей, и из за бояр, из за околничих, из за думных людей, из за столников, из за стряпчих, из за дворян Московских, из за дьяков, из за жилцов, из за дворовых, и всяких чинов Московских людей, и из за городовых дворян и детей боярских, и из за иноземцев, и из за вдов, и из за недорослей, чей кто ни будь, беглых крестьян и бобылей имати и отдавати за десять же лет, а крестьянства и крестьянских животов и владенья вместе со крестьяны; и кто учнет искати крестьянских животов и владенья не вместе со крестьяны, порознь, и тем отказывати и суда не давати.....

...На патриарших приказных и дворовых людей, и на детей боярских, и на крестьян, и на всяких чинов людей, которые живут в патриарших в домовых вотчинах, во всяких делех суд давать бессрочно, на патриарше.....

...А которые люди к кому приезжали и людей и крестьян вывезли за себя, или в тое время от кого учинится смертное убийство и грабеж и иное какое дурно, и государь указал и бояре приговорили: про то сыскивать всякими сыски накрепко, и вывозных крестьян отдавати за пятнадцать лет, а беглых крестьян и бобылей по суду и по сыску отдавати, по прежнему государеву указу, за десять лет.

А которые всяких чинов люди, кто у кого насильством крестьян вывез, а про то сыщется подлинно, и государь указал и бояре приговорили: крестьян отдати со всеми животы, да сверх того крестьянского владенья за крестьянина в указанные лета взяти на год по пяти рублев.

А которые люди учнут на ком крестьян искать беглых вывозными, а про то сыщется, что те крестьяне не вывозные беглые: и тот истец лишен крестьянина своего и крестьянских животов и своего иску, ищи правдою и не называй беглого крестьянина вывозным.

А на пашенных на всяких людей в управных делех указал государь и бояре приговорили: суд давати Октября с 1 числа до Апреля 1 число, а Апреля с 1 числа Октября по 1 число суда не давати для пашенного времени, кроме татбы и розбоя и поличного смертных убойств.

(Памятники по истории крестьян).

Суд о крестьянех.

(Из Соборного Уложения [37]) царя Алексея Михайловича 1649 г.).

I. Которые государевы дворцовых сел и черных волостей крестьяне и бобыли, выбежав из государевых дворцовых сел и из черных волостей, живут за патриархом, или за митрополиты, и за архиепископы, и епископом, или за монастыри, или за бояры, или за околничими и за думными, и за комнатными людьми, и за столники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны и детьми боярскими, и за иноземцы, и за всякими вотчинники и помещики, а в писцовых книгах, которые книги писцы подали в Поместной и в иные приказы [38]) после московского пожару прошлого 134 году, те беглые крестьяне или отцы их написаны за государем, и за тех государевых беглых крестьян и бобылей сыскивая свозити в государевы дворцовые села и в черные волости, на старые их жеребьи, по писцовым книгам, с женами и с детьми и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет. 2. Также будет кто вотчинники и помещики учнут государю бити челом о беглых своих крестьянех и о бобылях, и скажут, что их крестьяне и бобыли, выбежав из за них, живут в государевых в дворцовых селах, и в черных волостях, или на посадех в посадских людех, или в стрельцах, или в казаках, или в пушкарях, или в иных каких-нибудь служилых людех в замосковных и в украйных городех, или за патриархом, или за митрополиты, или за архиепископы и епископы, или за монастыри, или за бояры, и за околничими, и за думными и за комнатными людьми, и за столники, и за стряпчими, и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жилцы, и за городовыми дворяны и детьми боярскими, и за иноземцы, и за всякими вотчинники и помещики... отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов

людем без урочных лет. 3. А кому доведутся беглые крестьяне и бобыли по суду и по сыску отдать: и тех крестьян отдавати с женами и с детьми и со всеми их животы, и с хлебом стоячим и с молоченым. А владенья за тех крестьян на прошлые годы до сего нынешнего уложения не указывати; и которые крестьяне, будучи в бегах, дочери свои девки, или сестры, или племянницы выдали замуж за крестьян тех вотчинников и помещиков, за кем они жили, или на сторону в иное село или в деревню: и того в вину не ставити и по тем девкам мужей их прежним вотчинником и помещиком не отдавать, потому что о том по нынешней государев указ государевы заповеди не было, что никому за себя крестьян не приимати, а указаны были беглым крестьянам урочные годы, да и потому, что после писцов во многие годы вотчины и поместья за многими вотчинники и помещики переменилися. 4. А кому беглые крестьяне и бобыли будут отданы: и у тех людей, в тех их крестьянех и в бобылях и в их животах государевых дворцовых сел и черных волостей приказным людем и вотчинником и помещиком имати отписи за их руками впередь для спору... 5. А у которых вотчинников и помещиков в писцовых книгах написаны крестьянские и бобыльские пустые дворы, или места дворовые, а про крестьян и бобылей тех дворов в писцовых книгах написано, что те крестьяне и бобыли бежали из за них в прошлых годех до тех писцовых книг; а челобитья их по се время о тех крестьянех ни на кого не бывало: и по тем пустым дворам и по дворовым пустым местам в тех крестьянех и бобылях суда не давать, для того, что они во многие годы о тех своих крестьянех ни на кого государю не бивали челом. 6. А из за кого беглые крестьяне и бобыли по суду и по сыску, и по писцовым книгам будут отданы исцом или без суда кто отдаст по уложению: и тех крестьян по челобитью тех людей, за кем они в бегах жили, записывать в Поместном приказе за теми людьми, кому они будут отданы: а из за кого они будут взяты, и с тех помещиков и с вотчинников государевых поборов никаких по переписным книгам за них не имать, а имать государевы всякие поборы с тех вотчинников и помещиков, за кем они по отдаче учнут жить во крестьянех. 7. А у которых вотчинни-

ков, по суду и по сыску и по писцовым книгам, крестьяне взяты будут и отданы исцом из купленных их вотчин, а купили они те вотчины у вотчинников с теми крестьяны после писцов, и в купчих тех крестьяне у них написаны: и тем вотчинником, вместо тех отдаточных крестьян, взяти на продавцах таких же крестьян со всеми животы и с хлебом стоячим и с молоченым из иных их вотчин. 8. А у которых вотчинников и помещиков в прошлых годех о беглых крестьянех и о бобылях суд был, и с суда кому в таких беглых крестьянех, до сего государева указу, отказано прежним указом, блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указными леты, и велено тем беглым крестьяном и бобылям жить за теми людьми, за которыми они указные лета зажили, или у которых помещиков и у вотчинников о беглых же крестьянех и бобылях в прошлых годех, до сего государева указу, была полюбовная сделка, и по полюбовной сделке кто кому своих крестьян поступился, и записеми укрепился, или челобитные мировые подали: и тем всем делам быть по тому, как те дела вершены до сего государева указу, а вновь тех дел не всчинать и не переговаривать. 9. А которые крестьяне и бобыли за кем написаны в переписных книгах прошлых, 154-го и 155-го годов, и после тех переписных книг из за тех людей, за кем они в переписных книгах написаны, сбежали, или впередь учнут бегати: и тех беглых крестьян и бобылей, и их братью, и детей, и племянников, и внучат с женами и с детьми и со всеми животы, и с хлебом стоячим и с молоченым отдавать из бегов тем людем, из за кого они выбежат, по переписным книгам, без урочных лет, впредь отнюд никому чужих крестьян не примать, и за собою не держать. 10. А будет кто с сего государева уложенья учнет беглых крестьян, и бобылей, и их детей, и братью, и племянников примать и за собою держать, а вотчинники и помещики тех своих беглых крестьян за ним сыщут: и им тех их беглых крестьян и бобылей, по суду и по сыску и по переписным книгам отдавать с женами и с детьми, и со всеми их животы, и с хлебом стоячим, и с молоченным и с земляным без урочных же лет. А сколько они за кем с сего государева уложенья в бегах поживут: и на тех, за кем учнут

жити, за государевы подати и за помещиковы доходы, взяти за всякого крестьянина по десяти рублев на год и отдавати исцом, чьи те крестьяне и бобыли. 11. А будет кто на кого учнет государю бити челом о беглых же крестьянех и бобылях, а в писцовых книгах тех крестьян и отцов их за исцом и за ответчиком не написано, а написаны те крестьяне за исцом или за ответчиком в переписных книгах прошлых, 154-го и 155-го, годов: и тех крестьян и бобылей отдавати по переписным книгам тому, за кем они в переписных книгах написаны. 12. А будет у кого с сего же государева указу из вотчины или из поместья сбежит крестьянская дочь девка, и сбежав выдет замуж за чьего кабалнаго человека, или за крестьянина, или кто у кого с сего государева указу крестьянскую дочь девку подговорит, и подговоря выдаст за своего кабалного человека, или за крестьянина, или за бобыля, и тот, из за кого она сбежит, учнет об ней бить челом государю, и по суду и по сыску сыщется про то допряма, что та девка сбежала, или подговорена; и ее тому, из за кого она выбежит, отдати и с мужем ее и с детьми, которых она детей с тем мужем приживет, а животов мужа ее с нею не отдавати. 13. А будет та беглая девка выдет замуж за чьего человека, или за крестьянина за вдовца, а до нее у того мужа ее будут дети с первою его женою: и тех мужа ее первых детей исцу не отдавати, а быть им у того, у кого они в холопстве или во крестьянстве родилися. 14. А будет истец учнет с тою беглою девкою искати сносу; и ему в том дати суд, и с суда учинити указ, до чего доведется. 15. А будет из за кого сбежит крестьянка вдова, а муж ее за тем, из за кого она выбежит, написан в писцовых или в отдельных книгах и в выписях, или в иных каких крепостях во крестьянех или в бобылях; а сбежав та крестьянка выдет замуж за чьего кабалнаго человека, или за крестьянина: и ту крестьянку вдову тому помещику, за кем первой ея муж в писцовых или в переписных книгах, или в выписях и в иных крепостях написан, отдати с мужем. 16. А будет первой муж тоя вдовы за тем, из за кого она выбежит, в писцовых и в переписных книгах и в иных каких крепостях не написан: и той вдове жити за тем, за чьего она человека или за крестьянина замуж выдет. 17. А будет из за кого выбежит

крестьянин или бобыль, и в бегах дочь свою девку или вдову выдаст замуж за чьего кабалного человека, или за крестьянина, или за бобыля того, к кому он прибежит; а после того тот беглой крестьянин по суду доведется отдать с женою и с детьми тому, из за кого он выбежит: и с тем беглым крестьянином или с бобылем прежнему его помещику отдати и зятя его, за кого он в бегах дочь свою выдаст. А будет у него, зятя его, будут дети с первою его женою: и тех его первых детей челобитчику не отдавати. 18. А будет такой беглой крестьянин или бобыль в бегах дочь свою выдаст замуж за чьего кабалнаго или стариннного человека, или за крестьянина, или за бобыля иного помещика или вотчинника: и ту крестьянскую дочь, которая в бегах будет замуж выдана, отдать исцу с мужем же ее. 19. А будет которой помещик или вотчинник из поместья своего, или из вотчины, или чьи прикащики и старосты, крестьянских дочерей девок или вдов, учнут отпускать итти замуж за чьих людей или за крестьян: и им тем крестьянским дочерям, девкам и вдовам, давати отпускные за своими или за отцов своих духовных руками, впередь для спору. А вывод имати за те крестьянские дочери по договору. А что кто выводу возмет, и то в отпускных писати имянно. 20. А будет кому в вотчину и в поместье придут какие люди, и скажутся, что они вольные, и похотят те люди за ними жити во крестьянех или в бобылях: и тем людям, к кому они придут, роспрашивати их, какие они вольные люди, и где их родина, и за кем жили, и откуды пришли, и не беглые ли чьи люди и крестьяне и бобыли, и есть ли у них отпускные. Да которые отпускных у себя не скажут: и помещиком и вотчинником про таких людей проведывати подлинно прямо ли они вольные люди; и проведав подлинно, приводить их того же году к записке к Москве в Поместной приказ: а казанцом и казанских пригородов в Казань; а новгородцом и новгородских пригородов в Новгород; а псковичам и псковских пригородов во Псков; а в Поместном приказе и в городех воеводам таких вольных людей по тому же роспрашивати, и речи их записывати подлинно. Да будут те люди, которых приведут к записке, доведутся по их роспросным речам отдати во крестьянство тем людем, кто их к записке приведет: и тем людем, кому

они отданы будут во крестьянство, велети тех людей к роспросным речам во взятье руки прикладывати. 21. А будет кто вотчинник, или помещик, прихожего человека приведет к записке, не проведав подлинно, а за таких людей учнут иматися во крестьянстве: и тех людей во крестьяне исцом отдавать по суду и по сыску и по переписным книгам с женами, и с детьми и с животы. Да на тех же людех, кто не проведав подлинно примет чужого крестьянина или бобыля, имати на те годы, сколько за кем жил, за государевы подати, и за вотчинниковы и помещичьи доходы, по десяти рублев на год, для того, не проведав подлинно, не примай чюжого. 22. А которые крестианские дети от отцов своих и от матерей учнут отпиратися, и тех пытати. 23. А которые всяких чинов люди, хотя беглых чюжих крестьян и бобылей за собою укрепить, возмут на них кабалы или записи во многой ссуде и кому те беглые крестьяне и бобыли по суду и по сыску будут отданы, и они на тех людей по тем ссудным записям и кабалам в той ссуде учнут бити челом: и тем людем, у кого такие ссудные и кабалы и записи будут, отказывати, и по тем ссудным кабалам и по всяким крепостям им суда не давати, и тем кабалам и ссудным записям не верити; а имати те записи и кабалы у них в приказ, и записывати в книги, а тех беглых крестьян и бобылей отдавати старым вотчинником и помещиком со всею ссудою. А тем людем, у кого те беглые крестьяне или бобыли будут взяты, в той ссуде отказывати, не примай чюжих крестьян и бобылей, и не давай им ссуды. 24. А у которых вотчинников и помещиков крестьян их братья и дети и племянники написаны в переписных книгах во дворех со отцы своими и с племянем вместе; а после переписи отделилися, и учали жити себе дворами; и тех дворов в утайку не ставить, и лишними дворами не называти, и в Поместном приказе их не записывати, потому что они в переписных книгах написаны со отцы своими и с племянем вместе. И впредь сентября с 1-го числа нынешнего 157 году о утаеных дворех никому государю не бити челом, и в Поместном приказе о том ни у кого челобитен не приимати, для того, что в прошлом, во 154-м, и во 155-м годех, по государеву указу за всякими вотчинники и за помещики крестьян и бобылей переписывали стольники

и дворяне московские за крестным целованием; а которые писали не по правде, и в те места посыланы переписывать в другоряд, а за неправое писмо перепищиком учинено жестокое накание. 25. А которые всяких чинов люди учнут на ком искати беглых своих крестьян и их крестьянских животов, а напишет к иску тех крестьянских животов рублев за пятьдесят и болши, или кто на ком учнет беглых своих крестьян искати, а в исковой челобитной животов крестьянских имянно, сколько каких животов, и цены им не напишет, а ответчик тех крестьян за собою не скажет, и доведется до веры: и за тех крестьян против исковой челобитной за всякую голову класти по четыре рубли, а за глухие животы по пяти рублев; а в больших животах вершити по суду. 26. А кто ответчик во крестьянех не запрется, а про животы скажет, что к нему тот крестьянин пришел без животов, а истец скажет, что крестьянин его к тому его ответчику пришел с животы, а сколько каких животов у того крестьянина его было, и того в исковой своей челобитной и цены тем крестьянским животам не напишет же, а доведется до веры же: и за такие крестьянские глухие животы у веры класти по пяти же рублев, а крестьян, взяв у ответчика, отдати исцу. 27. А кто на суде в чьем крестьянине запретца и отцелуетца, а после тот крестьянин, в котором он отцелуетца, об'явитца у него: и того крестьянина, взяв у него, отдать исцу со всеми животы против исковой челобитной, а ему за вину, что он крест поцелует не на правде, учинить жестокое наказание, бить его кнутом по торгом по три дни, что бы про то было ведомо многим людем, за что ему такое наказанье указано учинить, и, бив его по торгом кнутом по три дни, посадить его в тюрму на год, и впредь ему ни в чем не верить, и ни в каких делех ни на кого суда не давать. 28. А в которых крестьянех ответчики на суде не запрутца, и доведутца те крестьяне по суду, взяв у ответчика, отдать исцу: и тех крестьян исцом отдавать во крестьянство с женами и с детьми, которых детей тех беглых крестьян, хотя и в писцовых книгах не написано, а живут они со отцом своим и с матерью вместе, а не в разделе. 29. А которые ответчики учнут на суде в беглых крестьянех и в их крестьянских животах запиратца, а после того у веры у крест-

ного целованья тех крестьян они у себя скажут, и учнут исцом отдавать, а в животах их учнут по прежнему запиратца; и на них те крестьянские животы велеть доправить и отдать исцом без крестнаго целованья, потому что они на суде во всем запиралися, в людех и в животах, а после того крестьян отдают, а животами их сами хотят корыстны быти. 30. А за которыми помещики и вотчинники крестьяне и бобыли в писцовых, или во отдельных, или во отказных книгах, и в писях написаны на поместных их и на вотчинных землях порознь: и тем помещиком и вотчинником крестьян своих с поместных своих земель на вотчинные свои земли не сводити, и тем своих поместей не пустошити. 31. А будет которые помещики и вотчинники крестьян своих учнут с поместных своих земель сводить на вотчинные свои земли, а после того поместья их даны будут кому иным помещиком; и те новые помещики учнут государю бити челом о тех крестьянех, которые с поместных земель земель сведены на вотчинные земли, чтобы тех крестьян с вотчинных земель отдати им на поместные земли, с которых они сведены: и тем новым помещиком тех крестьян с вотчинных земель на поместные земли отдавати со всеми их крестьянскими животы, и с хлебом стоячим и с молоченым. 32. А будет чьи крестьяне и бобыли учнут у кого наймоватися на работу, и тем крестьяном и бобылем у всяких чинов людей наймоватися на работу по записям и без записей поволно. А тем людем, у кого они в работу наймутся, жилых и ссудных записей и служилых кабал на них не имать и ни чим их себе не крепити, и как от них те наймиты отработаются, и им отпущать их от себя без всякого задержания. 33. А от которых всяких чинов, от помещиков, и от вотчинников, и с порубежных городов бегают за рубеж люди их и крестьяне, а быв за рубежем, пришед из за рубежа, у старых своих помещиков и вотчинников жити не похотят, учнут просити воли: и тех беглых людей и крестьян роспрашивая отдавати старым их помещиком и вотчинником, из за кого они бегали, а воли им не давати. 34. А от которых вотчинников и помещиков, которые испомешены в порубежных городех, люди их и крестьяне бегают за рубеж в Немецкую и в Литовскую сторону, и за рубежем женятся на беглых же женках и на девках разных

помещиков и женяся выходят из за рубежа к старым своим помещиком и вотчинником, и как они выдут, и те их старые помещики учнут государю бити челом один о девке или о женке, что шла его крестьянка за того беглого крестьянина, а ответчик его учнет говорить, что крестьянин его на той беглой девке или на жонке женился за рубежем в бегах: и им по суду и по сыску, в тех их беглых людех и во крестьянех дати жеребей, да кому жеребей вымется, и тому за девку, или за жонку, или за мужика дати выводу пять рублев, для того, что они оба были в бегах за рубежем.

(Памятники по истории крестьян XVI—XIX в.в.).

Возникновение и первые шаги движения Разина.

Донские казаки живут по Дону или Танаису и находятся под властью Московского царя, впрочем не по принуждению, а добровольно: они подчинились его царскому величеству с условием управляться собственными законами, своим народным вождем, которого сами избирают. Они пользуются и многими другими правами, которых не имеют сами Москвитяне. Между прочим, замечательно то, что холоп знатного Москвитянина, укрывшийся между ними, становится настолько свободным, что его господин теряет на него право и не может употребить насилия для поимки. Из этих-то казаков произошел знаменитый Стенька Разин, который дерзнул напасть на войско царствующего государя Алексея Михайловича. Предлогом к возмущению этого храброго казака послужило неудовольствие за то, что Московский воевода Юрий Алексеевич Долгорукий приговорил к смерти его брата... Некоторые утверждают, будто Разин этим удачным предлогом прикрыл намерение произвести бунт, для того чтобы безнаказанно воровать. Это предположение имеет некоторое основание, так как он учинил такую же дерзость в отношении Персидского шаха, который не сделал ему никакого вреда, как то было по отношению к Московскому царю. Как бы то ни было, в 1667 г. он обнаружил свою злобу на Волге, захватывая и грабя все насады, или барки, которые встречались ему на пути. На берегу он совершил такие же насилия во многих мо-

настырях, разоряя алтари и не щадя ни мирян, ни монахов. Из Ярославля (?) и Вологды (?), *) которые впервые испытали его ярость, он отправился с тем, чтобы овладеть Яиком, где оставил сильный гарнизон. Он укрепил этот город, как место, которое хотел удержать. Потом возвратился на Волгу, доплыл до Каспийского моря и распространил везде страх и трепет. Разорив города и села, лежащие по этой реке, он поплыл к Таркам, пограничному городу в Персии, и поступил с ними так же, как с Московскими городами. Он навел такой страх, что когда приближался к какому-нибудь месту, население бежало, что лишало его случая проявить жестокость. Вот почему, чтобы удержать жителей, он употреблял хитрость, которая удалась ему во многих городах Московских, Мидийских и Персидских. Когда он приближался к какому-нибудь городу, то посылал сказать жителям, чтобы они не боялись, так как он идет не обижать их, а купить необходимое для войска. Его посланцы, казалось, говорили так чистосердечно, что верили их добросовестности. Таким образом, бежавшие в горы или другие места, возвращались в города, а не успевшие уйти, оставались, полагаясь на его слово. Обольстив их, он ходил между ними, любезно разговаривал, а для того, чтобы уничтожить всякое подозрение, покупал и заставлял своих покупать различные товары, за которые приказывал хорошо платить. Успокоив таким образом умы мнимою безопасностью, он повертывал шапку известным образом, что служило знаком для его шайки к истреблению жителей, которых принимались тотчас же сечь, имущество грабить и уносить.

Когда слух об этих безпорядках распространился в Астрахани, воевода счел себя обязанным приостановить их, и с этой целью он снарядил 36 судов, на которые посадил более 4.000 человек, с приказанием отыскать Разина, где бы то ни было, и с ним сразиться. Неприятельский флот состоял из 22 судов, с шестью почти сотнями человек, место стоянки его было возле Четырех-Бугров, маленького острова в устье реки. Здесь, на одном возвышении, казаки расставили для безопасности стражу. Кроме того,

*) Явная ошибка автора.

самое положение острова делало его неприступным, так как подойти к нему можно было только с одной стороны, с которой не рос камыш. Несмотря на великое преимущество и предосторожность, казаки испугались и побежали, как только заметили нашедший их флот. Их старание избежать последнего удалось им так, что их долго преследовали напрасно. Между тем воевода получил помилование мятежника и передал ему об этом от имени царя, который прощал ему прошлое с тем, чтобы он принес повинную и возвратился к своим обязанностям. Разин, не ожидавший такого счастья тогда, когда у него не было больше чем существовать, принял предложение и исполнил то, чего желали. В то время, когда он получил прощение, шайка его дошла до такой крайности, что не знала, что станет с ними, когда они с'едят лошадей, которых Персидский шах послал его царскому величеству и которых они захватили, не заботясь о том, откуда они и кому их послали. Таким образом никогда, ни для кого помилование не приходило более кстати. Как только они получили прощение, то расположились станом под Астраханью, откуда толпами отправлялись в город, одетые все до того роскошно, что одежда самых бедных была сшита из золотой парчи или шелка. Большая часть носила даже венки, осыпанные крупным жемчугом и драгоценными камнями. Разина можно было узнать только по почету, который ему оказывали, потому что не иначе, как на коленях и падая ниц, приближались к нему. Когда к нему обращались, то запрещалось называть иначе, как батько, что на их языке значит отец. Это прозвище присвоил он себе с целью запечатлеть в сердцах своих подчиненных более любви и уважения.

Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе любовь. Что бы ни приказал он, исполнялось безпрекословно и безропотно....

Люди его мало-по-малу стали продавать городским купцам то, что они награбили в продолжении четырех лет у Москвитян, Персиан и Татар. Они уступали вещи так дешево, что можно было иметь очень большую прибыль. Фунт шелку продавали по три копейки, а прочие товары

соразмерно этому. За золотую цепь, длиною в сажень, заплатил я им только 40 рублей, что составляет на наши деньги около 70 флоринов. Можно судить по этому, какую выгоду получали Персиане и Армяне, которые купили почти всю их добычу. Только и говорили о Разине, прославившемся своей смелостью, и смотрели на него, как на необыкновенного человека; поэтому наш капитан пожелал видеть его вблизи, и я был в числе тех, которых он выбрал себе в спутники. Мы застали его в шатре; с ним был его наперстник, по имени Чертов Ус, и несколько человек других старшин. Прежде всего он приказал спросить нас, что мы за люди. Удовлетворив его любопытству, капитан подарил ему две бутылки водки, которую он принял с радостью, так как давно ее не пил. Когда же он узнал, кто мы такие и что совершаем путь (находясь) в службе его величества, он сделал нам знак садиться и выпил за наше здоровье. Мы отвечали на его тост и ждали, что он спросит нас еще о чем-нибудь и доставит нам возможность поговорить с ним. Но, так как он почти ничего не говорил и не из'являл никакого желания узнать точнее о том, что привело нас в этот край и по какому случаю царь принял нас на службу, то мы простились с ним, а он передал нам, что ему будет очень приятно, если мы еще навестим его.

Так как людей его можно было встретить всюду, то я не упускал случая поговорить с ними, чтобы разузнать об их действиях. Не будучи в состоянии понять, как 300 или 400 человек наводили на всех ужас, я распрашивал некоторых, как это могло случиться. Они отвечали мне, что действительно, при возвращении в Астрахань, их было 300 или 400 человек, а несколько раньше они составляли войско в 6.000 человек, когда же были все в сборе, то завладели: Низабатом, Скабараном, Мордувом и Такузом, приморскими Персидскими городами, которые лежали недалеко от горы Бармака. Оттуда направились они в Астрабад и Баку, где все предали огню и мечу.

В сем последнем городе они нашли очень хорошее вино, которым и упились; а жители воспользовались этим случаем и изрубили всех, исключая 400 или 500 человек, спасшихся в лодках. Если бы телохранители Разина не

употребили необыкновенных усилий для его обороны, то он не миновал бы смерти или плена. Этот роковой день ослабил их до такой степени, что они не решались больше на важные предприятия....

Разин и его шайка, оправившись от перенесенных во время бунта бедствий, томились столь долгим отдыхом и вздумали возвратиться на берега Дона, где Разин, пользуясь большим влиянием, должен был собрать новые силы. Во время пребывания в Астрахани он жил так, что расположил в свою пользу самых безучастных. Так-как у него не было недостатка в деньгах, то он употребил их для того, чтобы привлечь на свою сторону многих старшин, которые последовали за ним на родину. Большая часть простого народу и солдат, теснившихся толпами вокруг него, когда он показывался на улицах и нередко бросал горстями червонцы, питала к нему сильную любовь, а многие перешли к нему, поклявшись в верности и в том, что не покинут его никогда. И вот, без ведома воеводы, под сильным прикрытием, выехал он из Астрахани. Это удаление поразило верных подданных царя, так как для них не оставалось сомнения, что он ушел с целью производить новые опустошения и кровопролития. Зло было слишком велико, и воевода счел нужным предупредить его, запугав главу мятежников. Он отправил к нему капитана Ведероса. Сей последний, представив ему прежде всего великую опасность, которой он подвергал себя без причины, так как, после помилования, избавился от всякой неприятности; что по дружбе советует ему возвратиться, если же оставит (увещание) в пренебрежении и последует своему замыслу, то от него потребуют возврата подданных царя, а в случае сопротивления он лишится милости, и пусть не надеется больше пощады. После этих слов Разин, страшно взбешенный, спросил капитана, как он дерзнул принять такое поручение; подумал ли он об опасности, которой подвергается, да известен ли ему характер Разина? По мере того как он говорил, все сильнее распалялся гневом и чуть было не изрубил капитана, но к счастью сего последнего, излил свой гнев в проклятиях. „Да смеешь ли ты, продолжал он, делать мне такое, для моей славы позорное и для друзей пагубное, предложение? Ду-

маешь ли ты, что я так подл, что пожертвую ими гневу того, кто тебя послал? Если ты так думаешь, то на чем основываешь свое низкое мнение? Что я сделал недостойного своему званию и достоинству? Ты не отвечаешь? Молчишь? Что? Хватило наглости явиться ко мне с твоими странными советами, а нету духу отвечать мне? Ступай, несчастный, я милую тебя из жалости. Возвратись к своему господину и скажи ему, что я не думаю ни о нем, ни о царе. Он советует мне отослать к нему моих друзей! Скажи ему, что вот мой замысел: он увидит меня раньше, нежели думает, и что я скоро приду наказать его за дерзость. Впрочем, ты можешь дать ему следующий ответ, который лучше, нежели его предложение: „Я—князь, рожденный свободным и независимым; власть воеводы слабее моей. Наверное он не знает об этом, а для того, чтоб поведать ему о том, я и приготовляюсь навестить его". Говорил он при этом еще много, но окончания речи капитан ждал с нетерпением, каждую минуту опасаясь, что Разин переменит мнение и не даст ему возможности возвратиться во свояси. Набравшись смертного страха, он получил, наконец, позволение возвратиться, которым он немедленно воспользовался с поспешностью, на какую лишь способен испуганный человек.

После ответа Разина воевода был на страже и придумывал средства обуздать его наглость. Едва успел он подумать об этом, как явился флот, состоящий из 80 судов. Сначала не верили, чтобы это был флот Разина, так как у него было мало времени снарядить его; но скоро убедились, что это был именно он и, судя по виду (флота), можно было думать, что у него нет намерения возвратиться, ничего не совершив. Весь экипаж был в полном порядке, а каждая лодка была снабжена камнеметными мортирами и хорошими воинами, жаждущими добычи и с нетерпением ищущими удобного случая для выполнения своего замысла. Между тем начальник их не позволил им сделать ни одного нападения на неприятеля с единственной целью узнать положение дел в Астрахани. С своей стороны воевода ожидал судов, посланных ему царем, без чего не решался что-либо предпринять. Между тем Разин через своих шпионов узнал обо всем, что делалось, и так расположил

умы в свою пользу, что нисколько не боялся приготовлений, предпринимаемых против него. Когда ожидаемые суда приплыли, воевода, с полной уверенностью, послал их против неприятеля, который вовсе не испугался их, а выразил удовольствие. В Астрахани воображали, что одной тени этого флота было достаточно обратить его в бегство или тотчас же погубить, еслиб он дерзнул выждать его. В самом деле, царский флот состоял из гораздо большего числа судов, нежели у Разина, да на них было 6.000 хороших воинов, которые, без сомнения, разбили бы его, если бы дело дошло до боя, но находчивый Разин прибегнул к хитрости, которая удалась ему. В его шайке было множество преданных ему Москвитян, которым он предложил пробраться к врагам и обещать им все, что они пожелают, лишь бы они приняли его сторону. Так как те искали только случая оказать ему одолжение, то бросились туда, куда он посылал их, и подкупили воинов, которые изрубили старших начальников и предали ему остальных вместе с судами. Новый властелин принял их необыкновенно ласково; велел им выдать жалованье за два месяца вперед и произнес пред ними такую речь: „Наконец, друзья, вы свободны, а ваш поступок избавляет вас от притеснений господ. Их мучения так жестоки и тяжки, что нужно удивляться, как вы столь долго переносили и не тяготились ими. Но правосудие Господне избавило вас от них: Его тронули ваши слезы. Он послал вам освободителя, избавившего вас от гнета, под которым вы стонали; он будет любить вас, как детей своих, и заботиться о вас, как отец. В благодарность за это я прошу у вас только искренней любви, непреклонной верности и непоколебимой твердости против коварства ваших врагов. Бог отдал вас под мое покровительство для того, чтоб уничтожить их. Помогите моим усилиям и верьте в (счастливое) окончание начатого“. После этих слов Москвитяне, тронутые его щедростью, поклялись ему в том, что готовы следовать за ним всюду, что усердно и вечно будут служить и на самом деле докажут ему, каких слуг он приобрел. Слова эти сопровождались одобрением всего войска и общим криком: „Да здравствует князь, да здравствует наш отец! Да поможет ему Бог уничтожить всех мучителей!“

В то время, когда Разин торжествовал, печаль господствовала в Астрахани, где воевода, пораженный низостью посланных им людей, напрасно придумывал средства возвратить его. В довершение горя, он узнал, что народ презирал его, что он хвалил только Разина и что в соседних городах только и говорили о бунте и возмущении. Везде воины роптали и говорили открыто, что они покинут службу, потому что нечем было больше платить; так как деньги, назначенные для них, были употреблены на другое, то несправедливо подвергать попрежнему опасности свою жизнь, о которой так мало заботились. Некоторые говорили, будто они уверены, что им не заплатят за год; что злоупотребляли их доверием и что они были сумасшедшими, что позволили с собой обращаться таким образом. Все эти речи клонились к явному возмущению; но ничего не делалось из опасения безпокоить умы.

Между тем Разин, имея от 15.000 до 16.000 человек, послал одну часть в Царицын, другую часть в Черный Яр, а сам выжидал с остальными, которые отдавали ему такие же почести, как царю. Поэтому ли что он был ослеплен удачею, или от природы был тщеславен, только он уснул среди наслаждений; но прежде всего совершил злодеяния, за которые его возненавидели бы, если бы он не позаботился предупредить это. Он находил удовольствие, во время попоек, умерщвлять тех, кого обвиняли в малейшей ошибке; часто даже собственноручно рубил их, с тем, однако, различием, что щадил всегда воинов и приносил в жертву своему (гневу) только дворян, казавшихся ему подозрительными.

Он позволил даже воинам жаловаться на своих начальников, которых строго наказывал, не расследуя их вины. Таким способом привлекая при всяком случае простых воинов, он так был любим ими, что они исполняли любое его приказание с радостью, да еще разглашали везде, что он был единственный в мире человек, который достоин такого повиновения. Слух об его снисходительности к ним так распространился, что менее нежели в пять дней он приобрел войско в 27.000 человек. По дорогам только и встречались толпы холопов и крестьян, шедших к нему. Только и речи было, что об истреблении дворян;

каждый крестьянин, каждый холоп, умерщвлял своего господина и приносил голову Разину, который хвалил и награждал их с целью поощрять очищение земли от подобных чудовищ (так называл он дворян) и не допускать их до самовластия. Таким образом, поместья пустели. Так как благородное происхождение считалось главным преступлением, то дворяне должны были для сохранения жизни спасаться в городах в холопском платье.

Скопища Разина росли с каждым днем, и он стал так заносчив, что все считал ниже себя и не сомневался, что скоро будет на престоле. Как он ни был скрытен, легко было заметить, что этого именно он и добивался, но народ, мало проницательный, не мог себе представить, чтобы человек, отказывающийся от титула князя, царя, повелителя и называющий себя братом, ровнею и товарищем, осмелился бы искать престола. Он привлекал простаков этою ложною скромностью и презрением, как он выражался, к скипетру и к тем, кто обладал им. В его душе, полной тайной гордости, зародилась мысль сравняться с венценосцами, повидимому, для того, чтоб обезпечить их, а в сущности для того, чтобы приучить своих подданных отдавать ему такие же почести...

Несколько дней спустя, Разин узнал, что несколько полчищ идут на соединение с ним. Но так как этого, не переволакивая судов, нельзя было сделать, то он придумал средство избавить их от такого труда и достиг этого следующим образом. Зная, что Камышин расположен при устье Еруслана, который впадает в Дон, а сей последний соединяется с Волгой, он рассчел, что этот город был бы очень удобным для него и что необходимо овладеть им. План был хорошо составлен; но его трудно было выполнить, так как город был очень укреплен, постоянно хорошо снабжен и усердно защищаем. Чтобы избежать медленной и правильной осады, он прибегнул к военной хитрости, которая удалась. Из перешедших к нему Москвитян он выбрал часть и послал их в город. Сии последние, хорошо наученные, ловко притворились ревнителями отечества и предложили свои услуги так чистосердечно, что их сочли за благонамеренных. Будучи с большею частью гарнизона, они обезпечили себе его помощь, и все вместе в пол-

ночь овладели всеми воротами и сторожевыми постами, зарезали воеводу и начальников; все же остальные последовали их примеру. Затем изменники выстрелили из пушек, чтобы дать знать об успехе, после чего Разин послал войско, которое овладело городом и берегло оный для него.

(Стрюйс [39]).—«Записки». Русский Архив 1880 г.).

Условия возникновения движения.

(Из донесения Прозоровского из Астрахани).

В нынешнем во 178 году в Сентябре писали к великому государю из Астрахани боярин и воеводы князь Иван Семенович Прозоровский с товарыщи, прибежали де в Астрахань гостя Василья Шорина с откупнаго учюга Урустубы работные люди, учюжной атаман Янька Исаев да Алешка Печера, а в распросе сказали: воровские де казаки Стенка Разин с товарищи зимовали в Шахове области, взяв город Фарабат на острову в шахове потешном дворе, а на весне де быв в войне в Трухменской земле, пришли морем под Гиляньскую сторону на свиной остров и жили на том острову недель с десять, и в Июне де месяце приходили к тому острову на них боем Астаринской Мамедыхан, а с ним шаховых и наемных людей Кумычан и Черкас горских в 50 сандалях с 3700 человек, и на том де бою воровские казаки Стенка Разин с товарыщи того хана и шаховых ратных людей побили и пушки и ружье поимали, а сына де его Шабалду в полон взяли и ныне де тот ханов сын у них, а ушли де от них шаховы не многие люди только в трех стругах. А их де воровских казаков на том и на иных боях побито и в зимовье до весны померло с 500 человек, да и товарыщ де Стенки Разина, Сергушка Кривой, убит же в Трухменях и они де воровские казаки с того острова погребли к Волкскому устью и бежали до устья парусы 10 дней, а с устья де хотели выйти на Волгу на учюги и, разоря учюги, хотели итти мимо Астрахани вверх Волгою на Дон, да приплыли в Астрахань. Терских стрельцов голова, Василей Пасынков, который посылан с Терка с шолком с сырцом, да шахов купчина Мам-

Гули-Бек с товарыщи, а в роспросе сказали: воровские де казаки Стенка Разин с товарыщи, идучи от Волского устья к четырем буграм, их встретили и, взошед на бусу, шаховы купецкие все товары и всякие их пожитки пограбили и купчинова сына Сехамбет с бусы взяли с собою, а сколко де на взятой бусе по отпуску с Терка купчининых даров, которые вез он к великому государю и шаховых и их купецких товаров было, и о том к великому государю писали с Терка столник и воевода князь Петр Прозоровский с товарыщи, а другая де буса с шаховыми аргамаками, которых купчина вез к великому государю в любительских поминках, на море их поотстала верстах в десяти и тое бусу воровские казаки, чают они, возмут же.

И по указу великого государя по вестем отпустил он, боярин князь Иван Семенович из Астрахани на море товарыща своего столника и воеводу князя Семена Львова, а с ним ратных людей, да с ним же князь Семеном послал грамоту великого государя, которую привез к ним Василей Пущин во 176 году к воровским казаком к Стенке Разину с товарыщи, и Августа же в 10 день писал в Астрахань со взморья столник, князь Семен, взяв де он от под'ездщиков подлинную ведомость, что воровские казаки стоят на четырех буграх, пошел на них боем и воровские де казаки, увидя ратных людей ополчение и стройство и над собою промысл, вметався в струги, побежали на море в дальние места. И он де князь Семен шол за ними морем от четырех бугров с двадцать верст и видя, что их не угнать и поиску над ними учинить не мочно, послал к ним грамоту великого государя с Никитою Скрыпицыным, а он де князь Семен, став всеми стругами на якорях, и их воровских казаков на четыре бугра пропустил, а которым устьем шли они казаки с моря к четырем буграм и он де князь Семен великого государя с ратными людьми то устье от моря заступил, чтоб им на море выгресть было нельзя, и казаки де, прочтет великого государя грамоту и видя то, что от четырех бугров морской путь ратными людьми заступлен, прислали к нему князю Семену двух человек выборных казаков, и те де казаки били челом великому государю, а ему говорили ото всего войска...

И казаком говорено: пошли они с Дону на такое воровство и то учинили, забыв страх божий и великого государя

царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца крестное целование, и ныне б они сказали правду, на такое воровство, где у них зачалась мысль, и кто у них в той мысли в заводе был, и что они на Волге и на море и в шаховых городех какова воровства учинили.

И казаки сказали: на Дону им учала бысть скудость большая, на Черное море проходить им немочно, учинены от Турских людей крепости, и они де, отобрався охочие люди, пошли на Волгу и с Волги на море без ведома войскового атамана Корнила Яковлева, а начальный де человек к тому делу был у них Стенка Разин, а пошло де их с Дону с 600 человек, да к ним же де приставали на Волге и на Яике из Астрахани и из иных городов всякие вольные люди, и, будучи де они на Волге и на Яике и на море, воровали бусы и всякие суды громили и людей всяких чинов русских и иноземцев грабили и побивали, а в шахову де область пришли они в прошлом во 176 году после Петрова дни и пристали у моря в Гирле и хотели итти к посаду к Ряши, и Кизылбашской де визирь, который был в том посаде, присылал к ним говорить, чтоб в шахову область не ходили, а хлеб и платье, что им надобно, хотели им давать, и в том де они уверились и укрепились аманаты, а в аманаты дали трех человек казаков, а у них взяли тож и тех де их аманатов визирь отослал к шаху, а шах велел их задержать в городе Амрефе, а которые де у них были Кизылбашские аманаты и тех аманат отпустили они к Кизылбашем с письмом, чтоб их казачьих аманат отдали и были б с ними в миру, и после де того за миром приходили на них многие шаховы люди и с ними у них был бой, и их казаков побили и в полон поимали.

И после де того бою ходили под город Фарабат и тот город взяли и людей побили и в полон поимали, и было де в том городе боевых людей с пять сот человек или и болши, и которые в том городе взяты началные люди два человека и те отданы в Астарахани. А зимовали де они от Фарабата в ближних местех и около Фарабата разоряли деревни.

А нынешнего де лета от Фарабата пошли они к свиному острову и с того острова ходили они и в деревнях Шаховой области имали хлеб, и к тому острову приходили

на них Кизылбашские люди в семидесят судех, и с ними был бой и на том бою взяли они казаки ханова сына, а достальных шаховых людей всех побили и взяли наряду тридцать три пушки и с того де бою пошли они казаки к Астарахани на взморье и пришли на митрополичей учюг и хотели посылать в Астарахань; и на том учюге были день, и стоять было на том учюге немочно, и от того учюга пошли на четыре бугры, и к ним де прислал князь Семен Львов, что есть у него к ним грамота великого государя и после того прислал к ним грамоту великого государя, и по той государеве грамоте пошли они к Астарахани, а всех де их казаков к Астарахани пошли с 1200 человек, а побито де их казаков на Волге на море с 200 человек.

А с полону де у них Кизылбашен, Бухаров, Трухменцев мужеска и женска полу 95 челов. опричь тех, которые отданы в Астарахани с хановым сыном, и тот полон у них в Астарахани переписыван по приказу боярина князя Ивана Семеновича Прозоровского с товарыщи, а животов де у них не переписывано, и приказывал де им боярин князь Иван Семенович, чтоб они того полону никому не отдавали, а про животы де, которые у них казаков, ничего разговоров не было.

А Кизылбашского де шаха купчины животы поимали они на море в то время, как он купчина шел к Астарахани, а сколко животов взяли, того неведомо.

А говорил боярин князь Иван Семенович о тех животах атаману или нет, того неведомо. А суды де морские у них взяты в Астарахани, а дал де им боярин князь Иван Семенович иные мелкие суды и хотел их отпустить на Дон, кто на Дон итти с атаманом с Стенкою Разиным похочет, а которые похотят в Астарахани быть или куды в прежние житья итти, и о том у них казаков приговорено поволно, где кто похочет жить.

А Серешка Кривой сшелся с ним под Ряшею, а с ним было казаков с 600 человек, и ныне де те казаки в том же числе пришли в Астарахань, а Серешка де убит на бою под Трухменью.

А на море нигде казаков не осталось ни одного человека.

А как из Астарахани Стенка Разин с товарыщи отпущены будут, и оне хотели стругами ехать до Царицына

и, на Царицын покинув струги, итти на Дон в казачьи городки.

А до Царицына де и до казачья городка до пяти изб хотел им боярин и воевода князь Иван Семенович с товарыщи дать служилых людей.

И по указу великого государя тем казаком вины их выговорены и сказано им, что великий государь, его царское величество государь христианский по своему царскому милосердному разсмотренью пожаловал, вместо смерти велел им дать живот и указал их послать в Астарахань, и чтоб они за свои вины служили ему, великому государю, и вины свои заслужили, а что они взяли шаховых людей и животы многие, и то все у них взять и отдать шаховым купчинам в Астарахани. И с Москвы те казаки посланы в Астарахань Сентября в 21 день с Самарениным с Аникою Хомуцким.

(Попов.—Документы по истории возмущения Ст. Разина).

Распространение движения Степана Разина.

Из донесений кн. Ромадановского.

178 года Июля во 2 день в Белегороде в с'езжей избе перед стольником и воеводою, перед Петром Дмитриевичем Скуратовым Московские стрельцы про Стенку Разина и про иные вести распрашиваны, а в распросе сказали: В нынешнем де во 178 году в великой пост, за две недели до светлые недели, по указу великого государя послано их стрельцов розных приказов с головою с Иваном Тимофеевым, сыном Лопатиным, да с полуголовою с Федором Лукьяновым, сыном Якшиным тысяча человек на службу великого государя в Царицын, для береженья города, и на реке де на Волге, на Денежном острове, от Царицына в семи верстах, с луговые стороны напали на них судами вор Стенка Разин с своими воровскими людми, а с нагорные де стороны напали на них его ж Стенкина войска конница, а всего де с ним Стенкою его войска напало на них с пять тысяч, и они де стрелцы учинили с ними бой и бились до города до Царицына, чаели себе из города выручки, и как они

пришли к городу, и из города де по них почели бить из пушек и их стрелцов побили человек с пять сот и болши, а досталных под городом разобрали, и голову де Ивана Лапатина взяв живого, он Стенка велел наругатца всячески и кололи и посадили в воду, да и сотников де всех и пятидесятников и десятников, которых взяли живьем, наругався посажали в воду многих, а стрелцов с триста человек и болши, и тех всех он Стенка посажал в суды, в гребцы неволею и пошел де с войском судами к Черному Яру. А в кругу се, как у них был круг в Царицыне, говорили, что де они стрелцы бьютца за изменников, а не за государя, а он Стенка бьетца с войском за государя. А как де Стенка пришел к Царицыну, и Царицынские де жители с ним Стенком битца не стали и ему здались и у города зомок збили и его де Стенку с войском пустили в город, и воевода де Тимофей Тургенев заперся было с Московскими стрелцами в башне, и Стенка де его в той башне достал и велел убить и посадил в воду.

Из донесений кн. Барятинского.

Ноября в 5 день ведомо мне, государь, учинилось, что воры Донские казаки Ромашко да мурза Кайко с Саратовскими и с Самарскими, и с черты с Корсунскими и малого Корсунова, и с Арзамаскими и с Сурскими, и с Талскими, и с Саранскими, и с Пензенскими, и с Алоторскими, и с Курмышскими, и с уездными тех городов со всеми собралось их воров с пятнадцать тысячь, и стояли у Барыша реки в Кандарате; и Ноября ж, государь, в 6 день из Тагаева на тех воров я пошел и пришел к Барышу реке в Усть-Уренскую слободу, и в Усть-Уренской слободе с ертаулом был у меня бой, и на том бою Донского казака Мурза Кайка ранили, а заводчика попа боярина князя Ивана Алексеевича Воротынского Арзамаского уезду села Пикитина и иных казаков живых взяли и роспрося велел их казнить смертью, и из слободы их воров всех вон выбили. И на утрея, государь, Ноября ж в 12 день, поставя обоз, через Барыш реку сделав три моста и через мосты перебрался с полками и с обозом, а они воры стояли за Кандараткою речкою под слободою убрався с полками конные и пешие и, поставя обоз да с ними двенадцать пушек, и пошол разобрався с своими полками и с обозом...

И роз‘ездясь, я холоп твой и разсмотря места, велел пешим полкам и приказом с обозом со всем и с пушками на них наступать, а мы, наметав сенами речку Кандаратку, перебрались, а у них, государь, у речки пехота приведена была и бой был великой и стрелба пушечная и мушкетная беспрестанная, а я со всеми полками, конными на их конные полки наступил и учинился бой великой... В этом бою тех воров побил и обоз взял да одиннадцать пушек, а другонадцатую затинную пищаль у них разорвало, да двадцать четыре знамени, и розбил всех врознь, и побежали разными дорогами, и секли их воров конные и пешие, так что на поле и в обозе и в улицах в трупу нельзя было конному проехать, и пролилось крови столко, как от дождя болшие ручьи протекли, а языков, государь, живых взято розных городов и уездов триста двадцать три человека, и, приведчи их ко кресту, отпустил, а заводчиков из тех людей велел посечь... Ноября же в 17 день с Алатора из города строитель, и священницы с образами, и посадские люди, и стрелцы, и пушкари, и казаки все пришли ко мне из за Суры в обоз и вины свои тебе великому государю принесли со слезами же; и до твоего великого государя указу вины им я холоп твой отдал и велел им жить в домех своих по прежнему. И били челом тебе, великому государю, а мне о том говорили, чтоб мне иттить на Алаторь, а буде мне вскоре к ним на Алаторь иттить нельзя, и мне дать им воеводу и ратных людей; и я холоп твой до твоего великого государя указу воеводу им дал Арзамасца Любима Шилникова да началного человека да девяносто человек стрелцов и салдат, а сам было пошол по черте к Корсуню и к Корсунову, и дошел до Мордовской деревни Котяковы и стал в той деревне Котякове, и из Корсуня и из Корсунова и из Талскова пришли все с образами и вины свои тебе, великому государю, принесли и крест целовали; а на Аргаше, государь, и в Сурском жилецких людей никого нет, все розбежались и, сделав два моста через Суру реку, пошол на Алаторь, чтоб воры собрався не учинили чего над Алаторем, и на Алаторь пришел Ноября в 23 день, и стою ныне я, холоп твой, на Алаторе и острог сделал. А от Синбирска, государь, по черте до Суры милостию божиею и твоим великого государя счастием смирно, а из за Алатора реки, из за лесу, из сел и из

деревень на Алаторь ко мне, холопу твоему, приходят и в винах своих тебе великому государю добивают челом; и Русских людей велел приводить к вере, а Мурз и Татар и Мордву по их вере к шерти, а которые, государь, по черте в городках были стрелцы и казаки и тех взял с собою, и ныне у меня в полку для того по коих мест укрепится. А которые, государь, воры с боев бегали и те воры ныне сбираются все в Саранску, и собралось де их много, и мне, холопу твоему, за малолюдством вскоре поспешить нельзе, а послал проведывать в Саранеск для подлинной ведомости; а как будет подлинная ведомость, и я, холоп твой, под Саранеск пойду и стану промысл чинить, сколько милосердый Бог помощи подаст.

* * *

Город Кузмодемьянск я, холоп твой, с твоими великого государя ратными людьми взял и воровских людей многих побили. А которые, государь, градские жители—стрелцы и пушкари, и ямщики, и посадские люди из Кузьмодемьянского уезду села Троецкого болшой Юнги и деревень Струнихи и Мумарихи и Поляны и загородные слободы посадские люди и Стефана архиепископа Суздальского и Юрьевского вотчины села Покровского и деревень болшой и малой и луговой Копаней и Спаскаго монастыря вотчины Малые Юнги деревень Болонихи и Красной Горки и Гавренихи, и крестьяне, и бобыли, и уездные тебе, великому государю, изменили и к воровским казакам пристали, и город Кузьмодемьянск воровским людем сдали, и воеводу Ивана Побединского и под'ячего Василья Богданова убили, и против твоих великого государя ратных людей бились; и я, холоп твой, против воров и изменников с Кузьмодемьянскими священники и градскими жителями и всяких чинов людьми сыскивал, и по сыску, государь, тех воров и изменников за воровство бито кнутом нещадно четыреста человек, да из них же, государь, казнено сто человек, отсечено по персту у правой руки, а иным отсечены руки, а пущих воров и заводчиков казнено смертью шестьдесят человек... Ноября, государь, в 17 день пришел ко мне холопу твоему Кузьмодемьянского уезда, Стефана архиепископа Суздолского и Юрьевского вотчины его села Покровского, приказного человека Васки Нарбекова сын, его Стенка воровского

новоприборного казака Кузмодемьянского ж уезда Струнихи посадского человека Тимошку Сазонова. А в распросе и с пытки тот Тимошка сказал: как воровские казаки город Кузмодемьянск взяли и тюремных сиделцев распустили; и тюремного сиделца Илюшку Долгополова они, воровские казаки, выбрали атаманом, и прибрал он, Илюшка, к себе в казаки Кузмодемьянских градских жителей и уездных Русских людей, и ходили они с ними за Волгу реку на Ветлугу для воровства. На Ветлуге их собралось в казаки сто человек и дошли они до села Лапшалги, а идучи, государь, те воровские казаки по Ветлуге в розных поместьях и в вотчинах убили десять человек прикащиков, а чьих, государь, поместей и вотчин те прикащики, того он, Тимошка, не знает; и собрався, государь, розных вотчин и поместей прикащики тех воровских людей побили, а досталных разгоняли.

Из донесений Юрия Долгорукого.

И по твоему великого государя указу велели мы холопи твои Темниковских градцких людей и Темниковского уезду вотчины столника князя Василья, княж Федорова сына Одоевскаго, села Девичья-рукава, да столника князь Михаила, княж Петрова сына Черкаского, села Вилничкова и иных многих сел и деревень крестьян в Темникове, приветши к вере в соборной церкви по чиновной книге, что им впредь к воровству и ни к какой шатости не приставать; и Темниковцы ж градцкие посадцкие люди и уездные священницы и крестьяня привели к нам холопям твоим Темниковскаго уезду села попа Саву да разных сел и деревень крестьян осмнадцать человек, которые с ворами были вместе и против твоих, великого государя, ратных людей на бое бились и бунты многие заводили и домы грабили и многим женского полу чинили поругание, а иных запытали до смерти; да Темниковцы ж градцкие люди привели к нам холопем твоим вора и еретика старицу, которая воровала и войско себе сбирала и с ворами вместе воровала, да с нею же принесли воровские заговорные писма и коренья, и мы, холопи твои, того приводного попа и крестьян распрашивали и велели пытать и огнем жечь. А в распросе и с пытки поп и крестьяне

в воровстве винились и говорили, что де, государь, они с твоими великого государя ратными людми в селе Кременках и в селе Веденяпине на боях бились, да поп же сказал, что де он в Темникове пытал церковного дьячка Лучки Нестерова жену из животов и с пытки де та Лучкина жена умерла. А вор-старица в роспросе и с пытки сказалась: Аленою зовут, родиною де, государь, она города Арзамаса, выездные слободы крестьянская дочь и была замужем тое ж слободы за крестьянином, и как де муж ее умер, и она постриглась и была во многих местех на воровстве и людей портила; а в нынешнем, государь, во 179 году пришед она из Арзамаса в Темников и сбирала с собою на воровство многих людей и с ними воровала и стояла в Темникове на воевоцком дворе с атаманом с Федкою Сидоровым и его учила ведовству. И мы холопи твои того приводного попа и крестьян за их воровство велели казнить смертью, повесить около Темникова, а вора-старицу за ее воровство, и с нею воровские письма и коренья велели сжечь в срубе.

* *
*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великие и Малые и Белые России Самодержцу, бьет челом богомолец твой, вотчины боярина Одоевского, Нижегородского уезда Кожуховские волости, села Мещерских гор, поп Иван. В нынешнем, государь, во 179 году в Октябре месяце, как пришли твои великого государя ратные люди на Лисенской перевоз, и в то, государь, время в Криволочье учинили мужичья бунт и пристали к воровским казакам, и послали на Богородское, чтоб воровские казаки шли на Лисенской перевоз; и по их воровской посылке воровские казаки прислали в Избелецкую слободу к старостам и ко всем крестьянем свое воровское писмо, и я, богомолец твой, то их воровское писмо у старост взял, и проведав их воровскую мысль, что они твоих, великого государя ратных людей на Лисенском перевозе хотели побить, и к твоим великого государя ратным людем пришед на Лисенской перевоз, то воровское писмо подал полковником и всем ведомо им учинил. И твои великого государя ратные люди и полковники послали меня богомолца твоего в Избылецкую слободу к старостам и ко

всем крестьянем уговаривать, чтоб они не бунтовали и к воровским казаком не приставали, и дали б на Лисенской перевоз поромы все и с перевозы; и они в том богомолцу твоему отказали. Да в тож, государь, время приехали с Богородицкого воровские казаки двадцать человек, да мужичья с четыреста человек розных вотчин и поместей, и меня, богомолца твоего, били и мучили, и домишко мое все разграбили без остатку, и попадьишко мое мучили и били же, и связав меня отдали старостам за караул, и сбирались вкруг дважды, и меня приводили к казни, за то что я, богомолец, твой к их воровскому нечестивому совету не пристал и твоим великого государя ратным людем о всем учинил подлинно ведомо, и воровское их писмо полковником отдал; и сидел я у них за караулом ден с десять.

Я, богомолец твой, старост и крестьян уговаривал с проклятием, чтоб они такого злого совету и воровские прелести отстали; и они того ничего не послушали, и за то меня богомолца твоего приговорили, приведчи на Лисенской перевоз, казнить злою наругательною смертью; и услыша то, я богомолец твой от них ушел к твоим великого государя ратным людем за Оку реку.

* *
*

Царю государю и великому князю Алексею Михаиловичю, всеа Великие и Малые и Белые России Самодержцу, бьют челом винные холопи твои, Верхнего города Ломова конные казаки, и пешие стрелцы, и пушкари, и засечные сторожи, и сторожевые и полковые казаки, Русские люди и Мордва и Татаровя всем городам и уездом: в нынешнем, государь, во 179 году Октября во 2-й день, Божием изволением грех ради наших приехали к Верхнему городу Ломову к посаду Донские атаманы: я, Михайла Харитонов, да Павел Яковлев, да ясаул Галахтион Захарьев, да Саратовцы Сенька Винокуров, Гаврилка Арефьев, Федка Чура с Донскими казаками, и с Саратовскими, и с Черкасами, и Саранские и Инсарские черты, и с Пензенскими и иных многих городов со многими людми, да Нижнего города Ломова казаки Васка Нехорошев сын Шилов, Тишка Петелин, Федка Белик, Ларка Еголников, Ивашка Емельянов

са товарыщи большим собранием; они нам холопем твоим говорили: приехали де мы к вам от Донского атамана от батюшки своего, от Степана Тимофеевича Разина и от всего его войскова для обереганья. И мы холопи твои им от Верхнего города Ломова отказали; и они, слышав те наши отказные слова, послали в Нижней город Ломов по болшой снаряд и по многих казаков и говорили нам: будет де вы учинитесь вы батюшке нашему Степану Тимофеевичю и всему его воискому сильны; и мы де всех вас верхородцев с воеводою вашим побьем и город де ваш и дворы выжжем и жон де ваших и детей всех порубим и разорим без остатку; и мы, холопи твои, убоясь их большого собрания и разоренья, боем с ними не бились, потому что нас в Верхнем городе Ломове малолюдно, а твоих государевых ратных людей в Верхнем городе Ломове для обереганья никого не было, и нам холопем твоим одним против их битца было невмочь. И они, приехав к нам в Верхний город Ломов и пришед соборную церковь в самую литургию, и воеводе Игнатию Корсакову и нам говорили лестными своими словами, чтоб то присланы они из войскова от атамана, от Стенки Разина для обереганья и украенных городов, и вышед из соборной церкви после литургии, учиня свои казачей круг, воеводской дом и животы разграбили и для всякого ужасу и боязни срубили Верхнева города Ломова Ильинского попа Федора Семенова и иные наши домы разграбили и многих людей плетми били, и в твоем государев анбаре твои государевы грамоты и всякие дела изодрали и воеводу Игнатья Корсакова из Верхнева города Ломова взяли с собою в Нижней город Ломов и посадили в тюрму; и мы холопи твои об воеводе об Игнатье Корсакове им в Нижнем городе Ломове били челом, чтоб они его из тюрмы свободили, и они воеводу из тюрмы в Верхней город Ломов выпустили Октября в 4 день. И Октября в 6 день Донские казаки да Саратовцы прислали к нам в Верхней город Ломов из Нижнего города Ломова Донских казаков да Саратовцев, и те казаки воеводу Игнатия Корсакова срубили; и после того те Донские казаки и Саратовцы и Черкасы имали нас холопей своих с собою неволею в Шацкой уезд и в село Троецко—острог, всех служилых людей, уграживая нам всякою смертною казнью

и разорением, и мы холопи твои, убоясь Донских казаков и Саратовцев и Черкасов и всего их болшого собранья, в Шацкой уезд и в село Троецко-острог ходили боем; и в Троецком-остроге мы холопи твои, увидев твоих, государевых людей, дворян и Московских стрелцов, убоясь тебя великого государя и твоего государева указу, из Троецкого-острогу отошли с бою в Верхний город Ломов.

* * *

Господам Ивану Федоровичу, Луке Ивановичу, Иван Полбединской с товарыщи, Василей Богданов, челом бьют. В нынешнем во 178 году Июля в 5 день, писал к нам, в Кузмодемьянской и Свияжской, Посник Огарев: Июня де в 13-м да в 7 числех писали де к нему Поснику в Свияжской из Казани боярин и воеводы Петр Васильевич Шереметев с товарыщи, Июня де в 12 числе об'явились де изменники Башкирцы и Калмыки и в Казанском уезде на сей стороне Камы реки, а от Казани де за Волгу десять верст, да Июня де в розных числех писали де к ним боярину и воеводам к Петру Васильевичу Шереметеву с товарыщи из Казанских пригородков приказные люди, что де изменники Башкирцы, перелазя Каму реку и на сей де стороне Камы реки, село да девять деревень повоевали и пожгли и людей поймали в полон и впред де они хвалятца притти войною в Казанской и в Свияжской уезды, и чтоб де ему Посник в Свияжском уезде близь Волгарски, в которых местех пригоже учинить заставу, чтоб изменники Башкирцы в Свияжской уезд безвестне не пришли и дурна какого не учинили; да Июня он де в 28-й день приехав до Синбирска Свияжской стрелец, и сказывал де тот стрелец ему Поснику, что де при нем пришли на Синбирской Московские стрелцы четыре человека, которые де были на службе великого царя на Царицыне, что де вор Стенка Разин со многими людьми соединились с изменники Запорожскими Черкасы с полковником с Ериком, Царицын город взяли и воеводу и Московских стрелцов голов повесил, а Московских стрелцов побил всех без остатку, и едут де в верховые городы он Стенка водяным путем, а Черкасы де конные и пешие сухим путем по обе стороны Волги реки, а говорят де они, ратных людей и Черкас, и те де Московские

стрелцы четыре человека с Синбирска посланы к великому государю в Москве, и вам бы господа на Курмышь вести были ведомы, а стрелца отпустить в Кузмодемьянской, да о том к нам велеть отписать.

* * *

179 году Октября в 13 день, на Лисенской перевоз приехал из за Оки реки Нижегородского уезду Кожуховские волости, вотчины боярина князя Якова Никитича Одоевского, села Мещерских гор, церкви Николы Чюдотворца, поп Иван Алексеев великого государя к ратным людем в обоз и подал писмо воровских казаков полковником Давыду Фандернисину, Ивану Лукину, Василью Чемоскину. И тот поп допрошиван, а в распросе про воровское писмо сказал, что писмо привезли в вотчину боярина князя Якова Никитича Одоевскаго в Избылецкую слободу к старостам и ко всем крестьяном, а принесли то писмо в слободу Нижегородского ж уезда столников Михайла Приклонского да Петра Скуратова крестьяня деревни Поляны Якушка с товарищи, а чей де он словет и он того не ведает, а про воровских казаков сказал, что стоят в вотчинах князя Михаила Яковлевича Черкаского в селе Богородицком да в селе Ворске человек с пятсот, а атаман у них Савка Федоров да черни тысячи с три, и караул у них на Оке реке по перевозам поставлен, как переедут государевы ратные люди и над ними хотят учинить тож, что и на Павлове перевозе, перепустя, небольших людей побить, а больших не перепустить; и из уезду зовут и высылают на Лисенской перевоз, а сбор де их воровских людей болшой в Ворске и Богородицком и на реке Падькуме на Вечаковском перевозе и на иных местех.

(Попов.—Материалы по истории возмущения Ст. Разина).

Конец Разиновского движения.

(Из донесения кн. Урусова).

В нинешнем во 179 году Сентября в 15 день писали к тебе великому государю мы, холопи твои, что послал я, холоп твой, с устья Казани реки товарища в своего околничего и воеводу князя Юрья Никитича Борятинского

с твоими великого государя ратными с конными и пешими людми для выручки Синбирска, и Октября в 11 день писал ко мне холопу твоему Петрушке товарищ мой околничей и воевода князь Юрья Никитич Борятинский: Сентября в 20 день за Свиягою рекою под селцом Куланги дожидались его воровские казаки Татаровя и Чюваша и Черемиса и Мордва болши трех тысяч конных и пеших людей, и был у него с ними бой, и тех воров побили и языков взяли шестьдесят семь человек, и тех де языков посек и перевешал да на том де бою взят . . . . . . Соловцева стрелец Ефремка Про. . . .хов, и того де стрельца велел четвертовать и на колье рассадить. И Сентября ж де в 23 день пришел он к реке Карле, и у реки де Карлы собрався, встретили его воровские казаки и Татаровя и Чюваша и Черемиса и Мордва, учинили с ними бой и на том бою тех воровских казаков побил, и языков взято осмнадцать человек, и тех языков велел посечь и перевешать; да Сентября ж де в 24 день, перешед Карлу реку под татарскою деревнею Крысадаки, воровские ж казаки и Татаровя и Чюваша и Черемиса и Мордва учинили с ними бой, и он де тех воров побил, и языков взято осмнадцать человек. Сентября ж де в 27 день под Мордовскою деревнею Поклоуш собрався воры казаки и Татаровя и Чюваша и Черемиса и Мордва учинили с ними бой, и на том бою тех воровских людей и казаков побил и языков взято тридцать восемь человек, и велел их посечь; да Сентября ж де в 29 день пришел он к черте в городок Тагаев, и из Тагаева де все люди выбежали к вору Стенке Разину в Синбирск, и из того городка пошел он во Мшанск, а изо Мшанска пошел к Синбирску по Крымской стороне Октября в 1 день, и пришел к Свияге реке до Синбирска за две версты, и вор де Стенка Разин собрався с ворами с Донскими казаки, и с Астраханскими, и с Царицынскими, и Саратовскими, и с Самарскими ворами, и с изменниками с Синбирскими и по черте изо всех городов с ворами и розных городов с Татары, и с Чювашею, и с Черемисою, и с Мордвою, с великими силами почел на него наступать и он де со всеми твоими великого государя ратными людми разобрався, и устроясь против вора Стенки Разина, пошел и с ним сшелся сажень в двадцати и учинили бой, и на том бою его вора Стенку Разина со-

рвали и прогнали; и собрався он вор Стенка со всеми силами с конными и с пешими людми и с пушками и пришел к нему и учинил с ними бой; что люди в людех мешались и стрелба на обе стороны изменникова ружья и пушечная была. В этом бою тех воров побили бесчисленно много, а его вора и крестопреступника Стенку самого было жива взяли и рублен саблею и застрелен из пищали в ногу и едва ушел, и изымал де было его Алаторец Семен Силин, сын Степанов, и тот де Степан над ним вором Стенкою убит, и розбили де их всех врознь, а и вор Стенка с досталными людми побежал к валу и башню запер, а бились де они с тем вором с утра до сумерок, и на том бою взято языков сто двадцать человек, и он де тех языков оставил не велел людей низовых городов, которые с ним Стенкою пришли, а иных велел посечь; да на том же де бою взято у него вора Стенки четыре пушки, четырнадцать знамен, литавры. И Октября де в 3 день, сделав два моста на Свияге реке и переправясь за мост, пошол того ж числа под Синбирск и пришед де под Синбирск Саранскою сторону под город Кремль, стал близко города Кремля и Синбирск выручил и ото осады свободил, а вор де Стенка Разин стоял по ту сторону города у Казанских ворот. Он вор, Стенка, из острогу к городу из за валу приметывал приметы великие и зажигал, и он воевода Борятинский де в ночи посылал полковника Андрея Чюбарова с полком и велел чинить окрики от Свияги реки, чтоб ему вору измешать, и люди б все к городу и собрались, и на него де вора Стенку пришло такое страхование, что он в память не пришел и за пять часов до свету побежал в суды с одними Донскими казаками и Астраханцев, и Царицынцов, и Саратовцов, и Самарцов покинул у города ж и их обманул, а велел де им стоять у города и сказал им он (Разин), будто он пошол на твоих великого государя ратных людей, которые с товарыщем моим с околничем и воеводою со князем Юрьем Никитичем Борятинским, и как де он вор Стенка побежал от Синбирска в суда свои; и де с конными людми вышел на поле и стал около города, а пехоту пустил на обоз вора Стенки Разина и в острог. А околничей де и воевода Иван Богданович Милославский со всеми твоими великого государя ратними людми вошел в острог же; и воров и измен-

ников, которые под городом были, в остроге побили на голову да языков взяли болши пятисот человек, а которые де пробивались к судам и тех в Волге всех потопили, а было де с вором Стенкою воровских людей и казаков с черты и уездов с двадцать тысечь. А если бы де, государь, не зажгли острогу, долго б было около их за многолюдством ходить, а как бы де он того числа к Синбирску не поспешил, и Синбирск бы был взят. А по черте и в уезды послал к ворам, которые тебе великому государю изменили, чтоб в винах своих тебе великому государю те воры добили челом и вины свои принесли и жили б в домех своих по прежнему и служили б тебе великому государю верно; а будет они будут не послушны и он с твоими великого государя ратными людми на их пойдет и промысл над ними чинить будет, что б они были по прежнему под твоею великою государя высокою рукою. А стоит де он под Синбирском в остроге обозом, а полковники де и головы стрелецкие и все твои великого государя ратные люди служили тебе великому государю верно, и на тех, государь, на всех боях твоих великого государя ратных людей побито тридцать девять человек, да раненых: жилцы князь Трофим княж Федоров сын Борятинской, Яков Григорьев сын Левашов, Анисим Левонтьев сын Мертвого, Матвеева полку Кровкова полуполковник Иван Давыдов сын Жданов ранен двожды, да городовых дворян и детей боярских и рейтар и стрелцов и солдат сто восемдесят девять человек. И Октября ж де в 6 день из Синбирскаго и из Свияжскаго уездов, а из под Тетюш уездные люди почели тебе великому государю вины свои приносить и к нему в Синбирске приходят; и он де Синбирским велел итти к околничему и воеводе к Ивану Богдановичу Милославскому, а в Свияжской и в Тетюшской и в иные уезды послал он Нижегородца Алексея Петрова сына Гладкова да иных разных городов Мурз и велел их приводить к шерти, а чает де, что вскоре тебе великому государю в винах своих добьют челом. А из Синбирска де с твоими великого государя ратными пойдет на Урен Октября в 9 числе, для того что всему воровству заводчики те Уренские казаки, под Алатарь и на Саранской ходили воевать они, а ныне де у них на Урене тех воров в собранье с пять тысечь. А будет

воровские люди об'явятся где, и он де по сю сторону Синбирска Суры или за Сурою, и на тех он воров пойдет же и над теми воровскими людми промысл чинить будет, сколко милосердный бог ему помощи подаст, что бы воровские люди к казаки к воровству Стенки Разина не приставали и не множились.

(Попов.—Материалы по истории возмущения Ст. Разина).

Документы Разина.

179 года Июня в 8 день, вор Фролка Разин в роспросе сказал: как де его пытали во всяких его воровствах и в то де время он в торопях и от многой пытки в память не пришел, а ныне де он опамятовался, и скажет про все, что у него в памяти есть.

Как де брат его, Стенка, Астрахань взял, и в то де время взяты с Бухарскаго двора . . . с дорогами с шелком с сафьяны и с киндяки, и отдал на сбереженье астраханскому митрополиту, и ныне у него.

А про письмо сказал, которые де воровские письма у брата его были к нему присланы откуда ни есть и всякие, что у него ни были, то все брат его Стенка ухоронил в землю для того, как де он Стенка хотел итти вверх к Царицыну, а в дому де у него никого нет, и он де все свои письма собрал и поклал в кувшин в денежной и засмоля закопал в землю на острову реки Дону, на урочище на Прорве под вербою, а та де верба крива посередки, а около ее густые вербы, а того де острова вкруг версты две или три; а сказывал де ему про то про все брат его, Стенка, в то время, как он Фролко хотел ехать на Царицын для Стенкины рухляди перед Корниловым приходом за два дня; а рухлядь де было ему имать на Царицыне у посадского человека у Дружинки Патапова: город костяной, сказывал ему Стенка, что тот город сделан образцом, как Царьгород, а взят де он у князь Семена Львова или у Кизылбашен, про то сказать не помнит и велел отвесть к пяти избам; да сундук, а в нем дороги и платья его пять кафтанов дорогильных, три зарбалова, а дорогов пятьдесят.

(Попов.—Материалы по истории возмущения Ст. Разина).

IV. РАСЦВЕТ ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА.

Прожектеры[40] начала XVIII в.

О размножении материала пенечного также и льняного.

(Салтыков. [41])—Изъявления, прибыточные государству).

Предложение I. Материал пенечной всего вашего государства есть главная и основательная прибыль, которая потребна есть и всему свету для морских плаваний к корабельным снастям и к конопати, также и в протчие потребы: в котором материале состоится основание всех государств морского купечества и без которого не может быть мореплавание.

Предложение 2. Велеть во всем государстве, собственно же (где) лучшая пенька родится, в тех городах и уездах, как градским так и уездным людям, сколько всякой человек сеял коноплю на всякий год, чтоб он льна и впредь повсегодно сеял вдвое, а будет которому нет такой мощи или у кого столько земли удобной нет, и тем велеть сеять в полтора для размножения того материала.

Предложение 3. И когда такой материал будет размножаться, тогда поселяном будет прибыль от купцов в продаже той пеньки, а купцам будет прибыль в продаже той пеньки, когда они станут продавать в пристанях морских в другие государства: от чего будет сбор и прибыль в таможенных доходех.

Предложение 4. По сему ж велеть указать учинить и о сеянии льна, понеже он материал нарочитой; голандцы покупают лен в российском государстве и в Польше и потом, сделав из него полотны, продают в российское госу-

дарство и в польское и в протчие государства для своих прибылей.

Предложение 5. Велеть под великою казнию заказать во всех морских пристанях российского государства, чтоб семени конопляного не продавать, ни в Англию, ни в Голандию, понеже я слышал здесь будучи, что закупают в наших российских пристанях и в пристанях польских, во Гданске, такожде и в Королевце, и посылают его в Новую Англию для размножения того материала, и, когда тот материал там размножится, тогда наш одешевеет, о чем всеконечно надлежит иметь остерегательство для своих государственных прибылей: против сего ж надлежит заказать такожде и о льняном семени.

О взыскании свободного пути морского от Двины реки даже до Амурского устья и до Китай.

Предложение 1. Велеть сперва построить не очень большие морские суда, как буера или шмаки по два или по три судна для скорости на реках у города Архангельского, на Двине; в Сибире на Березове городе; на Обе реке, на Лене реке, в Якутском остроге, в Сибире ж, за Якутским острогом около Святого Носа, обыскав удобное место на реках, которые близко к устью Амуры реки, такожде и на Амурском устье, буде она в вашем державстве, только я о том не известен, о чем надлежит справиться, как мир сделался с китайцами и в чьей стороне осталось устье амурское, понеже той реки устье лежит против Епонского острова.

Предложение 4. И ежели оный проход до китайских и до епонского берегов сыщется свободный, в том будет вашему государству великое богатство и прибыль, потому изо всех государств, как из Англии, Голандии и из иных посылают во Ост-Индию корабли, которые переходят линию дважды, как они ходят вперед и назад обращаются; в которых местах от жаров множество у них людей помирает и от скудости провиантов, ежели они продолжаются долго в пути; и, по обретении оного, станут желать ходить тем проходом.

Предложение 5. И, по обретении того, на проливе Вайгатс в Новой Земле построить одну крепость, а другую

на матерой земле, что лежит против Новой Земли, построить крепость же для того: когда тот путь сыщется, для проезжих всех кораблей (уставить) пошлины на приклад, как в Зоунде, на Ост-зее, или как в Стрецыи в Гишпании: отчего государству будет великая прибыль в пошлинах и в купечестве; такожде потому ж сделать крепость в заливах, в Сибири на Ангамане реке, а против того на Амуре острове и в протчих местах, где будет пристойно на проливах, где обыщутся.

Предложение 8. Еще же надлежит послать в Сибирь указ к губернатору, чтобы он послал проведать и описать, далеко ли за Святым Носом вашего величества берег, и по которую реку и от той последней реки, какие люди живут там и кому они подлежат, к Китаем ли, или сами собою правятся, или в вашем подданстве; понеже на той ширине градусов, как в Епоне и на острову Гетео лучшее серебро находится, и в бытность мою, как я был в Сибири со отцем своим, в то время в тех местах найдены были опустелые серебряные заводы и их плавилы, которые господин Федор Алексеевич Головин в свою бытность там нашел руды серебряные и плавил и пробы присылал к Москве в сибирской приказ: однакож то оставлено за неоселением людей, понеже тех работных людей малое число, которое оселено, а мочно было их учинить больше, ежели бы прилежание к тому было.

Предложение 9. Хотя в том искании какая и трудность сыщется. без чего никакое дело не происходит. Англичане и голандцы ищут новых земель для своих прибытков и повсегодно того пробуют.

О взыскании удобных мест к строению крепостей в вершинах рек: Яика, Тоболу, Иртыша, Ангары, Селенги и Енисея и до самых Амурских вершин и от тех вершин в степи.

Предложение 1. Довлеет построить фортификации в вершинах Яицких, обыскав удобные места при озерах или на речках; сии крепости будут в удобность и в торги с Бухариею и с прочими, как с Еркентью и Терафаном; и мочно исподоволь смотреть оттуда силы их и, надеюсь,

что со временем мочно теми государствами и завладеть, ежели к тому прилежание будет, а до тех мест мочно с ними купечествовать; а в тех государствах находятся медь, железо, бумага хлопчатая, овощи всякие, шелк; и велеть в тех местах описать, в какой широте лежат для взыскания всяких минералей, понеже описатели английские писали, что есть в тех местах железо, хрустали и прочих драгих камней, только с нашей стороны о том непробовано; и сия крепость будет для содержания башкирцев, такожде от той крепости сделать путь до Иртыша реки верховья и по тому пути построить крепости малые для пристанищ всяких проезжих людей туды.

Предложение 3. А по построении таких крепостей и учинении таких торгов мочно быть в государстве великой прибыли также, как Англия и Голандия имеет себе оттуды; еще же, ежели такие крепости там построятся, мочно те кочевные народы, как калмыки и мунгалы, приводить по малу под свое владение, понеже они владеются разными владетельными, а не одним, и они такожде между собою всегда воюются и раззоряются.

(Павлов-Сильванский. — Проекты реформ в записках современников Петра В.).

Колонизация Сибири.

(Из пунтов о Кабинет Коллегиуме Алексея Куроботова. [43]).

18. Также посылать для досмотров и таких дел, где заведены рудокопные и мануфактурные, в каковом те дела содержатся состоянии, и чая ли в том распространении и прибыли, и русские ученики тех дел учения внимают ли, и иноземцы мастера ремесл своих учения по своим контрактам открывают ученикам тщательно ли, и вымышленно чего по зависти не таят ли, так где есть заводы железные, селитряные, пороховые, поташные и смальчужные, и конские, и овечьи досматривать, в каком суть состоянии и како в том стараются приставники.

21. Через таковых посыльных вернонадежных людей уведать в сибирских городех, проведывая всякими образы, возможно ли реками Обью и прочими сыскать и учинить

ход в тамошнее море, ради употребления торгов с Хиною и Япониею и ради проведывания томошних государств и всяких народов, подобно как сыскана Камчатка. И ежели ход в море сыщется, если приводные места и в каковом от моря и городов Сибирских расстоянии, где б возможно было строить морские, приличные тамошнему морю, суды, и построив крепость, учинить гавань: и для того послать с ними искусных навигаторов и морских судов одного или двух мастеров и из учеников инженерских.

22. Через них же уведать, а буде мочно, и переписать, сколько при котором сибирском городе разных народов ясачных людей и сколько где платят в казну ясаков и какими зверьми, и где какие звериные ловли и иные промыслы, и от тамошних воевод и от посыльных их нет ли тем ясачным людем в неуказанных в них на себя сборех и других всяких озлоблений; понеже слышится, что многие ясаки от тамошних правителей таятся и сбирают на себя и многое, ради своих корыстей, чинят им озлобление, в чем надлежит тамошним управителям запретить под смертною казнию, и тех ясачных людей царского величества милосердием обнадежить и излишнего платить не велеть.

23. В Нерчинску и в других порубежных с китайцами городех слышно, что край теплый и зело хлебородный, там же, сказывают, и руда серебряная близко: и того ради чрез таких же верных надлежит о привольных тамо местех уведать подлинно, и поселить в пристойных местех из сибирских городов переведенцев тысячи две, три, и городы осадить гварнизонами надежными, и от того надежно быть сему: первое, что при той руде серебряной довольные будут работники и хлеба и скота заведут в довольство; второе, что при тех китайских рубежах народное будет многолюдство и от того во всяких случающихся китайских замыслах жить будут в безопастве, еще же и им самим будет не без страха. Также проведать подлинно, не мочно ли там завесть железных заводов ради тамошнего артилерийских и оружейных и народных всяких железных припасов изготовления; и в воеводы послать туды, выбрав искусно-военного, доброго человека из отставных, и к нему придать искусных офицеров.

(Павлов-Сильвонский. — Проекты реформ в записках современников Петра В.).

Доношение об уравнительном платеже.

(«Из проекта Алексея Нестерова» [43]).

Всемилостивейший Государь!—Вашему величеству доношу, о чем всенижайшем я, раб твой, как с начала фискальства[44]) моего и в сенат предлагал, а ныне, усмотря по должности моей фискальной, на пользу всему государству, и паче дерзнул мнение мое донесть.

А именно, ежели ваше величество, милосердуя о всем народе государства своего, укажешь, паче и ближе дальних дворовых, как прежних, так и нынешних, неправых переписей, взять всех губерней у всех необходимо, от вышних и до нижних чинов, что за всеми где есть, по старым и новым переписным книгам, прежних и вновь прибылых из прежних книг и из новых крепостей дворов и в них мужска и женска полу людей без утайки; а кого самих нет, у жен и детей и кому деревни их приказаны, а не у тех людей, которые у них на приказе и не у старост тех деревень, которые, государь, всегда лгут, а помещики тех деревень живут от того без страха, понеже им принуждения никакого не бывало и нет; о чем и срок положить с подкреплением.

И собрав изо всех губерний оное все в одно место, оных наличных людей всех же губерний, выложа от них особо таможенные и кабацкие и другие оброчные, всегда кроме народа надежные, сборы, токмо остаточной, положенной по табелям, оклад расписать, по чему из того окладу достанется по расположению, во всякой губернии, на всякого человека числом оного платежу; и когда, сверх оного табельного, понадобятся взять в службу и в работу люди и деньги и прочая, что позовется, брать по уравнительному расположению, отчего, по мнению нашему, надеюсь, никто уже укрытись не может, и сборщиком и приказным людем, как преж сего было и ныне есть, не можно запустить и обойтись, либо вымышленною пустотою, или переводными куды и выморочными дворами; также из дву и трех и четырех дворов, отбывая платежа, в один двор людей многих сводить, и дворы и ворота разгораживать и в один пригораживать, и никакого прежнего или нового лукавства никто чинити не могут, точию утвердить в утайке душ с предложением жестокого и неотменного штрафа.

О котором уравнительном платеже, ежели ваше величество укажешь так учинить, все будут, паче же маловотчинные, довольны и платить станут без доимок, со всякою охотою, что один перед другим, как большие, так и меньшие; в излишнем платеже (обиды) и скучения ни от кого в том, как ныне, не будет; но разве не похотят сего одни только многовотчинные, за которыми не только в двоих новых, но и в прежних 186 году (переписных книгах) написано по страсти и во угождение дворов мало, а людей в них много. . . . .

А и 710 г. и 711 г. двои переписчики також писали непровдою, одним по дружбе, иным же изо взятков, другим же, угождая и боясь; на которые их неправды отчасти доношу: в 710 году и в одной вотчине господина графа Мусина утаил и не написал переписчик 430 человек, которых утанных, за некоторым усмотрением, оный граф, опасаясь, под челобитьем своим после той переписи и сам об'явил, а в других и паче того есть, да об'явить без сущего страху оной наличной истины не хотят.

Да и окроме того, следует явно, кому вашею государевою милостию дано из дворцовых волостей по 500 и по 1000 дворов и боле, и у тех наличных весьма есть разве двое а ныне же и втрое, а переписчики все писали только наличными, сличая против переписи 186 г., а прибылых всех скрывали и ни за кем в прибавке не явили, но еще неправдою и из тех пустыми и беглыми претворяли; а иные и из них переписчиков богобоязливые, хотя и не всех, однакож оных лишних отчасти написали.

И оные их новые переписи весьма таковы ж неправые, как наборщики в рекрутах, в чем они, как переписчики, так и наборщики разные, как рекрутные, так и кои подьячих по городам набирали, многую неправду изо взятков чинили и от нас, фискалов в сенате обличены;—да указу на таких нет, разве что будет с розыску, ежели истинно и усердно поступит господин маэор Ушаков, которому и от меня раба твоего, во изобличение, как наборщиков, так и о других делех, кои к нему ж следуют, на вспоможение доношение подано же; а и в нынешней указной переписи хотят выгод творить також дворовых числом или семьями, складывая против 186 г., чтоб всегда, по прежнему, в платежах была

польза полномочным, а тягость меньшим и немного вотчинным.

Истинну, государь, вашему величеству доношу, видное неуравнение и понаровка есть, можно было и недопустя о таком переписном деле сделать сказками о душах, и все о том ведают, да делать полномочные и себе в тягость, против меньших вотчинников, по уравнении учинить не хотят, и потому рассудить, что в иных губерниях ныне явно во дворех мужеска и женска полу есть по 20 и по 30 и больше, а в других губерниях во дворех только по 10 и по 6, и против 30-ти оным малым, како можно всякие ваши государевы подати управлять; ей, государь, нарядно небоязливые, как разные дворы сносят в один, так и людей многих сводят в один двор, и тех при других разных платежей отбывают, а богобоязливые и страшливые указов вашего величества остаются с малыми душами во дворех, и тянут и платят то же, что многосемейные.

И еще вашему величеству мнение мое предлагаю, что по такому уравнительному определению государственная ж польза и явится, а именно, ото многих обпжчиков, которые, преступая в. в-ва указы, не отдав во указные числа, и по се число держат у себя чужих беглых; и сами, за оным уравнительным необходным платежей, иные беглые пойдут по прежнему к прежним своим вотчинникам, от кого бежали, что они беглецы уже по прежнему, у тех в гульбе и в закрытии платежа быть не будут и лучше похотят в том равном и необходимом платеже жить у прежнего, нежели в защите, прежде бывшей у нового, как таковым у них неправых обидчиков только для своей одной пользы было и ныне есть. А иные обидчики сами придут в познание, не похотя по указу себе дождаться какого гнева и разорения, станут чужих оным, чьи они отдавать, чтоб им излишнего с чужими напрасно не платить и крайнего себе убытка не допустить.

А подлинно о прежде и вновь усмотренных интересных и других разных делех в.в-ву буду доносить, прибыв в Санкт-Петербург.

Вашего величества нижайший раб Алексей Нестеров. Москва. Ноября 30 дня 1714 года.

(Павлов-Сильванский. — Проекты реформ в записках современников Петра В.).

Доношение Ивана Филиппова[45]).

Царскому пресветлому величеству вкратце доношу.

Переписчики в уездах описывают крестьянские дворы не равно: у одних пишут во двор крестьянский человек по 20 и боле, а в дворцовых и в патриарших и у других пишут во двор крестьянский человек по 10 и мене и числят в переписку дворы, а не людей. И то, видимо, неравная переписка чинится не безо взятков, и оттого происходит народу конечное разорение; потому что уже втретьи переписывают, и одни от неразумия своего за неправую, лукавую, многолюдную во двор переписку передавали многие деньги, а другие, по написанию малолюдной во двор переписки, перед вышеописанными многолюдными отягчены и разбродятся врозь. Понеже и десять дворов малолюдных одного людного не стоят, потому что многолюдством с одного двора подати платить и всякие поборы отправлять будет легко, а малолюдством за 10 дворов подати платить и всякие поборы отправлять против многолюдных будет весьма несносно, и придут в великую недоимку. И от правежа доимок и от разных камендацких и приказных людей налог изо многих сел и деревень крестьянство разбрелись врозь, и те села и деревни опустели и пришли в сущее разорение и умножилось разбоев и татьбы. И ежели вышеописанное будет неисправлено, а война продолжится, то опасно, чтоб от такой пустоты и оставшие в конец не разорились, понеже всякие поборы за пустоту разложатся на живых, и оттого будет не без великого разорения, а и ныне оставшимся не без тягости.

А в государстве вашего величества о вышеписанном превеликом интересе добрый радетель из вышних никто не явится; а такая вышеписанная злая и беспорядочная причина весьма может престати потому, ежели от вашего царского величества повелено будет дворами не писать, а написать крестьянство в крестьянские дворы, с числением мужеска и женска пола людей, по сколько семей во двор, кроме малолетних и старых; да к тому за собственною твоего величества рукою предложить указ, чтобы, от вышних и до нижних чинов людей, никто чужих беглых крестьян и всяких людей

у себя в вотчинах и в домах своих, ни на что не надеясь, не держали.

А ежели, за таким указом, у кого чужие беглые люди или крестьяне в вотчинах и в домех их явятся, и за то на том ослушнике с сего времени править за всякого человека по 50 рублев на год, безо всякого милосердия, не убояся и не устыдяся никакого сильного лица; и отдавать те деньги за дворцовых и за патриарших в приказы, в зачет в подати, тем властям, из которых властей беглые люди явятся, и тех беглых людей, учиня им наказание, отдавать по прежнему в те же власти; и о монастырских и о помещиковых чинить тож. А буде кто без поимки доноситель о каких беглых людях на кого донесет, брать по вышеописанному за всякого человека по 50 рублев; да доносителю, с того ж виновного доправя, отдать по 10 рублев за человека.

А в Санкт-Петербурге и на Москве и в городах, в слободах, и в селах, и в деревнях учинить у 9 дворов в 10-м дворе десятского, а у десяти десятских—сотского, и велеть десятскому всякому в своих определенных десяти дворах смотреть накрепко всегда, чтоб пришлых никаких людей в десяти его дворах, без его ведома, жить ни на неделю отнюдь не пускали, и сами бы того десятка люди некуды, без его ведома и без отпускных писем, в дальной путь, а именно, дале 100 верст, и на 4 дня, а по нужде на неделю, не ездили, и никаких бы вещей, не об'явя ему, десятскому, в домы свои не ввозили. А буде кому случится от'ехать на 100 верст и мене на 4 дни, или по нужде, на неделю, не об'явясь десятскому, не ездить. И пьянства и всякого воровства и винного сиденья весьма тем десятским в десяти дворах своих смотреть накрепко, чтоб отнюдь не было.

А над теми десятскими всего того смотреть сотским; да теми же десятскими смотреть в проезде и в проходе во всяких непорядочных, без пропусков людей и иметь приводить к сотским, а где близко нет сотских, в села к прикащикам или священником; а сотским чинить, по рассмотрению своему, овых, усмотря по состоянию или по какому признанию, что добрые люди, отпускать; а буде явятся причиною какою непорядочны, отводить в города, или села большие к прикащикам. А буде из которого десятка явятся люди в побег в ночь, и на утро того дня всем десятком по

разным дорогам гонять за теми людьми в погоню, и имая отводить к розыску в город, кто и куда их подговаривал. Буде в которых местах и промеж которых сел и деревень явятся разбои и татьбы и учинят кому грабеж, и тех окольных сел и деревень весьма тех воров сыскать, для того что между незнаемых сел и деревень постороннему и незнаемому воровать невозможно. А буде окольных сел и деревень крестьяне воров не сыщут, те пограбленные животы править на тех вышеписанных крестьянах.

А ежели кто их крестьянства востребует итти куда на работу или на какие ремесла своего художества, для прокормления и прибытка, на оплату податей, повинен взять за прикащиковою или за поповою рукою отпуск и явить в городе к печати. А в городах учинить для самой перечневой записки книгу за камендацкою рукою и печать именем того града, и те прикащичьи отпуски записывать в ту вышеписанную книгу самым перечнем и печатать вышеписанною печатью по сургучу; а у записки и у печати за работу, и за сургуч, и за книгу с тех отпусков имать по 2 деньги с отпуску; и на сургуче чтоб писмо печати все явно было; и отправлять ни мало не волоча, не толикодня, ни единого часа, хотя кто ночью придет, чтоб отправа была без волокиты. И на вышеписанное на все положено будет решение с прещением и с подобающими казньми и штрафы каждому по состоянию, и от того никому обиды и тягости излишней не будет, а будет всем равность, по святому апостолу друг другу тяготу понесет, и в сборе податей и иных всяких поборов будет великое поспорительство, и против прешедщего времени весьма возможен престати великий побег крестьянский и солдатский, и разбой, и татьбы, и великих доимок пропадать не будет.

Токмо приношу, весьма на Москве и в городах камендатами, а в дворцовых волостях прикащиками у солдатских и лошадиных наборов, и у денежных сборов, и у всяких интересных дел фамильным и шляхетству [46]), по их гордым и сребролюбным обыкностям, быть ненадобно; потому что фамильные люди до вашего царского пресветлого величества ближние, и родственники и свойственники их в великом вашего пресветлого величества полководстве и за то доброе свое служение в вашей милости. И ежели их срод-

ник или свойственник будет у каких государственных интересов, то, весьма надеяся на сильную заступу и охрану, в волю свою требует приобретати великое богатство и многие забавы. А шляхетство, предслужа ему, також требует от службы отбыть и у дел обоготиться, отчего народ в конец разоряется и никто за великое фамильство его из нижних чинов, хотя кто по христианской своей душе и радетельной вашему пресветлому в-ву человек, донести не может. Потому убогу мужу трудно доводить на вельможу, понеже он убог и не знатен и предстателя о себе до в. ц. пресветлого в-ва от сильных не имеет, и во время благополучно напамятовать об нем в. в-ву некому, токмо чинят ему великую тесноту и мучение и не в пространный час паки нанесут зло напрасное. А фамильной, хотя и конечно, по неправдам своим, зело виноват, почему мочно и вором назвать, то ему пребывающие в твоей милости и в делах при твоем величестве, овые их подарка, овые впредь чая, овые заимно, овые платя прежнее, овые, других ради прощения, помогают всяко, о вине его не износят, и разные рассуждения предлагают, и неистинну во истинну поставляют, и в. в-ву приносят, и всяко его вину уничтожают и умалчивают. А шляхетство фамильным рабские служат и волю их всяко исполняют, и тою службою для обогащения получают камендантства и у других ваших царских интересов командирство, и, обнадеяся на великосильную заступу, премногие в. ц. в-ва интересы похищают и разоряют, и оттого великое себе богатство получают; а доносить на таких злодеев невозможно, понеже отправлен он к делам от фамильного и доношение подавать ему ж,—то в том, как может быть правое решение?

Простодушно размышляю, воистинну добро и вашему пречестному царскому имени от окрестных государств славно и честно фамильным и штяхетству всем превосходити в честь и славу разными науки и службою в воинстве, и всем, вышним и ближним, которые при вашем величестве обретаются, и людем их буде торговать не повелено будет, и оттого в государстве в. в-ва будет великий и честный и многоприбыльный интерес; понеже вышеписанные люди, которою мыслию по совести своей принуждены были править купечество и получати себе оттого чрезмерное богатство, а не честь, тою мыслию и совестию будут больше мла-

дые управжнятся в науки и в. в-ву во услугу воинства и оттого в. в-ва казне напрасной траты, а народу обиды не будут. И до камендантства и до командирства к вашим ц. в-ва сборным интересам не допускать, дабы сребролакомством не блазнились, а добывали бы себе честь наукою и службою своею и ежели то учинено будет, то всякий фамильной, а паки шляхетство никто откупатися и отбегати от воинства и от наук не будут, для того что иными вышеписанными прежними порядки в честь и в богатство втти будет нечем. Оттого и паки в. ц. пресветлое в-во может быть в великой и удивительной славе, и государство от неприятелей во охранении добром.

А в городех, ежели выбрать из приказных людей умных в больших городех по уезду по человеку, да к посаду по другому, а в малых по уезду и к посаду по одному человеку и к ним подьячих, к 500 дворам подьячего, и учинить им оклады, смотря по уезду и по посаду и по отправлению дел, а на те оклады взять деньги с уездов, с двора, а с купечества с десятой деньги, с рубля по гривне, то с радостью и с благодарением народ заплатит, понеже за тое гривну может им заплатитися десятирично и боле. А вышеписанным новым камендатам и дворцовым прикащикам и других интересных дел командирам надлежит предложить указ и в наказах им написать: вотчин, и поместий и торгов, и лавок и никаких промыслов, и взятков, и в почесть приносов отнюдь не иметь, и ни для какого неправого прошения и никаким лукавым переводом неправдне делать, а довольствоваться окладом. Да который камендат, или дворцовый прикащик, или иной кто командир смыслом или трудом своим учинит какую добрую прибыль или другую какую выслугу, и о том приносить доношения, и за добрые дела надлежит быть пожалован в приказе денежным жалованьем по рассмотрению вышних, кто возымел начальный над ними суд.

Ежели который камендат, или дворцовый сел прикащик, или у иного какого интересного дела командир, забыв страх божий и в. ц. в-ва указ, и данный ему наказ призрев, станет у себя иметь вотчины и поместья, или торги и лавки и какие промыслы, или взятки и в почесть станет принимать приносы, или для какого неправого дружня, или

родственникова, или свойственникова прошения, по каким лукавым переводам, кроме простоты недоумения, учинит какую неправду, или возьмет взятки, и такой злодей и преслушник вашего царского указа повинен за имение вотчин, и поместий, и торгов, и лавок, и за промыслы, и за приносы в почесть, быть бит кнутом до 100 ударов; а то вышеписанное, в чем приличится взять на в. в-ва, в раздачу на оклады, таковым же верным и добрым служителям и тому доносителю, кто донесет, да еже той доноситель достойного ума, надлежит ему того виновного двор и команду вручить. Для дружия, или родственникова или свойственникова прошения учинит какую неправду, или с кого возьмет взятки, безо всякого милосердия казнить смертью, повеся за ребра, и висев сутки застрелить. А ежели за таким великим страхом от вышеписанных злых смертельных вещей удержатся и станут отправлять всякую отправу единою правдою, то и немудрый человек отправит за мудрых неправых, за три человека; а ежели довольного ума кто, отправит за 10 человек. А буде кто ленностью своею или пьянством или великими роскошами учнет в делах в. в-ва не радети, и таких по доношению от дел оставливать, взяв с них штраф не малый или сколько он забрал окладных жалованных денег.

А доносителя за доношения их, по их достоинству, конечно, надобно награждение и взыскание; токмо весьма надобно верный и милостиво приятный человек к доносителям, дабы царского твоего пресветлого величества пречестной и многомысленной главе напрасной трутизны и намеренной твоей доброй о охранении сего государства мысли помешательства не было. Прежде всякий доноситель повинен вышеписанному избранному иповеренному донести; буде он указу не учинит, или твоему величеству не донесет, потому доноситель на него повинен пресветлому в. в-ву донести. И оттого может воз'иметь пречестная твоя многомысленная и безпокойная глава покой и паки доброе с противными отправление, и паки весьма прославится пречестное имя твое в твоем и в окрестных государствах, как ныне в воинстве, так и в суде и в интересах вашего величества. И принимать надо всякого доносителя тайно и по доношению его освидетельствовать, не оказав его, и дело будет сыскано прямо, а ежели доноситель и доношение его об'яв-

лены будут, и то виноватый всяко способу себе будет искать и воровство свое будет скрывать. И буде у доносителя хотя и не все истинна, кары и обругания ему чинить не надлежит, а надлежит его учинить способна, понеже он придет требуя видеть правду, а народу оборону; а до сущего знания его в приказном порядке никогда знать не допустят токмо он видит, что которое дело отправляется порядочно, о том и доносит.

А которые приказные люди будут градом и уездными знатными людьми выбраны, а за ними до указу есть вотчины, и поместья, и лавки, и торги, и иные промыслы, и то все велеть им продать, или детям или в род отдать для того, чтоб он, кроме в. в-ва дел, о иных попечения не имел. А выбирать приказных людей в камендаты умных и не пьяниц, хотя и невеликого пожитка. А от фамильных и от шляхетства до сего времени быв в камендатах и в другом командирстве, как в. ц. в-ва без милосердия разоряли, о чем ваше пресветлое величество сам известен.

И еже соблаговолишь, требую от ведения своего особливо от других, твоему в-ву донести, что весьма явно будет в пропаже твоего в-ва интересов до 500.000 рублев и боле, а впредь то всеконечно возможно искоренить, и из того великую прибыль учинить, например, против прежнего, тысяч по сту и боле на год, и из пропалого возможно многое возвратить.

(Павлов-Сильванский.—Проекты реформ в записках современников Петра В.).

О крестьянстве.

Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо от своея их лености, а потом от нерассмотрения правителей, и от помещичья насилия и от небрежения их.

Аще бы царского величества поборы были расположены по владению земли их, колико кой крестьянин на себя пашет, и поборы собирали бы с них в удобное время, а помещики их излишнего ничего с них не имали, и работы бы излишние не накладывали, но токмо и подать свою и работу налагали по владению земли их, и смотрели бы

за крестьянами своими, чтоб они кроме недельных и праздничных дней не гуляли, но всегда б были в работе, то никогда крестьянин весьма не оскудеет. А буде кой крестьянин станет лежебочить, то бы таковых жестоко наказывали, понеже кой крестьянин изгуляется, в том уже пути не будет, но токмо уклонится в разбой и во иные воровства.

Крестьянину надлежит летом землю управлять неоплошно, а зимою в лесу работати что надлежит про домашний обиход или на люди, от чего бы какой себе прибыток учинить.

А буде при дворе своем никакой работы пожиточной нет, то шел бы в такие места, где из найму люди работают, дабы даром времени своего не теряли. И тако творя, никакой крестьянин не оскудеет.

И к таковому крестьянского жития охранению надлежит приложить и сие, еже бы и дворы их перестроити, дабы им свободнее и покойнее было жить; понеже от тесноты крестьянство вельми разоряется; потому в тесноте аще у кого одного загорится двор, то вся деревня выгорит, и иногда и одного двора не останется. И так погорают, что у иного ни хлеба, ни скота не останется. И от того во всеконечную скудость приходят. Аще бы селитьбою их не теснили, то бы гибели им такой не было.

И от такого их разорения надлежит им учинить охранение: дворы их велеть строить пространнее, и не сплошь двор подле двора, но с переступкою, гнездами, и улицы сделать широкие на пространных местах сажен по тридцати шириною, а и где и тесно место, то и тут бы меньше двадцати сажен улиц не делать: того ради, аще у кого загорится, то все бы соседи бежали отнимать; егда меж дворов будут промежки свободные, то со всех сторон отнимать будет свободно, и тем двум дворам вовсе сгореть не дадут; потому что соседы по прежнему не кинутся за убором домов своих, но все будут отнимать у того, у кого загорелось. И в нынешнем селении никоими делы во время запаления соседам помощи подать не можно; понеже все мечутся за своими уборы; обаче не вся убратися могут, но у всех не без погибели бывает. И тако вси погибают, и от того в самую нищету приходят.

И аще великий наш государь, сожалея о крестьянстве, повелит дворы крестьянские в селех и в деревнях построити гнездами, то надлежит всем помещикам указ сказать, чтобы они как мочно, хотя не вдруг, но помаленьку, а все бы дворы перестроили, по два двора вместе, да два промежка меж дворами порозжие.

И аще тако построено будет, то отнимать во время пожара со всей стороны свободно будет и ни какому двору вовсе сгорети не дадут.

А егда отправлены будут валовые писцы или межевщики, и тогда одним разом все дворы перестроить, и землю им разверстать надлежит крестьянину на целый двор, и колико на пол-двора и на четверть двора, и по той земле расположить им подати, надлежащие в казну царского величества, и прочие поборы по расположению, дабы всякому крестьянину сносно было, и обиды бы убогому перед богатым не было, но всем бы уравнение было определенное по владению их.

Паки крестьянству чинится великое разорение от разбойников; ибо аще в коей деревне десятка два-три или и гораздо больше, а разбойников аще и не великое число придет к кому на двор, и станут его мучить, и огнем жечи, и пожитки его явно на возы класть, а соседы все слышат и видят, а из дворов своих не выдут, и соседа своего от разбойников не выручают. И такого ради порядка разбойники по своей воле чинят, и многих крестьян и до смерти замучивают: и того ради не можно никакому крестьянину богатому быть.

И ради охранения от таковового их разорения надлежит во всех селах и деревнях указ сказать крепкой, что если к кому приедут разбойники, а соседы того села или деревни на выручку соседа своего и на поимку разбойников не пойдут, то всех тех соседей бить кнутом; а что пограбят разбойники за их невыручкою, то править на них соседях сугубо.

А буде разбойников приедет много, и им своею деревнею не удержать их, то тем соседам добежать в окольные деревни и повестить, чтобы все шли поголовно мужики сраслые с ружьем, и с крючьем, и с дубьем на поимку тех разбойников. А буде из коей деревни не пойдут, то и тех

бить кнутом, и пограбленный пожиток в платеже той деревни, в коей разбой был, помогать.

А буде за их невыручкою до смерти кого замучат, то за голову пятьдесят рублев, или и больше, колико уложено будет, доправить на всех тех, кои на выручку не пошли.

Аще бы крестьяне жили все в одну душу, друг друга берегли б, и друг за друга стояли б, то бы разбойникам и помыслить на них никак было, еже бы их, нагло приехав, разбивать и огнем жечь. И аще бы и между собою крестьяне жили союзно, и друг другу обид не чинили, то бы все крестьяне были сыты, и было житие их святое.

Паки немалая пакость крестьянам чинится и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в коей деревне дворов двадцать и тридцать, а грамотного человека ни единого у них нет, и какой к ним не приедет с каким указом, или и без указу, да скажет, что указ у него есть, то тому и верят, и от того приемлют себе излишние убытки; потому что все они слепые, ничего не видят, не разумеют. И того ради многие и без указу приехав пакости им чинят великие, а они оспорить не могут; а и в поборех много с них излишних денег емлют, и от того даровой приемлют себе убыток.

И ради охранения от таковых напрасных убытков, видится, не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои десяти лет и ниже, отдавали дьячкам в наученье грамоты, и, науча грамоте, учили бы их писать. Я чаю, не худо бы было так учинить, чтобы не было и в малой деревне без грамотного человека, и положить им крепкое определение, чтобы безотложно детей своих отдавали учить грамоте, и положить им срок годы на три или на четыре.

А буде в четыре года детей своих не научат, такожде кои робята и впредь подрастут, а учить их не будут, то какое ни есть положить на них и страхование.

А егда грамоте и писать научатся, то они удобнее будут не токмо помещиков своих дела править, но и государевым делам угодны будут, наипаче в сотские и пятидесятские вельми будут пригодны, и никто уже их не изобидит, и ничего с них напрасно не возьмет.

А чаю, не худо указ послать и в низовые городы, чтобы и у Мордвы детей брать и грамоте учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самим им слюбится; потому что к ним паче русских деревень, приезжая солдаты и приставы и под'ячии, овогда с указом, овогда ж и без указа, и чинят, что хотят; потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради, всякой их изобижает, и чего никогда в указе не бывало, того на них спрашивают, и правежем правят.

А егда дети их научатся грамоте, то грамотные будут у них владетельми, и по прежнему в обиду их уже не дадут, и будут свою братью от всяких напрасных нападок оберегать.

А иные, выучась грамоте, познают святую христианскую веру, возжелают и креститися, то тии грамотники мало по малу иных свою братью к христианской вере приводить будут.

И кой Мордва иль Чуваш или Черемиса крестится, то тех уже воеводам и всяким правителям и приказным людям надлежит почитать, и всячески их утешать, и беречь их паче некрещеных, и во всем от некрещеных чинить им милостивую отмену, чтобы некрещенные крещенным завидовали.

Да крестьянам же и Мордве указ великого государя сказать, чтобы между собою жили любовно, друг друга ничем не обидели, и лесу бы, кой родится в строение, на дрова отнюдь бы не рубили.

А и при степных местах молодого леса на дрова и в своих лесах отнюдь бы не рубили, а рубили то деревье, кое уросло, а в строение хоромное непригодное, и кои деревье повалилось, то бы обирали, а молодой лес, когда подростет и будет толстиною в заборину, то тогда бы рубили на всякие домовые потребы.

А где в степных местах засядет лес молодой, то осенью вышед, тамошние жители травы сажень на пять-шесть вкруг того леса по вся б годы окашивали, чтоб вешнею порою степной пожар к нему не дошел и не выжег бы.

Видел я по степям много таких поростников, иные в человека вышиною, а иные в сажени и в две были, да

все погорели и пропали. Аще б не пожар, то при степных местех леса б великие были.

Паки был я на Черни и во Мценске, и видел там, что рубят на дрова самый молодой лес, толстиною в гороховую тычину, и в один воз срубят дерев сто и больше; а в том же лесу видел и валежнику лежит и стоячие деревье есть такое, что из одного дерева будет возов 10 и больше. И пока старой лес было б подбирать, а тот бы молодежник подрос, и им же всем пригодился.

А кая степь гораздо гола, и леса удалели, то тамошние жители всякой бы к своей деревни занял десятин десяток другой, и вспахав бы, осень наметал бы семен лесного, березового, и липового, и кленового, и осинового, и дубового, и вязового, и орехов спелых сырых четверик — другой тут же разметать. И как тот сеяный лес взойдет, то от пожару бы берегли, и первый год надобно его и пополоть, чтобы степная трава не заглушила его, и сеянные орехи лет в шесть или в семь с плодом придут, и в десять лет орехами обогатеют на добрых землях вельми они плодовиты будут.

И тако бы всяк у своей деревни так устроил, то бы и лесом и орехами все довольны были; хотя сперва и скучно покажется завести, а после самим слюбится.

И о орехах не худо бы учинить и заповедь, чтобы никто прежде Семенова дни их не щипал, но дали бы им созреть, чтобы ядра наполнились; и аще где на угревине, и прежде Семена дня наполнятся ядром, обаче прежде Семенова дни никто б не дерзал их щипать, но и щипали бы последи Семенова дни в то время, егда они будут сыпаться, и щипали бы согласясь и с совету своего сотского, чтобы как семейным, так и бессемейным безобидно было.

И таковых спелых орехов один четверик лучше четверти недоспелых. Ныне многие щиплют их взахват зеленые, а соспеть отнюдь не дадут, и тем они прочих своих соседей оголожают, а себе хлеба от них не наживают; потому, что было взять спелых орехов за четверик, а он и за четверть едва то возьмет, и тем царского величества интересу чинят урон: понеже спелых четверик гривны по четыре и выше продают, а зеленых и за четверть того не дают.

И где было за спелые орехи пошлины взять рубль, а с зеленых и гривны не приидет; а кто и скупит, не обрящет в них пользы, потому что ни в них еды, ни в них масла. Только купя, ореховники мешают их с добрыми и людей обманывают; закрасят с лица спелыми, и в том себе грех приемлют.

В спелых же орехах есть и царственная прибыльца; понеже идут они во иные земли, в Персиду да в Шведы и во иные места, а неспелые не за что гинут.

Того ради вельми надлежит от раннего щипания орехи блюсти, да никто нигде прежде Семена дни щипать их не дерзал, а и после Семена дни без воли сотской и без общего совету отнюдь бы не начинали их щипать. А буде кто учинится тому изложению противен, и прежде Семена дни нащиплет хотя малое число, то взять штрафу 5 рублев, да его же высечь батогами.

А буде кто привезет орехов на продажу сырых или сухих, а щипаны будут недоспелые и ядром орехи будут не полные, то взять те орехи на государя; а кто их привез, взять штрафу за всякой четверик по рублю, или как о том уложено будет.

А буде гораздо зелены, что и в половину ядра нет, то взять на нем штраф сугубый, а орехи высыпать летом в грязь, а зимнею порою в прорубь.

А буде кто поймает кого прежде Семена дни в лесу или на дороге или в деревне со свежими щипаными орехи, то те орехи отдать тому, кто поймал, а кто пойман, на том доправить штрафу за всякой четверик по рублю; а буде меньше четверика, то по количеству орехов, да его ж высечь батогами, дабы впред так не делали.

А буде прикащик или староста или сотской понаровит тому, кто пойман, и штрафу с него не возьмет или и возьмет, а наказания по указу не учинит, или того поимщика станет чем теснить, хотя и после того времени, то на том прикащике или старосте или на сотском взято будет за нарушение его императорского величества указу штраф определенной по новому изложению, и наказание чинить великое, каково и прочим нарушителем учинено будет.

Подобне и рыбной ловле надлежит учинить, чтоб крестьяна от неразумения своего царскому интересу тщеты не

чинили; ибо в коих озерах и реках снятового рода нет, то в тех водах отнюдь мелкие рыбы не годствует ловить. А крестьяне, не разумея снятового рода, вместо снятков ловят молодую рыбу—щученок, язиков и плотичек, а наипаче ловят недорослых окуньков, и не токмо дать ей год места перегодовать, но и самые зародышки рыбные ловят, еже меньше овясянового зерна, и тем ловом в реках и озерах рыбу переводят.

Будучи я на Устрике, зачерпнул на ложку тех рыбеночков и счел, их было числом 88, а если бы зачерпнул погуще, то бы ста два-три зачерпнул.

Аще бы та маленькая рыба перегодовала, то из одной той ложки было бы 20 варь. Что ж бы от тех двухлетних рыбок в два годы приплоду было? И тех рыбных зародышков наловя и высуша, за четверик возьмет гривны две; а еслибы выросла, в два года было бы возов 10 или и больше из того четверика, и вместо двух гривен взял бы 20 или и больше, а пошлины бы с нее сошло больше рубля. И в таковом несмыслии крестьянском не токмо царской интерес пропадает, но и у ловцов тех прямая покормка пропадает.

И ныне многие жалуются на рыбу, глаголя: плох де лов стал быть рыбе; а от чего плох стал, того невыразумеют; ни от чего иного плох стал быть лов токмо от того, что молодую рыбу выловят, то не с чего и большой быть.

Если и в скоте телят приесть молодых, то ни быков, ни коров не будет; такожде и у курицы, аще цыплят всех поесть года два-три, то и куры все переведутся. И рыба ни чем же от того разнствует; всегда большая рыба выростает из малые. И аще и малую выловить, то большой не откуда взяться будет. И по моему мнению, где и снятовой род есть, то и там надлежит запретить, чтобы самых мелких рыбных и снятовых зародышев не ловили, а ловили бы перегодные, чтобы от той несмысленной ловли великого государя интересу не пропадать напрасно, а и ловцы бы беспутною ловлею ни себя, ни людей не голодили.

И аще его императорскому величеству порадеть и запретить накрепко со штрафом и с наказанием, чтобы отнюдь никто, кроме самородных снятков недорослой рыбы не ловили, то вельми рыбы во озерах и в реках умножится. И мнится мне, надлежит запретить сице: буде кто мелких

щученков или лещиков, или плотичек и окуньков недорослых, кроме самородных снятков, привез на торг аще сырых или сушеных, то ту рыбу взять на государя и отдать солдатам или нищим по богадельнам; а кто привез, на том взять штраф за каждой четверик, по чему уложено будет; то одним годом сия статья утвердится, и никто недорослой рыбы ловить не будет. Обаче надлежит прежде во все городы послать указы, чтобы отнюдь недорослой рыбы не ловили и неводов частых, кроме снятовых, не делали; а на другое лето всех штрафовать за презрение того указа. А буде кто наловит недорослой рыбы про себя аще и малое число, и аще кто с тою рыбою поймает и приведет к суду, то доправить на нем, кто ее ловил, штраф, надлежащий по изложению; из того штрафа, четвертую долю выняв, отдать тому, кто его привел к суду, а рыбу ему ж отдать: и за таким штрафом и про себя ловить не будут.

И в таковом установлении годы в три или в четыре так рыбы умножится, что весь народ рыбою насытится. И аще тот устав и впредь не нарушится, то во веки веков не оскудеет.

И аще она при нынешней цене вдвое или втрое дешевле будет, обаче в пошлинном сборе будет десятерицею больше; потому что в продаже рыбы будет великое множество.

А и сие не весьма право зрится, еже помещики на крестьян своих налагают бремена, неудобь носимая; ибо есть такие бесчеловечные дворяне, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать.

И тако пахатную и сенокосную пору всю и потеряют у них; или что наложено на их крестьян оброку или столовых запасов, и то положенное забрав, и еще требуют с них излишнего побору, и тем излишеством крестьянство в нищету пригоняют; и который крестьянин станет мало мало посытее быть, то на него и подати прибавят. И за таким их порядком крестьянин никогда у такого помещика обогатитися не может, и многие дворяне говорят: крестьянину де не давай обрости, но стриги его, яко овцу, до гола. И тако творя, царство пустошат; понеже так их обирают, что у иного и козы не оставляют. От таковые нужды домы свои остав-

ляют и бегут иные в Понизовые места, иные ж и во Украинные, а иные и в зарубежные; тако чужие страны населяют, а свою пусту оставляют. А чтобы до того помещикам дела, что крестьяне богаты, лишь бы он пашни не запустил; хобы у него и не одна тысяча рублев была, только бы не воровал, и без‘явочно не торговал; что крестьяне богаты, тобы и честь помещику. Крестьяном помещики невековые владельцы; того ради они не весьма их и берут, а прямый их владетель всероссийский самодержец, а они владеют временно.

И того ради не надлежит их помещикам разорять, но надлежит их царским указом хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство—богатство царственное.

И того ради мнится мне: лучше и помещикам учинить расположение указное, по чему им с крестьян оброку и иного чего имать, и по колику дней в неделю на помещика своего работать и иного какого сделья делать, чтобы им сносно было государеву подать и помещику заплатить и себя прокормить без нужды. Того судьям вельми надлежит смотрить, чтобы помещики на крестьян излишнего сверх указу ничего не накладывали, и в нищету бы их не приводили.

И о сем яко высоким господам, так и мелким дворяном надлежит между собой посоветывать о всяких крестьянских поборех помещичьих и о сделье, как бы их обложить с общего совета и с докладу его императорского величества, чтобы крестьянству было не тягостно, и расположить именно по чему с целого двора и по чему с полу-двора или с четверти или с осьмые доли двора имать денег и столовых запасов, и поколику с целого и не с целого двора пашни на помещика своего вспахать и хлебом засеять и сжав обмолотить; такожде и подводы расположить по расположению дворовому, чтобы всем по владению земли было никому ни перед кем не обидно, и чтобы государевы поборы сносно им было платить сполна без доимки. И како о сем с общего совета изложится и указом его императорского величества утвердится, и тако аще нерушимо будет стоять, то крестьянство все будут сыти, а иные из них обогатятся.

Я, истинно, о сем много размышлял, како бы право крестьянские поборы с них собирать, чтобы его император-

скому величеству было прибыльно, а им бы было не тягостно, и сего здравее не обретох: что прежде расположить крестьянские дворы по владению земли им данные, чем кои владеют, и колико он на той своей земле хлеба высеет про себя.

Я не вем, чего господа дворяне смотрят: крестьянами владеют, а что то именовать крестьянина не знают, и почему числить двор крестьянской ничего того не разумеют, но токмо ворота да городьбу числят; а иные дым избной считают. И яко дым на воздухе исчезает, тако и исчисление их ни во чтожность обращается. А и во счислении душевном нечаю ж я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены неимущая: надлежит ценить вещи грунтованные. В душевном следовании труда много под'ято, а казны, чаю, тысяч десятка два-три истощилось на него, обаче чаю я, что она вся туне пропала, и труд весь ни во что; ибо побор сей несостоятелен, а в чесом надлежит прямо неподвижной прибыли искать, и о том во главе 9-ой [47]) речется.

А о крестьянех, мнится мне, лучше так учинить: егда кой крестьянин повыток свой сполна помещику своему заплатит, то уже бы никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него, и ни чем бы таковых не теснил, токмо смотрит за ним, чтобы он даром не гулял, но какую мочно к прокормлению своему работу бы работал. И от такового порядка, кои разумные, крестьяне могут себе и хорошие пожитки нажить.

А буде кой крестьянин хлеба напахав да станет гулять и впред ничего не станет запасать, и таковых, не токмо помещикам иль прикащикам, но и сотским надлежит за ними смотрить и жестоко наказывать, чтобы от лености своей в скудость не приходили, и в воровство бы, ни в пьянство не уклонялись. Крестьяном и радетельным разорение чинится не малое и от того, что дворового расположения прямого у них нет: кои сильные помещики, те пишут дворов по пяти и по шести и по десяти в один двор, то тем легко и жить; а кои средние могуты, те дворы по два и по три вместе сваливают, а одними воротами ходят, а прочие ворота забором забирают, то и тем крестьяном не весьма тягостно; а кои бедные и беспомощные помещики, то у тех крестьян

все дворы целыми дворами писаны. И от таковаго порядка тыи крестьяне от несносных поборов во всеконечную нищету приходят; а богатые и сильные бояре своих токмо крестьян оберегают от поборов, а о прочих не пекутся.

И ради основания правды надлежит первее уставить в крестьянстве, что то именовать двор и что полдвора или четверть или осьмая доля двора.

Я сему вельми удивляюсь, что в Российском царстве премногое множество помещиков богатых и судейством владеющих, а того нем могут сделать, чтобы собравшись посоветовать и уложить, что тот крестьянской двор именовать или полдвора или четверть двора, и почему бы разуметь целой двор или без четверти или с четвертью двор?

В Москве в посадских слободах аще и мужики живут, обаче у них разумно учинено: кто на целом дворе живет, тот с целого двора и платит, а кто на полудворе или на четверти, то с того и тягло платить.

А у крестьян писцы и переписчики ворота числят двором, хотя одна изба на дворе, хотя и с пять-шесть или и с десять, а пишут двором же. И то стало быть не разум, но самое безумство и всесовершенная неправда, и убогим и маломочным обида и разорение.

По здравому рассуждению надлежит крестьянскому двору положить рассмотрение не по воротам, не по дымам избным, но по владению земли и по засеву хлеба на том его владении.

По моему мнению, аще у коего крестьянина целой двор, то надобно ему земли дать мерою толикою, чтобы ему мочно было на всякой год высеять ржи четыре четверти, а ярового осьм четвертей, а сена накосить ему про себя двадцать копен.

А буде коему крестьянину отведено земли, что и четверти ржи на ней не высеет, то того двора не надлежит написать, но разве шестою долею двора; и тако всякому крестьянину числить дворы по количеству земли надлежит.

А буде ж кой крестьянин могутен, а земли ему от помещика отведено малое число, и он мочью своею наймет земли у иного помещика, а на той наемной земле высеет хотя четвертей десять, или больше, и тоя земли к дворовому числу не причитать, и государевой подати никакой

с той наемной земли не платить; потому что с тоя наемные земли будет платить помещик, который тою землею владеет, тако ж помещику своему ничего ж с тоя пашни не платить же, а платить тому помещику по договору деньгами или снопами, у коего ту землю нанял.

А буде кой помещик, видя коего крестьянина семьяниста и лошадиста, даст ему земли со удовольством что высевать, а он будет четвертей по десяти на лето ржи, а ярового по двадцати, а сенокосу отведет ему на пятьдесят копен, то с такого крестьянина мочно брать как его императорского величества, так и помещику с полутретья двора. И тако все дворы расположить не по воротам, не по дымам, но по владению земли и по засеву их на отведенной им земле.

И аще тако во всей России устроено будет, то ни богатому, ни убогому обиды ни малые не будет, но всякой по своей мочи, как великому государю, так и помещику своему будет платить.

И ради охранения крестьянского от помещиков их надлежит и в помещичьих поборах учинить по земле же, и чтобы больше положенного оклада отнюдь на крестьян своих не накладывали. И тако яко в государевых поборех, тако и в помещичьих, будет им сносно. И по такому расположению и помещикам дворов крестьян своих таить по прежнему не для чего; потому, буде кто дворы свои целые полудворами или четвертьми или осьмушками напишет, то и сам помещик не может уже с них больше того взять; ибо всякой крестьянин на чем будет жить и чем будет владеть, с того будет и платить как царю, так и помещиком своим. И буде кой помещик напишет дворы целые полудворами или и меньше полудворов, и царские поборы платить против письма, а себе станет с них имать с целых дворов, и кто про то уведомится посторонний человек, и донесет о такой его неправде судьям, то те дворы и со крестьяны отдать тому, кто известил. А буде крестьяна непохотя лишнего помещикам своим платить и донесут судьям, то того крестьянина, кой доведет, дать волю, да за довод—пятьдесят рублев денег. А которые крестьяна ведали, что помещик их берет с них излишние поборы, а умолчат, то тех крестьян бить кнутом, колико ударов уложено будет.

И аще кой помещик на целый двор или на полдвора или на четверть двора посадит дворового человека или делового или бобыля или половника, то кто бы он ни был, а плату дворовую имать с него по владению земли неизменно.

И тако как крестьяне, так и дворовые люди, будут великому государю данники, и платеж им тягостен не будет, потому что платеж их будет по владению земли, определенной при дворе. И таким порядком интерес его императорского величества вельми будет множитися.

И аще по всей России тако устроится, и поборы с дворового числа легкостнее будут; а по древнему порядку от побору иные в конец разоряются, а иные даром живут.

По моему мнению, царю паче помещиков надлежит крестьянство беречи; понеже помещики владеют ими временно, а царю они вековые, и крестьянское богатство—царственное, а нищета крестьянская—оскудение царственное.

И того ради, царю яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто в убожество не входил, но все бы по своей мерности изобильны были.

И аще по вышеписанному крестьянские дворы управятся, то каково за сильными лицы будет крестьянам жить, таково и за самыми убогими быть, и к прежнему бегать крестьянам будет уже не для чего, потому что везде равно будет жить.

И у коего крестьянина двор целой и меньше или больше двора, обаче к селитьбе строили бы по два двора гнездами, и между ними по два огорода, якоже о том во осьмой главе изъявится. И аще тако устроены будут деревни, то во время огненного запаления никая деревня вся не выгорит.

А буде кой помещик будет на крестьян своих налегать, и наложит сверх указанного числа, или излишнюю работу наложит, и аще те крестьяне дойдут до суда, и у такого помещика тех крестьян отнять на государя и землю; то на то смотря и самый ядовитый помещик сократит себя, и крестьян разорять не станет.

А буде кой судья по доношению крестьянскому о винности помещиковой сыскивать не станет и отошлет их к старому помещику, или и сыскивать станет, да будет во всем помещику наровить, а на крестьянина вину валить, и аще

те крестьяна дойдут до вышнего суда, и вину на помещика своего из'явят, и судейскую вину предложат, то тот судья не токмо пожитков, но и живота своего лишится.

И тако злый зле погибнет, а праведный судья за праведный свой суд настоящих благ насладится, и грядущих не лишится во веки веков. Аминь.

(Посошков. — О скудости и богатстве [48]).

Юридические акты о крестьянах.

Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок, и о взысканиях за утайку душ—1719. Генваря 22.

Великий государь указал, по именному своему великого государя указу, ради расположения полков армейских на крестьян всего государства, брать во всех губерниях сказки с таким определением о дворцовых и прочих государевых, патриарших, архиерейских, монастырских, церковных, помещиковых и вотчинниковых селах и деревнях, тако ж однодворцам, татарам и ясачным [49]) (кроме завоеванных городов и Астраханских и Уфимских татар и башкирцов и Сибирских ясачных иноземцов, о которых будет особливое определение впредь), без всякой утайки, не взирая ни на какие старые и новые о дворовом числе и поголовные переписки, но учиняя самим переписки правдивые, сколько, где, в которой волости, в селе или в деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей (которые имеют свою пашню) по именам есть мужеска пола, всех, не обходя от старого до самого последнего младенца, с летами их, и подавать те сказки в губерниях с таковым различием, а именно:

1. О дворцовых и прочих государевых, патриарших, архиерейских, монастырских, церковных прикащикам, всякому своего веления, кто где какие вотчины ведает, и к тем сказкам велеть прикладывать руки им прикащикам, и с ними тех вотчин старостам и выборным людям.

2. Помещикам всем, как многопоместным, так и малопоместным, которые живут в своих деревнях, тем самим,

а которые обретаются в службах и во отлучении от своих деревень, то потому ж прикащикам их и старостам с выборными людьми, как выше об'явлено, и в тех же сказках для ведома писать особливо именно и о тех деловых людях, которые своей пашни не имеют, а пашут на помещиков своих.

3. А однодворцам всем, каждому о себе, о детях, внучатах и родственниках своих мужского пола, которые с ними в домах живут, велеть подавать оные сказки самим.

4. У татар и ясачных принимать от каждой волости или деревни за знаменами старост и выборных их людей.

5. В прикладывании рук велеть в вышеупомянутых сказках подписываться всем, с таким крепким подтверждением, чтоб в тех своих сказках всякий против вышеоб'явленного написал самую истину, не утая ни единые мужеска пола души.

6. А ежели от кого из них явится какая в душах утайка, и за то б учинить прикащикам, старостам и выборным людям, всем смертную казнь без всякой пощады, да сверх того из помещиковых, вотчинниковых, также и из архиерейских, монастырских и церковных деревень, которыми архиереи и монастыри сами ныне владеют, взять на государя тех людей (которые от них в помянутых сказках утаены) и на оных, против числа их выделя, всей той деревни, в которой такая явится утайка, из дач земли равную часть, что на них принадлежит по размеру, бесповоротно, и то утаенное отдано будет тем коммисарам, которые ради оного армейских полков расположения и свидетельствования душ определены будут, или другим доносителям, от которых в том подлинно кто обличен будет.

7. Которые помещики и вотчинники, в деревнях своих будучие, в сказках оное утаят, и у тех бы взять за утаенное против вышеписанного вдвое (что такожде отдано будет коммисарам и доносителям неотменно).

8. Однодворцам, также татарам и ясачникам велеть в сказках подтвердить: буде кто из них в душах утаит, и за то б учинить тем жестокое наказание, бить их кнутом нещадно, да сверх того за всякую утаенную душу из того двора, в котором утайка явится, взять лучшего человека в солдаты, не в зачет положенных с них рекрут. И понеже

сие яко главное дело, и ко оному армейских полков расположению весьма есть нужное: того ради прием вышеупомянутых сказок надлежит во всех губерниях окончать в сем настоящем году безо всякого отлагательства. А при об‘явлении сих указов о переписи и сказках, велеть всякого чина людям об‘являть, что те все вышеоб‘явленные в сем указе казни и штрафы над теми, кто дерзнет какую утайку учинить, учинены будут без всякой пощады. И о том послать из сената к губернаторам указы, чтобы они по сему его царского величества именному указу исправляли как наилучше со всяким прилежанием, под жестоким его государевым гневом и разорением, и оны сказки из губерний присылали в Санкт-Петербург к бригадиру Зотову. А о расположении посадских людей указ учинен будет впредь.

(Памятники по истории крестьян XVI—XIX в.в., № 64).

О помещении в ревизских сказках не одних крестьян, но также дворовых людей и церковных причетников.—1720. Генваря 5.

Понеже я слышу, что в нынешних переписях пишут только одних крестьян, а людей дворовых и прочих не пишут, в чем может быть такая ж утайка, как и в дворах бывала. Того ради ныне подтвердите указом, чтоб всех писали помещики своих подданных, какого они звания ни есть, также и причетников церковных, кроме попов и дьяконов, которым особливую роспись также подать надлежит, и всем дайте им сроку на полгода.

(Памятники по истории крестьян XVI—XIX в.в., № 65).

О покупке к заводам деревень.—1721. Генваря 18.

Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели; а ныне по нашим указам, как всем видно, что многие возымели к приращению государственной пользы заводить вновь разные заводы, а именно: серебреные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к тому ж и шелковые,

и полотняные и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо произошли. Того ради позволяется сим нашим указом, для размножения таких заводов, как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно, с позволения берг- и мануфактур-коллегии, [50]) токмо под такою кондициею, дабы те деревни всегда были при тех заводах неотлучно. И для того как шляхетству, так и купечеству, тех деревень особо без заводов отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслы ни за кем не крепить, и на выкуп таких деревень ни кому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни и с теми заводы продать, то таким продавать с позволения берг- и мануфактур-коллегии. А ежели кто противо сего поступит, то оного всего того лишить бесповоротно. А ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать, и смотреть того накрепко в берг-мануфактур-коллегии; а ежели таковые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием всего движимого и недвижимого имения.

(Памятники по истории крестьян XVI—XIX в.в., № 67)

О непокупке купцам и прочим разночинцам, состоящим в подущном окладе, людей и крестьян.— 1746. Марта 14. Сенатский.

В правительствующий сенат, присланными от определенных в губернии к ревизии мужеска пола душ, генералитета доношениями представлено: 1. Из Новогородской губернии у купечества де, кои указанных заводов не имеют, и по указам таковым крепостных людей иметь не должно, явились купленые их крепостные люди, из которых некоторые в прежнюю перепись за ними писаны, а другие есть и неположенные, и оных от них отбирать, или куда приписывая определять, или за ними оставлять повелено будет. 2. Из Сибирской губернии: по поданным де сказкам и ведомостям явилось за архиерейскими слугами, и детьми боярскими, и за купцами, и за казаками и за разночинцами, которые сами в подушный оклад написаны, за многими находятся по прежней переписи 1723 года полковника князя

Сонцова-Засекина, и ныне вновь много являются дворовые крепостные люди, купленные у разных помещиков, а другие из ссыльных, и из городовых разночинцов, из государственных крестьян по временным записям, а те люди их крепят, и в прежнюю перепись за собою писали и ныне об'являют; а по указам де февраля 1 1721, октября 25 1730, генваря чисел 3 1740 годов, посадским и боярским людям, и монастырским слугам людей и крестьян покупать, и в заклады брать, и деревень иметь, и никаких для укрепления им крепостей писать не велено; а по мнению де канцелярии ревизии, надлежит написанных по прежней переписи и при нынешней ревизии явльшихся за вышеписанными разными чинами людей, за которыми вышеписанными указами быть запрещено, в нынешнюю перепись за ними не писать, а надлежит написать живущих в городах в разночинцы и в цехи, а в уездах с государственными крестьянами, на государевых землях. 3. Из оной же губернии: при ревизии де Екатеринбургского ведомства Багаряцкой слободы крестьянин и раскольник Иван Жуков явился и подал сказку, чтоб имеющихся у него новокрещенных башкирских малолетних детей трех человек написать в подушной оклад за ним Жуковым в Багаряцкой слободе, и как де за себя, так и за них подушные деньги платить он будет с прочими крестьянами; а канцелярия де генеральной ревизии Сибирской губернии, как незаконнорожденных, так и прочих писать, за кем по указам людям и крестьянам быть не велено, без присланных точных указов, имеет опасение; а по мнению де оной канцелярии за показанным раскольником Жуковым новокрещенных иноземцев писать не надлежит, и от того раскольника тех новокрещенных взять, ибо ежели таковым раскольникам в домах их новокрещенных держать, и в подушной оклад за ними или хотя и на ряду с ними писать, то уже те раскольники тех новокрещенных уповательно к наставлению правоверия приводить не будут, а всевозможно могут их новокрещенных привесть к тому ж раскольническому суеверию, в котором и сами находятся, и надлежит оных башкирян и незаконнорожденных приписать к тем, которым людей и крестьян по указам иметь велено. 4. Из Белогородской губернии: по мнению де канцелярии ревизии, явльшихся у купцов, кои никаких указ-

ных заводов и фабрик не имеют, людей и крестьян с землею и с мельницами и хуторами, по силе указов 1721 генваря 18 и 1739 годов декабря 18 чисел, надлежит отобрать, и определить годных в военную службу, мастеровых в цехи, а прочих с землями и без земель отдавать тем, кто их из платежа подушных денег взять похочет, и приписать к деревням. 5. Из Воронежской губернии: по данным де сказкам и по свидетельству явились у многих купецких людей, как по прежней переписи написанные, так и вновь купленные дворовые люди, и из таковых купецких людей являются с данными отпускными, а именно: города Ельца бывшего купца Андрея Михайлова 20 человек, а ту отпускную после смерти его дала им жена его, которую за действительную причесть невозможно, а по смерти мужа ее остались оные люди без владения праздно, и ныне живут по разным местам, почему они стали быть выморочные; а в инструкции о ревизии и в пополнительных указах, что с таковыми чинить, точно не изображено; а по мнению де канцелярии ревизии надлежит оных при нынешней ревизии платежем подушного окладу приписать к дворцовым селам и волостям в ряд с волостными крестьяны. В доношении той же губернии февраля 26, при свидетельстве де в городе Касимове явилось того города у посадских людей, которые никаких фабрик и заводов не имеют, тако ж и у ямщиков, и у казенных в городе Ельце кузнецов, написанные за ними в прежнюю перепись и после переписи по купчим и другими случаи прибылые дворовые люди; и хотя де об отрешении их, по силе инструкции о ревизии и указам, канцелярии ревизии точное определение учинить надлежит, токмо куда их по отрешении определить, собою учинить не смеет; а по мнению канцелярии ревизии, об отписании из за них, и о приписке за помещиков, учинить против того, как и о поповых людях, по силе инструкции 12 пункта и по уложению учинить определено; и хотя ж по всем вышеписанным указам, чтоб за посадскими людьми крепостных людей писать точного повеления нет, однако ж по Воронежской губернии в канцелярии ревизии довольно известно, что не точию до состояния нынешней ревизии оные крепостных людей сами продают, а прочие у помещиков купят, а у крепостных дел крепости бесспорно на обе

стороны пишут, да и по тому, что в прежнюю перепись за ними писаны были, и ныне оных у себя имеют, и при ревизовании об'являют, и не имеется ль о покупке купцам людей особливого указа, точно со мнением представить сумнительно; а ныне некоторые города ревизованием приходить будут во окончание, и по окончании определенные для ревизии офицеры от'езжать будут в другие определенные им места, а об'явленные сысканные за ямщиками, и казенными кузнецами, и за купцами люди, остаются за ними, от чего впредь при ревизовании не без помешательства и остановки последовать имеет; и требует о вышеписанных ямщицких, кузнецких, и купецких людях, что чинить? 6. Из Нижегородской губернии: из поданных де от Нижегородских посадских людей, о дворовых людях, сказок, явилось у 44-х человек, по прежней переписи состоящих дворовых их людей 99, а на лицо с новорожденными 127 душ, и из тех посадских, с некоторых в бездоимочном за тех дворовых их людей платеже Нижегородской Магистрат [51]) подписался, что верить им можно, а о других ответствовано, что за совершенною их скудостию и за несостоянием к платежу податей, верить не можно, к тому ж из них некоторыя посадские и под'яческие жены вдовы, и других чинов подлые люди требуют чтоб тех их дворовых людей, за совершенною их в платеже за них податей скудостию и за неимением порук, из за их владения с нынешней ревизии выключить; а по свидетельству из оных их людей явились некоторые престарелые, и дряхлые, и увечные, и ни в какой работе быть не способны, зачем их из подушного платежа другие никто не примут, и ежели их при нынешней ревизии за теми ж людьми в подушной оклад написать, то за скудостию их, за тех дворовых людей исправного платежа быть ненадежно; еще ж и такие явились, за кем оные в прежнюю перепись написаны, те владельцы померли, а наследников никого не осталось, а оные их люди, за крайним своим убожеством, и за старостию, и дряхлостию, сами собою подушных денег платить не могут, а кормятся мирским подаянием, и просят, чтоб их из того окладу выключить же и определить в богадельни; а по мнению канцелярии ревизии, оных престарелых и дряхлых, за которых хозяева их, за совершенною скудостию, подушных денег платить

не в состоянии, надлежит определить в богадельни, для того, что те престарелые никакой работы нести не могут, дабы впредь доимка не умножалась, а которые из них не весьма престарелые и малолетние, оных тем хозяевам продать, кому крепостных людей иметь велено, которые за них подушные деньги платить могут; а буде купцов не сыщут, то у них отобрать и раздать помещикам, к кому они во услужение пожелают, и кто их из платежа подушного окладу примет; а которых никто взять не пожелают и ни в какую службу и в работу ко определению явятся негодны, с теми учинить по инструкции о ревизии 16 пункту. 7. Из Московской губернии: из Коломенского де магистрата доношением об'явлено, что в прежнюю перепись из церковников Польской нации и из других тому подобных, по желаниям их, также и купленные люди по купчим и крепостям в подушной оклад приписаны к купецким людям, и ныне те купцы просили, чтоб оных, по силе имеющихся при прежней переписи указов и данной нынешней ревизии инструкции 7 пункта, оных приписных и купленных крепостных людей в подушной оклад при нынешней ревизии написать за ними же; а по мнению канцелярии ревизии Московской губернии, об'явленных написанных в прежнюю перепись за купецкими людьми, за которыми фабрик и заводов не имеется, и купленных ими после той переписи людей в нынешнюю ревизию за ними писать не надлежит, ибо оные как в прежнюю перепись за ними писаны, так и после той переписи те купцы, ведая указ, что им за собою крепостных людей иметь не велено, а покупали и за собою крепили, не имея на то точных указов, а надлежит тех людей в нынешнюю ревизию писать по силе инструкции, яко вольных в посады, в цехи, и за помещики к деревням, к кому они во услужение итти пожелают целыми семьями. И сего марта 14 дня... Правительствующий Сенат, слушав оных доношениев и учиненной в Сенате из указов выписки, и имея довольное разсуждение, приказали: 1. за посадскими людьми, тако ж за кузнецами и другими мастеровыми, в цеху находящимися, написанных в прежнюю перепись дворовых их людей, в нынешнюю перепись написать за ними ж, для того, хотя по указам купецким людям, кои указанных к пользе государственной заводов, кроме купечества, не имеют поместей

и вотчин покупать и купчих у крепостных дел писать в силе Уложения 17 главы 41 пункта, равно как и боярским людям, и монастырским слугам, и крестьянам, ибо и они купцы также, как и оные боярские люди, и слуги, и крестьяне положены в подушной оклад, и ненадлежало. И указом 1721 года Генваря 18 дня, о покупке купечеству к заводам деревень велено, ежели кто будет заводы заводить малые для лица, чтоб ему тем деревни купить: и таких до той покупки не допускать; да в указе ж 1739 года Ноября 29 дня, о покупке ж купечеству для отдачи в рекруты людей и крестьян изображено, дабы таких купленных под именем для отдачи в рекруты, не имели в своем услужении; но понеже во время прежней переписи, по указам 1722 Маия 10, Іюня 1, 1723 годов, Генваря 19 и Ноября 28 чисел, за посадскими дворовых людей в оклад написать велено; чего ради, по силе тех указов, написанных в прежнюю перепись дворовых людей, как за посадскими, так и за кузнецами и прочими цеховыми, ибо оные к посаду ж принадлежат, в нынешнюю перепись за ними ж написать и надлежит; будеже из таковых, в прежнюю перепись написанных за ними людей, явятся такие, как из Нижегородской губернии показано, что те посадские подушного оклада за них платить не в состоянии и сами просят, чтобы тех людей за их неимуществом от них выключить; а иные померли, и наследников не осталось, а те их люди за убожеством и за старостию и дряхлостию, собою в посаде быть и подушных денег платить не могут же, и таких велеть оным продать, кому крепостных людей иметь велено, от получения указа в месяц, а буде не продадут, тако ж и тех, коих хозяева померли, и наследников не осталось, оных писать по желаниям их к посаду, в цехи, и отдавать к помещикам, кто их из платежа подушных денег взять похочет; буде же явятся такие, кои за совершенною старостию и дряхлостию, ни в какую работу негодны, и за неимением у них детей, никто их из платежа подушных денег не возмет, таковых приписывать в богадельни. 2. За... архиерейскими и монастырскими слугами, и детьми боярскими, и за разночинцами, кои сами в подушном окладе состоят, тако ж за казаками и ямщиками, как в прежнюю перепись за ними написанных дворовых людей, так и после той переписи ку-

пленных, по мнениям вышеписанных Генералитета, из за них выключить, и написать по желаниям их в посады, в цехи, на государевы земли, с государственными крестьяны на заводы и фабрики, и к помещикам, кто их из платежа подушного оклада взять похочет, для того, в прежнюю перепись, чтоб за таковыми дворовых людей писать, указу не было. А по Уложению 17 главы 41 пункта: боярским людям и монастырским слугам вотчин покупать и в закладе за собою держать не велено, и особливо в 1730 году Октября 25 дня выданным указом, помянутым боярским людям, и слугам монастырским, и крестьянам поместий, и вотчин, и людей, и крестьян покупать и в заклад брать накрепко запрещено, по тому ж равномерно и архиерейским слугам и детям боярским, кои не из дворянства, и сами в подушном окладе состоят, тако ж казакам, ямщикам и прочим разночинцам крепостных людей иметь и покупать не должно; что же от ревизии Сибирской губернии показано, что за помянутыми архиерейскими слугами, и детьми боярскими, и за купцами, и за казаками, и за разночинцами, кои сами в подушном окладе написаны, являются из ссыльных, из городовых разночинцов и из государственных крестьян по временным записям, по которым их крепят и в прежнюю перепись за собою писали, и ныне об'являют, оных от них выключить и писать ссыльных по силе определения Правительствующего Сената Сентября 2 дня 1745 года, а разночинцев по инструкции о ревизии 16 пункту, по желаниям их, в посады, в цехи, на государевы земли, на заводы, и фабрики, и к помещикам, кто их из платежа подушнаго оклада взять похочет, а государственных крестьян по прежнему с государственными крестьяны, коих не токмо таковым, кому крепостных людей иметь не велено, но и помещикам по временным записям и ни по чему за собою укреплять не надлежит; а за раскольниками, как в Сибири ж один из раскольников крестьянин об'явил новокрещенных башкирских малолетних детей трех человек, таковых новокрещенных и никаких людей отнюдь не писать, и помянутых новокрещенов от того раскольника, також буде и у других оные явятся, немедленно отобрать, отдать во услужение по желаниям их, кому по указам надлежит, для того, хотя по указу 1737 года, Калмык и других наций

людей позволено всякому покупать, крестить и у себя держать без всякого платежа подушных, и быть им от них неот‘емлемым, и давать на них выписи, но раскольникам таковых новокрещенов отдавать не надлежит, дабы их те раскольники к такому ж раскольническому суеверию, в котором и сами находятся, приводить не могли. 3. У посадских людей, кои указных заводов и фабрик кроме купечества не имеют, и сами в подушном окладе состоят, а после прежней переписи покупали дворовых людей и крестьян без земель, и с землями и целыми деревнями, в противность вышеписанным указам, у таких об‘явленных купленных ими дворовых людей и крестьян без земель, по мнениям об‘явленных Генералитета, от них отобрав, писать по желаниям их в посады, в цехи, на государевы земли, и на заводы и фабрики, и к помещикам, кто их из платежа подушнаго оклада взять похочет, а целые села и деревни и с принадлежащими землями отписать на ее императорское величество, и по отписании с тех сел и деревень, с написанного ж по прежней переписи числа душ, вместо помещичья дохода, сверх семигривенного оклада, брать четырегривенные деньги в казну против государственных крестьян, которые по сборе особливо от семигривенного оклада, которой на армию положен, из губернских и провинциальных канцелярий присылать в Сенат с прочею взыскиваемою с прописных в прежнюю перепись, и с написанных вновь в подушной оклад суммою, для того, что тем посадским людям точно по вышеписанным 1721 Генваря 18 и 1739 годов Ноября 29 чисел указам, людей и крестьян покупать и у крепостных дел надсмотрщикам крепостей и купчих им писать в противность тем указам не надлежало, ибо в об‘явленном 1721 года Генваря 18 дня о покупке купечеству к заводам деревень указе точно изображено, ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтобы ему тем у кого деревни купить, и таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать, и смотреть того накрепко в берг- и мануфактур-коллегии, а ежели таковые явятся, и их по усмотрению штрафовать отнятием всего движимого и недвижимого имения, и по силе того указа в штраф тем купцам, кои, не имея никаких заводов, деревни покупили, те их в противность указам покупные

деревни отписать и надлежит, а крепостным надсмотрщикам, коими тем посадским людям на людей и крестьян и деревни, в противность оным указам, крепости и купчие писаны и совершены после всемилостивейшего ее императорского величества Июля 15 дня 1744 года, об отпущении вин и штрафов, указа юстиц-коллегии штрафовать по указам, без всякого упущения. 4. Впредь купечеству (кроме тех, которым к заводам и фабрикам по силе указов в покупке позволения дастся), и архиерейским, и монастырским слугам, и боярским людям, и крестьянам, и написанным к купечеству, в цех, тако ж казакам и ямщикам и прочим разночинцам, состоящим в подушном окладе (кроме тех, кому по Уложению и по указам поместья и вотчин и крепостных людей иметь велено), людей и крестьян с землями, и без земель, по силе помянутых Уложения и указов, покупать во всем государстве запретить, и крепостей оным нигде не писать, под опасением надсмотрщикам за то преступление положенного, по публикованному Маия 11 дня 1744 года ее императорского величества указу, истязания, и ежели отныне у купечества, неимеющих заводов також и помянутых архиерейских и монастырских слуг и боярских людей, и крестьян, ямщиков и прочих разночинцев, такие на людей и крестьян крепости явятся, оные в действо не ставить, а надсмотрщикам, кем те крепости писаны, чинить по оному указу без всякого упущения.

(Памятники по истории крестьян, № 80).

ДВИЖЕНИЕ ПУГАЧЕВА.

Рост денежных отношений во второй половине XVIII в.

(Щербатов.[52])—Причины дороговизны и голоду 1778 г.).

Многие обстоятельства с течением своим вспомоществовали к произведению сперва дороговизне, а наконец и голода: 1) вкратшееся сластолюбие во все чины государственные, даже и до крестьян; 2) умножение народа; 3) умножение разных мастеровых; 4) умножение винокуренных заводов и кормчества; малое прилежание о земледелии и недостаток земель; 6) нерассмотрительный выпуск хлеба в чужие государства; 7) уменьшение доброты земель; 8) недостаток запасного хлеба и 9) оставление монастырских запашек и малое попечение о хлебопашестве государевых и економических крестьян...

... По мере размножения сластолюбия, приумножились все мастерствы, рукоделии и промыслы, и самые хотя нужные государственные строения, в губернских и других городах, представляя великое обильство для промыслов, отвлекая от земледелия многие тысячи человек. Естли мы возьмем в пример одну Москву, и рассмотрим разных мастеровых, живущих и приходящих в оную, то ясно увидим, коль число их приумножилось. Двадцати лет тому не прошло, весь Каретный ряд вмещался за Петровскими воротами по Земляной огороде по большой улице; а ныне не токмо уже многие лавки распростерлись внутри Белого Города, и взаворот в обе стороны по Земляному Городу, но в других улицах множество есть таких сараев для

продажи карет, не щитая сколько немцев каретников в Москве в разных местах карсты делают и продают. Хлебники были весьма редки; ныне почти на всякой улице вывески хлебников видны. Кирпичу в год врядли до 5-ти миллионов делалось, ныне делается до 10-ти миллионов; строения были редки, и много, как в Москве прежде, когда 20 домов строилось, а ныне нет почти улицы, где бы строения не производились. Все таковые промыслы требуют людей, или навсегда пребывающих, или приходящих на время летнее, яко кирпишников, каменщиков, штекатуров, плотников, столяров и прочее; а все сии люди, удвоившиеся или утроившиеся на летнее время, оставляют свои домы и земледелие, чтобы, не способствуя к произращению пропитания, быть истребителями с‘естных припасов. Приложим еще, сколько таких мастеровых употреблены во всех наместничествах, огромное всенародное и приватных людей здания, в малое число лет якобы волшебством каким произведенные, повсюду пышность и великолепия взирающему на внешность человеку представляют, но колико в самом деле отвращением от земледелия, а потому убавкою произведения нужнейших к жизни вещей, Россию ослабляют.

В царствование императрицы Елизаветы Петровны винный доход весьма был невелик, и, помнится, Москва и Петербурх токмо 700 тысяч откупа платили; доход сей весьма умножился и дошел даже до 10-ти миллионов. Правда, не все от одной прибавки продажи вина казенного, ибо цена на самое вино стала умножаться, но однако знатное количество и поставки вина прибавилось...

... Достойно есть удивлению, что когда, правилами своими и для законодательства царствующая над нами императрица утвердила сию великую истину, что земледелие есть наиполезнейший труд, когда сочинениями своими Економическое Общество [53]) тщилося все роды домостройства побуждать, и когда самые нужды наши должны бы наиболье возбудить нас к земледелию, оно тогда совершенно упало. И вместо, что у непросвещенных наших предков, незнающих и слова домостройства, нечитающих никаких ученых сочинений, скирды хлеба погнивали, мы со всем просвещением и со всеми побуждениями, и в облиные годы семян не имеем. Мой бывший добрый приятель Григорий

Николаич Теплов представлял Сенату в поданном своем мнении о дороговизне хлеба в Санктпетербурге, что сие от излишних поборов со крестьян происходит; но я говорю, что сие происходит от нерачения крестьян и помещиков, и от неимения людей для употребления надзирать над сим нужным трудом государству. Причины нерачения крестьян довольно выше изъяснены, ибо крестьяне, убегая от труда земледелия, от неподлинного же прибытку, который он может надеяться от земледелия, располагает свой труд таким образом, чтобы и лакомство это было удовольствовано, и верность получения денег ему безопаснее и точнее была; кидает свою пашню и стремится в разные промыслы, оставляя свою землю. А и оставшийся, худое имея знание о земледелии, последуя токмо обычаям своих предков, не имея ни наставника, ни понудителя к его трудам, с небрежением к земледелию прилежит, худым урожаем пуще огорчается и труд, долженствующий составить его благосостояние, в ненависть приемлет. Економические и государственные крестьяне, оставленные на собственное их попечение, не более о сем нужном труде рачения прилагает, но каждый более старается обогатиться какими несправедливыми способами, нежели тем, что мать и питательница роду человеческому, т. е. земля, ему обещает...

... Неоспоримое есть правило, что во многих случаях выпуск хлеба помогает ко умножению земледелия и пользе государству; ибо 1) умножая продажу излишнего урожаю, возвышает цену на хлеб, а самым тем чинит, что труды земледельца суть более заплачены; во 2) выпуск, умножая вывоз товара в чюжие государства, делает перевес торговле, для той страны, которая хлеб выпускает. Но как всякие правилы не могут быть повсеместно одинакие, колико бы они всеобщими ни казались, то, во-первых, должно рассмотреть, приложительны ли они к Российской Империи? Естли сия монархия не толко великой обширности, имела бы со всех стран многие морские пристаница, имела бы повсеместное сообщение судоходными реками и каналами, и, наконец, естли бы плодоноснейшие области к местам выпуску прилегали, тобы, конечно, правило о пользе выпуску хлеба безраздельно должно было приняться. Но как у нас ничего сего не достает, а именно: империя есть такой про-

странности, что самый перевоз хлеба с'едает все барыши, каковые бы можно было от выпуску получить, а через самое сие в продаже своего произращения земледелец немного пользы получает. Пристанищей морских у нас мало, да и те не весьма удобны, ибо петербургский порт имеет неудобность трудного плавания по Балтийскому морю; города: Архангельской—дальнего обходу круг Норвегии трудности плавания по Белому морю и бар (песчанная отмель), через которой близ города Архангельского должно проходить; Крымские пристанища лежат все на Черном море, и суть яко заперты узким проходом мимо Константинополя... (Дальше автор говорит о недостатках и неудобствах внутренних водных путей). Области, прилегающие к портам, т. е. к Петербурскому и Архангелогородскому, суть неплодоносные; а которые лежат к портам Черного моря, те еще недовольно имеют селений. А по всему сему выпуск хлеба в чюжие краи не толь есть выгоден для земледельцов, которые с весьма малым возвышением цен свои произведения продают; обогащаются тем единые купцы, дающие вперед задатки, и обогощаяся единые, делают дороговизнь и нужду в России в хлебе.

(Щербатов. — Рассуждения о нынешнем в 1778 г. почти повсеместном голоде в России и т. д.—Соч. т. 1).

Организация крепостного хозяйства.

(Из «Наказа для прикащика о порядочном содержании и управлении деревень в отсутствие господина»—соч. Рычкова).

Старинное ж у нас обыкновение могущих работать крестьян разверстывать по тяглам, считая в тягле мужа и жену (а увечных и престарелых из тягол выключают), разделяя по их землю, где оной не весьма достаточно, а за тем и не возможно распахивать ее столько, сколько надобно, в чем от корыстолюбивых управителей и прикащиков, а особливо от старост и выборных великие бывают понаровки; ибо единожды учиненная разверстка остается у них на долгое время, не взирая на то, что по разным обстоятельствам вотчины, иногда прибавку, а иногда и убавку делать в том надобно, наблюдая между всеми удобвозмож-

ное уравнение. Того ради вступающему в правление деревень новому управителю и прикащику, не слагаясь на то число, сколько до приезду его тягол было, и ему уже об'явлено, надлежит всем крестьянам дворовую перепись учинить, переписав, как мужеск пол, так и женск, не исключая и младенцев с показанием их лет, и кто из них в тягле или в отставке от тягловой работы, или еще не поверстан в тягло. И кои явятся из них свыше 16 лет, тех всех положить в тягловые работы, хотя б они были и холостые, ибо довольно примечается, что многие из крестьян, не желая, чтоб дети их были в тягловых работах, а шатались бы в числе малолетних и не верстанных, о женитьбе сыновей, а еще больше о замужестве дочерей своих не стараются, и всячески от того отводят. Но буде понадобится оженить кого из бедных, такого на сей праздник для варения пива ссужать господским солодом, ежели ж для пашни и для конных работ нет лошади, то надлежит ему дать господскую лошадь, буде можно и корову с овцой, чтоб он в состоянии был господские и свои работы против других исправлять, и с женою своею пропитание иметь небедное, а дабы такие из молодых людей верстанные лучше справлялись и данных им господских лошадей не изнуряли, то кроме пахотной поры на помещичьи работы посылать их больше в такие места, где требуются пешие работники. Сей смотр и разверстку тягол управителям и прикащикам повсягодно, а всемерно уже чрез два или чрез три года, делать... Словом: рачительной о пользе своего господина управитель и прикащик должен всегда стараться, чтоб тягловых крестьян умножать, а из тягольных не выключать, кроме таких, кои увечны, очень стары и к господским работам совсем не годятся: да и сих без дела не оставлять; но употреблять, по возможности сил их, к разным деревенским присмотрам, как выше упомянуто, придавая им в помощь из молодых ребят, кои в тягла не верстаны, а кто и за каким резоном из тягла будет выключен, и будет ли кто на место его поверстан или нет, о том помещика уведомлять.

* *
*

При употреблении в господские работы тягловых крестьян поступается у нас по произволению помещиков. Есть

такие строгие, что крестьянам своим одного дня на себя работать не дают; а давая всем их семействам месячный провиант, потребляют их без из'ятия на господские работы повсядневно.

У иных четыре дни в неделю работают на помещика, а три дни с воскресеньем оставляется им. Кои ж умеренно их содержат, у тех по три дня на помещика и столько ж дней на себя работают, а воскресенье оставляется на отдых; но пашня более уроками исправляется. У некоторых пашут с лишком по две, у других по две, по полторы и по одной десятине на тягло. В каждом поле разверстывая помещичьи и крестьянские дни пополам, при чем некоторые заставливают положенную помещичью пашню, не покидая ни на один день, исправить всю, а потом уж дозволяют приниматься за свою. Человеколюбивый господин и прямо отечество свое любящий никогда управителям и прикащикам своим не велит на каждое тягло во всех полях более сего как по одной десятине, а конечно уже не больше полуторы десятин пахать, сеять и убирать. Из чего он довольно может иметь прибыли, когда земля благовременно и хорошо вспахана и засеяна. А хлеб в надлежащее время у него пожнут и в гумно поставят; ибо крестьянину для себя и для продажи в публику (на платеж государственных податей и пр.) по меньшей мере в двое или в трое против вышеписанного пахать и сеять надобно. А хотя прилежный тягловый мужик на помещика своего и более высеет, но что в том пользы, когда землю не хорошо вспашет, и будет безвременно жать, и убирать в гумно посеянный им хлеб?

* *
*

Урочные работы, яко то пашня вся вобще, полотье и жнитво хлеба, сенокос и пр., хотя и почитаются как для крестьян, так и для помещиков выгоднее; токмо управителям и прикащикам самим, и чрез крестьянских старост прилежно надлежит смотреть, чтоб все оные работы с надлежащей исправностию и не оплошно были деланы, особливо же в пашне, в посеве и в жнитве хлеба недреманным оком смотреть, дабы земля по надлежащему и глубже бы вспахана и хорошенько выборонена, а те мужики, кои к посеву хлеба употребятся, были б в том искусны, и зерна б бросали

в землю уравнительно, не часто и не редко, особливо ж прогалин и обсевков ни где не было б. Чего ради к сему, как к самому первому и нужнейшему делу, приставливать из лучших стариков тех, кои сами довольно упражнялись в пашне, подтверждая им, ежели от посеянного хлеба будет худой исход и урожай, а на их собственных десятинах явится хлеб хороший, то возмется оной на господина, а худой хлеб отдастся им с наказанием. Между тем же как управителям и прикащикам, так и выборным с старостами и сие прилежно наблюдать, чтоб все оные на господина их работы производимы были, ни мало не упущая способных к тому времен.

* *
*

Из знатных фамилий многие имеют у нас столь большие села, что великостью своею равняются они нарочитой величины городам. В таких больших жительствах управитель и прикащик непременно уже должен учредить порядок подобный полицейскому, определяя к нескольким дворам десятников, а для ста или хотя двухсот дворов одного сотника, из самых лучших и надежнейших людей, дав им от себя потребные наставления, как им между жителями добрый порядок и спокойность наблюдать каждому в своей сотне, и смотреть того, чтоб во множество жителей не вкрадывались подозрительные люди, не было б своевольных вдаль отлучек, побегов и пр., велеть повсядневно или через неделю себя уведомлять, все ль в ведомстве их спокойно и не произошло ль чего чрезвычайного; а сверх того на господском дворе от каждой сотни иметь караульного, как для безопасности, так и для случающихся повесток сотникам; сей порядок в больших жительствах необходимо кажется нужен, для пресечения всякого воровства и для осторожностей от пожарных случаев, особливо же в случае лошадиного и скотского падежа, да и в других чрезвычайных обстоятельствах оные; сотники и десятники погодно, или по третям года, могут другими сменяемы быть.

* *
*

Умножение земледельцев не только для помещиков, но и для всего государства важнейшим пунктом почитается, а к сему ни что больше не может способствовать, как благо-

временная женидьба молодых людей, умеренной им деревенской труд и не оскудное содержание. У нас в крестьянстве издавна и во многих местах есть обычай, малолетних робят женить на возрастных девках, которая женидьба кроме вреда и нестроения, никакой пользы не приносит, и нет тут ни малого способа ко умножению людей, ниже в разсуждении хорошого домостроительства, чего ради и допущать оное не надобно. Разумные управители и прикащики должны о том стараться (о чем и выше сего в 5 пункте говорено), чтоб из крестьян молодые люди далее 18 лет, а по крайней мере свыше 20 лет, холостыми не шатались. Усматривая таковых, поощрять их отцов и их самих к женидьбе, приискивая им девок, в тех же деревнях, кои б согласовали их возрасту, а хотя б годами двумя или тремя их и моложе; но понеже не редко случается и то, что в одной деревне из молодых людей бывает более мужеска пола, а в другой больше девок, и для того помещики управителям и прикащикам должны давать дозволение к отдаче возрастных девок на вывод в другие деревни, определяя число выводных денег, где условленось будет с обоих сторон и без выводных денег молодых людей на девках женить, то сие заимство не запрещать. Чтож до выводных денег принадлежит, то кажется довольно для помещика, когда ему за отданную девку плачено будет от десяти до пятнадцати рублев, только б то делано было с ведома управителей и прикащиков. А в небытность их старост и выборных с письменными видами и с согласия обоих сторон отцов и матерей, и без всякой неволи посягающих; но ежели такой молодой человек отрицатся от женидьбы, или отец и мать его по какой-нибудь слабости к тому несклонны, в таком случае пристойным образом следует их к тому и понудить.

* *
*

В рассуждение крестьянства, для них самих и для всего общества, ни какой промысел и ни какое ремесло столь полезно и прибыточно быть не может, как земледелие; ибо оно против употребленного капитала, не только в двое, в трое и в пятеро, но и иногда и в десятеро прибыли приносит, с тою токмо разностью, что бываемая при

земледелии работа против других промыслов и ремесл несравненно труднее и тяжеле; и сие то самое часто бывает у нас причиною, что многие из крестьян, а особливо склонные к праздности и лености, удаляясь от земледелия, вступают в торги разные и ремесла, от которых им весьма мало пользы, а обществу никакой прибыли нет: наипаче же склонные к праздности и лености, на великой вред себе и обществу, отходя в отдаленные уезды на долгое время, шатаются как тунеядцы и впадают в разные беспутства. Того ради управители и прикащики в таких вотчинах, при которых для хлебопашества довольное число земли и в угодьях к содержанию скота и ко всякой деревенской экономии оскудения нет, в дозволение крестьянам непринадлежащими им товарами торговать, и такие промыслы и ремесла иметь, кои им не приличны, должны весьма осторожно поступать, а побуждать больше всего к земледелию, то есть, ко умножению их собственной и помещичьей пашни, разве на то от самих помещиков, по особливому их рассуждению, даваны будут к тому дозволения; однако ж самонужнейшие и необходимые в селах и деревнях ремесла не только не запрещать, но еще и заводить стараться, по числу людства, и смотря по способностям вотчины, чтоб каждое село и деревня в нужнейших потребностях своих мастеров имела: например при двадцати или тридцати дворах неизлишное, когда будут человека два, три хороших плотников, кузнец, портной для крестьянского платья, и пр., кои, ежели господских поделок нет, должны быть в тягловых работах с прочими на ряду; но те жительства, в которых недостаток земель, лугов, лесу и других для деревенской экономии угодий, из сего правила выключаются. В таковых, как сами помещики, так и их управители и прикащики, к содержанию и обогащению своих людей могут изобретать способы, как им рассудится лучше и выгоднее.

* * *

Выше сего (в 6 пункте) упомянуто, что тягловые крестьяне должны на помещика своего реченные дни работать. Когда полевых и других обыкновенных работ не случится, то в таких местах, где лесов довольно, может упра-

витель посылать их для рубки лесу и дров и для зжения угля; и ежель оное на господские расходы не надобно, то употреблять в продажу, посылая на ближние базары, или как сходнее, избираемые за то деньги, записывая у себя в приход, держать на нужные деревенские расходы, как о том от помещика будет приказано. Сверх того, ежели где есть способ зделать помещику доход от звериной или рыбной ловли, то и сего не упущать. Словом, рачительной и верной прикащик без предписания о всем том старается, из чего, по состоянию вверенной ему вотчины, господину его польза и прибыль может произведена быть, ибо всех подробностей предписать и в наказ сей вместить не возможно.

* *
*

Во многих у нас местах обыкновение, что каждая тягловая крестьянка в год должна напрясть и выткать сукна и холста по 12 аршин, а в некоторых вотчинах накладывают на них и более, что все называется оброком; на оное выдается овечья шерсть, лен или посконь помещичья, буде ж в вотчине своего домашнего нет, то покупают и раздают; но когда сукон не ткут, тогда холстинный оброк удваивают, и вместо 12 аршин взыскивается с одной бабы полной холст в 24 или в 20 аршин. Управителю и прикащику или паче их женам (ибо то почитается у нас женской работой) стараться, чтоб сей пункт так же исполняем был без упущения по вышеописанному, или как особливо от помещика бывает приказано. Ежели своей шерсти, льну и поскони не случится, тогда доставать оное покупкою на базарах и раздавать крестьянам в осеннее время. При приеме ж сукон и холста смотреть, чтоб выткано было порядочно и не грубо. Чего ради к сему смотрению и приему определять из самых лучших крестьянок одну, к тому способную и надежную. По приеме ж сие тканье записывать в приход и употреблять в отсылку к помещику или на продажу в прибавление деревенских доходов, как о том приказано будет от помещика.

* *
*

Добрые управители и прикащики наблюдают и сие, чтоб крестьянские дети от 10 лет и свыше временно к чему-нибудь в пользу ж господскую и крестьянскую употребля-

лись, а не, праздно б шатаясь, привыкали к лености. Выше сего (во 2 пункте) упомянуто, что некоторых из них надлежит приучать к читанию книг, а нескольких и писать. Сверх того могут и они употребляться по их возрасту и к разным еще потребностям, о коих выше показано и в трудах Вольного Экономического Общества об‘явлено. Словом сказать: надобно чтоб и сии маловозрастные и несовершенные еще люди по возможности своей работали, по крайней мере привычку б к тому имели, и в праздности б, от которой великой раждается вред, никогда б не находились.

* * *

Хотя оброчные крестьяне сами для себя и для своих помещиков бывают не бесполезны, но обществу не великая бывает от них польза, а особливо в земледелии отлучением их от домов на промыслы в отдаленные города и жительства часто не малый ущерб причиняется; и для того в тех местах, где довольство земель, сходнее содержать их на пашне, как выше сего в 11 пункте упомянуто; но в таких местах, где недостаток есть в землях и в угодьях, и оброчное содержание крестьян необходимо; а при том еще, ежели примечена будет в ком-нибудь из них склонность и способность к полезным торгам и промыслам, таковых и от оных удерживать не полезно. Ибо один зажиточной и промышленной крестьянин многих бедных ссужать и пропитание им давать может.

Токмо б таких оброчных число было не великое, и в земледелии б упражняющихся всегда находилось больше, а чтоб не каждый охотился на оброк из тех мест, где в земле нет оскудения, для сего несходно оброк класть не легкой, по самой меньшей мере не ниже пяти рублев в год на тягло или, как определит о том сам помещик; а далее двух годов и со всеми семействами пашпартов не давать и из вотчин не отпущать, чтоб они не забывали и не отставали от природного своего жительства.

* * *

Между крестьянством случаются иногда столь нерадивые, что очень худо и весьма мало рачат о своем собственном домостроительстве; а особливо лошадей и скот свой

в надлежащем присмотре и довольстве не содержат и от того в крайнюю приходят бедность, в безпутства, в побеги и в воровства. Того ради управителям и прикащикам чрез выборных и старост выведовать о каждом крестьянине, кто как свое домостроительство наблюдает. Как лошадей и скотину свою содержит и сколько прилежит к земледелию? Которые в том нерадивы, тех, призывая к себе, делать им окрики, стращать и подтверждать, дабы они в домостроительстве своем лучше и прилежнее поступали; временно ж заходить к ним и на дворы, поощряя их к домостроительству, к заведению овощных огородов, плодовитых садов и пр.; ежели ж усмотрится у кого-нибудь худой в его жилище пристрой, в конюшне и в хлевах множество навоза, большая грязь на дворе, тощие, осадненые и весьма худые лошади, скотина так же, таковых при собрании других мужиков наказывать и приводить их в лучшее состояние, тож наблюдать за ними и во время пашни, а именно: хорошо ль вспаханы и одобрены их десятины и по надлежащему ль чинен сев. Ежели ж явятся такие, кои ни по каким увещаниям и средствам к земледелию не будут прилежны, останутся склонны к праздности, забиячествам и к другим невоздержностям, из таковых молодых и здоровых людей при случае рекрутских наборов велеть отдавать в рекруты; а кои по старее, то для воздержания и на страх другим, по силе указов ссылать на поселение в отдаленные места, имая к зачетам их в рекруты квитанции, дабы от таковых тунеядцев и забияк другим соблазна не было; однако ж заранѣ надобно писать об них к помещикам и требовать на то от них самих повелений, в случае ж отдаленных их отлучек поступать с согласия выборных старост и лучших крестьян, а не собою. А тех крестьян, которые пред протчими более и лучше прилежат к земледелию и ко всякому домостроительству, пред ленивыми и нерачительными содержать с отменною ласковостью и предпочтением. Особливо же при случающихся рекрутских наборах таковых и детей их, без самой крайней нужды, в рекруты не отдавать.

(Труды Вол.-Экон. об-ва, т. XVI, за 1770 год).

Положение крестьян второй половины XVIII в. в оценке современников.

Из «мнения» депутата козловского дворянства Коровьина в комиссии по составлению нового уложения [54]).

При чтении законов о беглых господских людях и крестьянах пришло мне на мысль, почтеннейшие господа депутаты, рассмотреть, какая бы причина была, убеждающая их к толь поносному и для них самих опасному делу. По долговременном моем рассуждении и по бывшем с некоторыми благоразумными людьми о сем деле советовании, нашли мы, наконец, что причину оную искать должно или в лице помещика, или в лице беглого человека...

Часто я размышлял о том, что бы понуждало крестьянина оставить свою землю, с которой ступить почитает он за дело невозможное, покинуть родственников, жену и детей, которых видя при себе, несказанно утешается, а разлучаясь с ними, источник слез проливает, странствовать по неизвестным местам и предаться толиким несчастиям, иногда же и самой смерти. Когда токмо войду в такие мысли, то сам себя уверить не могу, чтобы одни только крестьяне были причиною своего бегства. Чего ради должен бываю посмотреть на самих помещиков, как они поступают с ними. Думаю, из вас знают, почтеннейшие господа депутаты, многие, что есть довольно в свете таких владельцев, которые с крестьян своих берут против обыкновенной подати; есть и такие, кои, промотав свои пожитки и набрав много долга, отдают своих людей, отлучив их от земледелия, зарабатывать одни хотя следуемые ежегодно к уплате проценты; есть и такие, которые, видя, что получаемых с крестьян себе доходов на удовольствие прихотей своих не станет, удалив от семейства, употребляют единственно для своей корысти; но, что еще всего больше, то являются между ними и такие, кои, увидев своего крестьянина, трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания. Сожаления, подлинно, достойно взирать на земледельца, потом лица своего от земли мало по малу собирающего имение, почитаемое им за бесценное сокровище, в надежде во время болезни своей или старости питать себя

и семью свою, такожде платить оброк своему господину, но вдруг неожиданным помещичьим приказом, или под предлогом усмотренной за ним будто какой вины, или без всего, лишающегося всех своих с толиком трудом собранных пожитков и погружающегося паки паче прежней в горестнейшую бедность, что подлинно с человеколюбием сходства никакого не имеет...

Не трудно теперь усмотреть можно, что причиною бегства крестьян, по большей части, суть помещики, отягощающие толь много их своим правлением. И для того всячески стараться должно предупредить помянутые случаи, как несносные земледельцам, вредные всем членам общества и государству пагубные. . .

Если бы всякий из владельцев известен был, что он не более от своего земледельца потребовать может, как только то, что законами предписано, то сим бы образом, кажется, могли пресечься те злоупотребления. Чего ради оное начало, от которого толь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над имениями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало. . .

Тогда малорассудный господин, ведая, что не может от своего земледельца потребовать сверх узаконенного, лишится надежды, что он довольно еще у себя имеет и перестанет угождать своим прихотям; тогда не может более разорять и отягощать своих хлебопашцев, почему и сам останется в спокойствии, да и государство от того пребудет в цветущем состоянии, увидя своих членов наслаждающихся всех довольствием. Крестьянин же, зная, что он может иметь нечто из своего собственного, старательные труды к трудам прилагать будет; тогда не станет он закапывать в землю свои деньги, также не удалится от своей отчизны, и к бегству его прекратится повод, а чрез то и земледелие в полном своем изобилии явится.

Но дабы получить толико вожделенное состояние, и чтобы видеть хлебопашество в своей силе и земледельцев изобилующих и наслаждающихся своим собственным имением, то надобно предписать законом, чтобы крестьянин платил своему помещику ежегодно известную дань. Остается рассмотреть, в чем оная дань состоять долженствует:

в деньгах одних, или в произрастениях сельских, или в обоих вкупе, т. е., какие поборы брать с крестьян...

Надлежит сии поборы брать, смотря на положение места: инде произрастением, а инде в сравнении с оным — деньгами. Но предписать о сем количестве, также, где лучше получать оные произрастением и где лучше деньгами, сие требует большого рассмотрения, не малого сведения положения всего российского государства и больше, нежели здесь, определенного времени.

Чего ради, оставя все сие на лучшее ваше, почтеннейшие гг. депутаты, рассмотрение, поспешаю к предупреждению могущих в некоторых произойти таковых мнений, что сим образом земледельцы могут вдаться в своевольничество и чрез то самое не можно будет управлять ими. Но как здесь говорено не о том, сколько имеет власти помещик в правлении своих подчиненных, но о том, сколько может он над их имениями, то от одного к другому не можно сделать заключения, ибо от того, что господин не может потребовать от своего крестьянина сверх положенной законом подати, не следует, чтобы крестьянин для того своевольничал: великая разность есть между властию помещика над имениями крестьянина и между правлением оного. Притом же, когда здесь говорено об ограничивании власти господской над имениями его земледельца, еще ничего не сказано об ограничении власти помещичьей в рассуждении правления. Она ему остается полная, как и ныне. Крестьянин его пребыват ему, как и ныне, крепостным, почему доброму владельцу ничто не препятствует к приведению своих крестьян в лучшее состояние своим благоразумием; а желаемым узаконением пресечется токмо воля у худых помещиков разорять своих хлебопашцев. Козловского дворянства депутат Григорий Коробьин.

(Сборник Русск. Ист. об-ва, т. 32).

Из мнения депутата Жеребцова.

Благодарность, которую мы, почтенные господа депутаты, попечительнице нашего блаженства должны жертвовать, состоит в приложении ревностного и усердного старания о благоденствии любезного отечества, о пользе каждого гражданина, к чему, горя моею искренностию, осмелился

и я, на читанный Козловскаго дворянства господина депутата Григория Коробьина, сего мая 5-го дня, голос, мое представить мнение.

Помянутый господин депутат, из'ясняясь, надобно, сказал, ограничить власть помещиков над имением крестьян их и положить законом ежегодную им от земледельцев подать. Сие есть дело похвалы достойное по той причине, что оно на пользе общей, т. е., на приведении земледелия в цветущее состояние основано, и если вы, почтеннейшие господа депутаты, сносите причину скорого моего заключения, то я пространнее из'ясниться приступаю...

Премудрая матерь отечества, в главе XIII, в отд. 313 оного: „земледелие, говорит, есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно"; из чего следующее положение сделать можно: то, что правительство в цветущее привесть старается состояние, великую пользу обществу приносит, а понеже к приведению в цветущее состояние земледелия правление все свои прилагает силы, следственно земледелие великую обществу приносит пользу. Того ради надлежит изыскать, что препятствует земледелию для того более, чтобы оного недостатки великим тщанием и здравым рассудком поправить можно было. Сие, как скоро воображу, тотчас мне представляется, что от двух вещей в упадок приходит земледелие: 1) от нерадения хлебопашцев, 2) от чрезвычайно наложенных податей, из коих, без всякого сомнения, что-нибудь одно в Россию вкоренилось. В 271-м отд. даного нам от ее императорского величества Наказа написано, что „ныне земледелец, оставя свой дом, лет 15 оного не видит". Итак, тот, кто оставляет свой дом, а с ним и земледелие, оставляет его неотменно по принуждению... Хлебопашество не земледелец, но чрез меру наложенные подати удручают, кои или 1-ое, от роскоши помещиков, или 2-ое,—чего вышепомянутый господин депутат не коснулся,—от жадности к сребролюбию управителей или приказчиков их происходит...

Роскошный, час от часу уменьшая долги, наконец все их рассыпет, который, однакоже, по коренному в него пристрастию, изыскивает всякие к получению оных способы, он имеет крестьян, следственно к ним и обращается, налагает на них великую сумму, которой земледелец, не надеясь

усердными достать на пашне трудами, оставляет дом свой и в отдаленных местах разными способами сыскать оную старается; как земля остается пуста, следовательно, земледелие от оного увядает.

2-ое. Управители или прикащики, пользуясь милостию своих господ, употребляют ее не только во вред оному, но и в великий ущерб всему обществу; великая охота к обогащению себя, лакомство и ненасытная жадность к сребролюбию к тому их побуждают. Он имеет у себя под командою довольное число безгласных крестьян, кои едва о себе слово произрещи могут, и в оной надежде нападает на них, положенный от господина оброк удвоивает или утроивает по своей власти, а не платящий оный, изуродовав разными мучениями, неволею к тому понуждает, ведая, что помещик, находясь на службе, более об общем печется благоденствии, нежели о своих доходах. Следовательно, хлебопашец и в сем случае оставляет свое обиталище, и не хотя видеть тело свое обезображенным, разными способами достает деньги. Нижегородской провинции депутат от пахотных солдат Иван Жеребцов.

(Сборник Русск. Ист. об-ва, т. 32).

Из мнения Щербатова.

Не буду я тщиться оправдывать бесчеловечных помещиков, которые сверх силы и возможности на крестьян своих налоги полагают, ибо, имея в омерзение всякую суровость и нападение, порок во всяком состоянии людей не меньше мерзок почитаю; но желаю токмо здесь предложить: главнейшие ли суть те причины, которыя он (Коробьин) представляет? И сие я тем более побужден учинить, дабы, пленясь оказуемым им человеколюбием и красноречием, сие какого вреда не произвело.

1) Я мню, что редкий помещик, имеющий за собою не малое число душ, возможем сказать, чтоб несколько беглых не имел, то все ли такие побеги от неправосудия и, так можно сказать, от мздоимства помещиков происходят? Нет, не мню, чтобы он и сам господин депутат на добродетельнейший корпус дворянства, каковой есть во вселенной, возмог хулу такую возложить. И если то так, то должно искать других причин; и вот оные. 1-ая. Пространство

Российской Империи, вмещающее в себе восемь климатов по земному шару, понуждает многих искать себе способнейшего жилища; да и в самых сих климатах не равная доброта земель и не равные выгоды. 2-ая. Недостаток земель и неплодородие их в одних местах, а напротив того великое обильство и доброта их в других. 3-я. Рекрутские наборы, от которых избавляясь, многие не токмо из места в место но из России вон бегут. 4-я. Непостоянство, обленчивость и худые нравы самих крестьян, которые, пришедши в несостояние и быв принуждаемы к работе, или страшась достойного за их проступки наказания, оставя домы свои, сбегают; и многие другие, о коих за потребное почитаю умолчать. То как возможно положить все на одну суровость помещиков тогда, когда к тому толь много других причин посторонних есть?..

Целыми домами побегов крестьян и не бывает, разве таких, которые, быв привезены из тех жилищ, отлучены от благорастворения того воздуха, лишены обильства и доброты земель и многих выгодностей, хотя несколько поживут, но, наконец, привлекаемы всеми теми выгодами, яко в отечество свое, туда возвращаются...

Я исключаю из сего подговоренных выходцами бежавших дворовых с женами и с детьми, которые, быв близь господина, чаще за нерачение к наказаниям подвергнуты, а не имея у себя ни дома, ни земли, скорее на побег с целым своим семейством отваживаются...

Но как со всем тем оспорить не можно, чтобы между великого числа помещиков не было таких, каковых описывает он, господин депутат Коробьин, и понеже желание нашей всемилостивейшей государыни есть, чтобы сделать нас толь счастливыми, сколь возмогут смертные быть, следовательно, хотя бы и в одном такое злоупотребление его власти видно было, надлежит, конечно, потщиться, чтобы и то прекратить, дабы самый последний подданный, видя ему утвержденное благополучие, по мере состояния своего, по окончании сего закона, в восхищении удовольствием своего сердца, не преставал благодарить общую нашу благодетельницу, Екатерину II. Но за нужное для сего почитаю рассмотреть, возможные ли, паче, не вредные ли способы представлены господином депутатом Коробьи-

ным: ограничить власть помещика в доходах. Да позволится мне теперь спросить: не самая ли то истина, что дабы положить чему границы, надлежит ту самую вещь узнать? Ибо если не обнимаешь зрением или понятием какую вещь, то и границ ей положить не можно; также не самая ли то истина, что должно с крестьян положение чинить по их обстоятельствам и выгодам, каковые они имеют? Но возможно ли какому бы то ни было правительству сии неравные выгоды обстоятельно знать: разность климатов, доброты земли, обильство или недостаток угодий, способы к промыслам, все обстоятельства, пременяющиеся по разным уездам России?...

Дать некоторую собственность крестьянам. Весьма мне удивительно, что о такой собственности и упоминается, будто бы ее не было. Дается то, чего до сего не имели, но как поныне наши крестьяне имели и имеют совершенную собственность (хотя не законами утвержденную, но если осмелюсь сказать, еще сильнейшую, т. е. основанную на общем умствовании и на взаимной пользе) во всем своем движимом имении, т. е. могли и могут ныне весь свой пожиток продавать и отдавать по благоизобретению своему, токмо с таким ограничением, что помещики наблюдают для крестьянского же благоденствия, дабы самых нужных вещей для земледелия не сбывали и не становились бобылями, что все еще и для общего распростертия земледелия и благосостояния государства клонится; и толь попечение сие о их благосостоянии простирают, что снабжают их скотиною, лошадьми, хлебом, дают им лесу на строение, и все то без всякой другой заплаты, как единственно токмо, чтоб спомоществовать их благосостоянию.

В утверждение чего свидетельствуюсь всеми здесь обретающимися господами депутатами. Слыхал ли кто, чтобы крестьянин требовал у своего помещика позволения продать какую вещь из своего пожитка или куда деньги употребить? Конечно, сего нет; во всем ими нажитом они совершенную волю имеют, а напротив того, нередко бывают требования от крестьян и исполнения по ним для ссуды оных, что последнюю сию неразрывную цепь между помещиками и крестьянами утверждает. Что же господин депутат Коробьин представляет, дабы часть некоторую имения

позволить иметь крестьянам в собственность, т. е. чтобы ее могли продать, заложить, подарить и проч., понеже, как я выше предложил о собственности их в движимом имении, которая, конечно, не безизвестна, ему господину депутату, то разве о недвижимом говорить; и о сем состоят вопросы: 1) из каких земель им сию собственность дать? 2) и не разорительна ли она будет государству? Ответствую. На 1-й: большая часть земель еще из древних времен дана государями в оклады, а потом в вотчины дворянам за их верную службу отечеству, яко: за сопротивление татарам и полякам, за неоднократное освобождение Москвы и проч., которые дачи, если бы чего не доставало при начале оных, еще сверх того беспрестанно и во всех случаях их пролитой кровью заслужили, а сверх того и положенными пошлинами за справки и за продажи едва не всю цену и денежную в государственную казну внесли; то справедливо ли будет лишить сей корпус самых сих земель, которые его обязывают к службе отечеству, или что, лучше сказать, он отчиной своей почитает, и отнять не токмо кровью, но и деньгами купленные им имения? И за награждение, что от ига татарского Россию свободили, что всегда нерушимою верность сохраняли, что запечатлели свое усердие к своим монархам во время бунтов ругательными и мучительными смертями, что многие провинции России приобрели, у них самое то вознаграждение отнять, дабы отдать их подданным, которые никогда к сему права не имели или токмо последовали ведущим их предводителям? Нет, и изображение сего довольно, мню, самого неправосудного в ужас приводить! и не должны мы и помнить, чтобы лучший закон, какой во вселенной может быть, возмог начаться таким неправосудием! Великая Екатерина, коей мудрости вселенная удивляется, древние вольности утесненным народам сохраняя, не может то терпеть, чтобы верные ее подданные такого правосудия страшиться могли...

Скажу еще больше на 2-й вопрос, что толь вредно всему государству. Как возможно позволить недвижимые имения продавать крестьянам, отдав их оным в собственность? Возможет ли какое порядочное тогда домостроение быть, когда участки земли, отданной в совершенную соб-

ственность, каждый крестьянин, имея право продать или подарить, будет другим оные продавать и раздробит их не токмо на части, на лоскуты, в противность Наказу, отделению 427?..

И так, из всего, что имел честь представить, мню, что всякому ощутительно есть, колико представляемые способы господином депутатом Коробьиным суть вредны. Но, я с моей стороны, с радостью ему то прощаю, почитая, что от усердия своего к некоторым удрученным крастьянам оные он предложил, но не могу без удивления видеть, что коль имеет он попечение о пожитках крестьянских, толь малое тщание прилагает об избавлении их от того утеснения, которое может произойти от наказаний, налагаемых на них, ибо тщетно имя собственности растверживать: когда тело чье подвластно другому, имение его всегда тому же подвластно будет, и законы таковые, всегда сильнейшему уступая, лишь причина... (презрением их) новому преступлению будут. А сей господин депутат точно говорит, что он не желает, чтобы самих крестьян отняли от власти их помещиков. То какая же собственность в имении у них может быть, когда помещик, имея власть самопроизвольно наказывать своих крестьян, следственно может и неволею, для избежания от наказания, имение их всегда, когда пожелает, отнять? Дать ли право крестьянам в таковых наглых поступках иметь прибежище к суду? Вот новое зло. Крестьяне, по ныне не быв довольно просвещенны, за незнанием своим, до коих мест их право может простираться, в самых справедливых налогах на господ своих с просьбами и жалобами, отлучаясь целыми деревнями от их селений, в судебные места будут приходить; земля останется без земледелия; и они лишатся своего пропитания, в разбое и татьбе принуждены будут себе его искать; иль и в самой справедливости, против них учиненной, будут несправедливость находить, к бунтам преклоняться и на жизнь помещиков восстанут...

Мнится мне, что против таких помещиков, ежели они есть, которые неумеренные оброки или двойные с крестьян своих берут, или которые отягощают безмерно работою своих крестьян, или которые ограбливают тех, кои потом лица своего приобрели себе некоторый пожиток, можно

употребить такой способ, чтобы учрежденные комиссары и дворянские собрания имели наблюдение о благосостоянии крестьян и не токмо касающееся до имений их, но также и бесчеловечных наказаний, и таковых помещиков сперва словесно или письменно к умереннейшему поступку старались склонить; если же и таковые увещания не послужат и помещик тот ни оправдания не предложит, ни суровость свою не смягчит, то бы в высшнее правительство о том уведомляли, которое, учиня обстоятельное и строгое исследование, может повелеть такому помещику дать опекунов...

Ярославского дворянства депутат, князь Михайло Щербатов (сам подписал, местами исправлял и дополнял собственноручно).

(Сборник Русск. Ист. об-ва, т. 32).

Из „примечания" депутата Якова Козельского.

На поданное сего мая 5 дня в оную Комиссию от господина депутата Коробьина примечание, коим он, сообразуясь Большому ее императорского величества Наказу, представлял об установлении податей крестьянских помещику. Из подаваемых от господ депутатов противных мнений приметил я за основательное, что за разностью климатов, за неспособностью к плодородию земли и по другим обстоятельствам, не полезно будет государству таковое установление в податях крестьянских и, соответствуя должности моей как в том, так и в другом, служащем по материи, что нахожу за полезное государству, то и всему высокопочтенному собранию предлагаю. Представляя в уважение разность климатов и разность способности или неспособности к плодородию земель или и такие места, где пахатных земель не находится, каковы по большей части сыскаться могут при городах Москве и С.-Петербурге; а в отдаленных от сих городов деревнях крестьян, что они живут при землях довольных и плодоносных; и как одни из них живут при дорогах больших и торг имеют харчами от проезжающих в домах своих, а в столичных городах продажею хлеба, сена, дров и других городским жителям нужных вещей; тоже нанимаются всегда в извоз, и потому перед другими, кои в отдаленных местах живут, пользу-

ются в деньгах гораздо больше, так равно, как они последние изобилуют в хлебопашестве, то, по моему мнению, заменяя и сравнивая профиты их, можно их всех подвергнуть равному помещичьему взысканию, с тем только различием, чтобы из живущих около столичных городов и при больших дорогах, или где бы и безземельные сыскаться могли, взыскивать подать деньгами определительно, т. е. за два дня в каждой недели, по такой цене за день, как по изведанным о каждом из сих мест чрез господ губернаторов и депутатов обстоятельствам и опытам достовернее и справедливее законом предписано будет; а в отдаленных провинциях, где земли достаточны и хлебородны, но жители, не имея где хлеба продавать, в деньгах убожее первых, употреблять крестьян на барщину в хлебопашество и в другие экономические дела по два же дня в неделю, выключая воскресный, как одному богу посвященный, день...

Я полагаю помещиковы дни, по примеру найма, ценою каждый из них (как летнего времени дороже, так и зимнего дешевле) за пару волов с упряжкою или и за пешего человека с харчми крестьянскими — по 10 копеек; и когда же таким образом подать крестьянская ограничена будет, то помещику достанется со двора крестьянского в неделю по 20 коп., а в год по 10 рублей, только с тем условием или пределом, чтобы и обыкновенная от баб крестьянок помещику подать и работа туда же вмешена была...

Что же касается до имений крестьянских движимых и недвижимых, то оставить оными пользоваться крестьянам, с тем только, чтобы они без дозволения помещика не властны были никому продать, ни заложить из недвижимых имений, а владели бы сами потомственно, без участия помещикова, для того, что крестьяне, почитая те имения в собственности, предполагать будут себе за основание то, которое их от побегов удерживать станет и прилежнее в земледелии упражняться будут...

Когда законное установление в должности крестьянина к помещику последует, то какая от того обществу произойти может польза?

1. Каждое сего рода людей семейство, будучи известно об определительной своей должности, а при том уверено и о свободе времени того, которое для собственной его

пользы ему оставаться будет, не имея же прежде бывших препятствий, что крестьяне в долговременные от домов отлучки безвременно употреблены не будут, натурально, постараются о всевозможном себя обогащении и, в таком расположительном времени почувствовав некоторое облегчение состоянию своему, почувствуют желание и о размножении семейства.

2. Последовательное: что они дочерей своих властны будут выдавать замуж благовременно, а не так, как доныне делается, что многие из крестьян, по тридцати лет и более не выдавая их, принуждены держать при себе нарочно, показывая причину, что за всегдашними дальними их отлучками в доме работать некому...

3. Многие из крестьян, зависящих до сего времени от единственной, различной и неопределительной своих помещиков воли (как из наказа во многих статьях об'является), сносят свое состояние с крайним их отягощением во взыскании с них денежных оброков и в безослабном порабощении и, что им еще тягчайшее, что они и в имениях своих, равно же и в детях, бывают не властны; а сим новым узаконением, ограничивающим каждого волю и состояние, будучи облегчены и ободрены, прилежнее станут употреблять себя к хлебопашеству...

4. Выходящие из деревень в столичные города Москву и С.-Петербург под видом торга и зарабатывания денег мужики возвратятся на свои жребии к хлебопашеству и к другим деревенским работам...

6. Крестьяне не только что от побегов уймутся, но удобнее можно будет возвратить и бежавших в Польшу, которых наперед сего многими милостивыми указами вызвать было невозможно...

Новосочиняемый закон, хотя будет наблюдать пользу о хлебопашестве, но он наблюдение иметь будет главное государственное; к приведению же хлебопашества до намеренного конца, мне кажется, что всяк помещик, как член тела или общества, помогая главному правительству, должен, законом же обязан быть в наблюдении за крестьянами своими, чтобы они в своем упражнении прилежнее были, как и сам же он от трудов их оброк свой получать будет и ленивых понуждать может...

Крестьяне по облегчению же податей чувствительны будут к благодарности и большему усердию помещикам своим, вместо того, что ныне, в отчаянии будучи, недоброхотствуют им и, как известно, многих убивают...

Что же и леностью, пьянством и мотовством обвиняют их, крестьян, то пускай, положим, и так. Но я представляю трудолюбивую пчелу в пример: за что она трудится и кому прочит? Что она трудится часто не для себя, она того не предвидит, но приобретенное, как видно, почитает за собственное добро, что защищает его и для того кусает, жалит, жизнь теряет, как только человек или другое животное подойдет к гнезду ее.

Крестьянин же чувственный человек; он разумеет и впредь знает, что все, что бы ни было у него, то говорят, что не его, а помещиково. Так представьте себе, почтенное собрание, какому человеку ту надобно быть, чтобы еще и хвалу заслужить? И как ему быть добронравну или добродетельну, когда ему не остается никакого средства быть таким? Он в сем насилии принужден и себе недоброхотствовать, а оттого разве и пьянствовать, будучи в унынии, а не от лености, а самый бо трудолюбивый человек сделается нерадивым, во всегдашнем насилии и не имея ничего в собственности...

В сих мыслях я бы рассуждал за полезное и во всех российского государства областях разделить и отмежевать землю всем подданным, кои в слободах с владельцами живут и владеют принадлежащими к тем слободам землями вообще, для того, чтобы мужики, почитая те земли за собственный свой удел, основательнее обзаводиться и постояннее жить могли... Депутат Яков Козельский.

(Сборник Р. Ист. об-ва, т. 32).

Положение государственных крестьян[55].

Из наказа государственных крестьян Орловского уезда.

Во оном же уезде (в Орловском, Вятской губ.) имеют купцы крестьянские деревни, в коих деревнях и написаны

за теми купцами крестьяне половниками, да и тех половников написано малое число душ, а пашенной земли и других угодий с великим излишеством имеется, да и те ж половники в крестьянстве мирских служеб никаких не отправляют, и из мира за умершие крестьянские души, також и за неимущих, платежа с состоятельными подушных денег, вспомогательство не платят. И те купцы, употребляя только половников в домашних своих работах, яко крепостными, и стараются они только б был капитал свой сохранен, и видно что обогащают они себя от владения деревень и других угодий, а не от торгу; или в коих деревнях работами половничьими завели те купцы для приезда своего, яко помещики, сады, огороды и пруды. А ежели ж половники тех купцов, чем ни есть, хотя немного прогневывают словами о излишней работе, то от себя их из деревень во крестьянство без земли отсылают, а другие, хотя и с землею, но те земли приведены не к плодородию за хозяйскими работами. А особливо сбереженные прежними хозяевами леса ныне теми же купцами вырублены и привели их во опустошение, а тем купцам владеть прибытку не стало, и затем отказывают. И видя тех половников слезы, а особливо скудость, что не толко имели бы впредь к пропитанию себе хлеба, но и платье совсем ветхое, принуждены их крестьяне принять в свое смотрение...

* * *

Вышеписанные ж купцы, також некоторые тех жительств, а другие и посторонних жительств пожиточные крестьяне имеют рыбных ловель и бортных угодий по великому числу верст и, по невозможности своей те угодья самим обработать, отдают в годичные времена тех же наших жительств крестьянам с платежем им договорного оброка, и, теми угодьями владея яко помещики, собирают за те отданныя угодья договорные оброки и совокупляют свои капиталы.

* * *

В том же Орловском уезде, как выше писано, имеется не по многому числу дворов, да, и по пашенной земли против ныне состоявшейся инструкции излишества не найдется. А в прошлом 765 году, по указам из вятской про-

винциальной канцелярии, по Московскому тракту проезжая болшая дорога оставлена в сорок сажень, под которую и отведено у некоторых владельцев пашенной земли владения половина, у других и болше. А вместо той другой распахать не из чего, потому что состоят болотные да и к пашне неудобные места и затем не толко они, чтоб подушные деньги с написных душ могли продажею хлебом оплачивать, но и себе на пропитание до нового хлеба многого числа не достает, отчего и к платежу подушных денег приходят в несостояние, а по тем дорогам никаких больших проездов не бывает.

* *
*

В вышеописанном же Орловском уезде имеются слепые, дряхлые, работать ничего не могущие, которые, не имея детей, пропитание имеют подаянием-милостыней, за которых ныне и оплачиваем подушные деньги миром.

* *
*

Орловского же уезда крестьяне, по нарядам от вятской провинциальной канцелярии, каждогодно отправляют почтовые и ямские подводы на станциях на тех, на которые тою вятскою канцеляриею определены будем, и от того приходим не в состояние; потому что, например, нынешний год определимся на станции не в дальном расстоянии от своих жителств, и в трехстах верстах и более, как то и до ныне производится, и ежель на те станции крестьян ко отправлению высылать, то вовсе могут и дома их разориться.

Первое, по незаобыкности их на тех ямах как состоять, а второе, и по недостаточеству капитала хороших лошадей купить, третье, не имея в то время, где взять на оплату государственных податей да и семейства свои чем пропитывать, хлеба. Избегая всего того, принуждены, где определяется, на станции тутошних жителей нанимать, и по всем мирским людям за тот наем денежный сбор чинить, которого с каждой души сбирается в год не менее семи копеек.

* *
*

Означенные черносошные крестьяне от купечества отправлением подвод меншинством и не остались, а пла-

тежем подушными деньгами и превосходнее каждая душа пятьюдесятью копейками. Некоторые ж Орловского уезда жительства прикосновенными состоят к городу Орлову, и в тех жительствах излишка земли против душ быть неуповательно. А другие, и совсем не имея земли, живут в городе Орлове и в селах и намерены они были ремеслами своими пропитывать себя; но тех сделанных ими товаров до продажи города Орлова купцы не допускают, отчего некоторые и пришли к платежу подушных денег не в состояние.

На оные нужды, что во удовольствие просить дерзнули:

1) не дозволено ль будет оные владемы купцами деревни, за показанными обстоятельствами, во владение отдать во крестьянство, а тем бы купцам от владения отказать;

2) не приказано ль будет оные ловли и бортные угодья от купцов и крестьян отобрать, и для удовольствия всех живущих крестьян отдать крестьянским старостам, чтоб могли крестьяне иметь владения оных угодий по числу душ, а не один бы те пожиточные капиталы своих сохраняли, да и очень легко им капиталы сохранять, что берут у них угодья крестьяне ж в оброки...

7) Оные положенные оброки, на коих местах написаны души, не возможно ль будет за двойным платежем из оброков исключить, а платить одни, за написные на те ж местах души, подушные деньги...

9) Не дозволено ль будет имеющим в капиталах своих свободу во время рекрутских наборов, или хотя и по вступлении в службу, вместо себя у помещика купить и в службу ее императорского величества допустить, которые б, по возврате обратно, и опять могли б за себя подушные деньги оплачивать с крестьянами по прежнему на ряду, да и именоваться им теми же крестьянами. Но, однако, возвращать обратно в домы тех, кои не более службы иметь будут двух годов, а ежель более, то те к земледелию радетельными признаны крестьянами не уповательны, а особливо в такое долгое время, и земля, чтоб не запустела, другому владельцу отдана будет, которые на тех землях и домами построятся. И ежель возвратятся обратно, то великие могут произойтить между ими ссоры о землях.

10) за оным обстоятельством не дозволено ль будут без всякого бы в купечество платежа, как живущим в городе Орлове, так и в селах, а особливо и в деревнях, как свои рукодельные товары, так и покупные, продавать по ведомству в городе Орлове в разницу и оптом, тако ж и в протчих российских городах, и тот бы торг иметь, хотя не до многого числа рублев.

(Сборник Русского Истор. об-ва, т. 115).

Положение крестьян, приписных к заводам.

Из наказа Кунгурского уезда Пермской провинции от приказных служителей, мастеровых и работных людей, находяшихся при медиплавильных заводах графа Чернышева.

1767 года марта — дня живущие при Юговских его высокографского сиятельства Ивана Григорьевича Чернышева, состоящие в Кунгурском уезде Пермской провинции на медиплавильных заводах прихода Рождественской церкви, находящиеся по духовенству той церкви священник Петр Гаврилов сын Поднебесных, приказные служители, мастеровые и работные люди, а именно (следует 60 имен), и все Юговских заводов действительно служащие и положенные в подушный оклад. В силу манифеста, состоявшегося декабря 14 числа 1766 года, и присяжной должности, памятуя будущую жизнь, сим об'являем состоящие в народе нужды и отягощения.

А имянно:

Браны мы, именованные, в силу именных указов, из черносошных пахотных государственных крестьян в рекрутские наборы для определения в военную службу. А в силу ж указов из тех рекрутских наборов взяты и определены при разных Сибирских и Пермских казенных заводах к разным мастерствам. А иные взяты ж Сибирской и Казанской губернией гарнизонных полков из солдат, и они потому ж

к разным мастерствам определены с начала построения заводов, то есть, с 1722 года. И рождающиеся у них и у нас мужеского пола дети и определены и ныне определяются к тем же мастерствам и работам, где и находимся безотлучно. А по прежним указам до того, как мы, так и дети наши, при заводах в подушный оклад положены не были. А по состоящей недавно бывой генеральной ревизии 1747 года, мы, нижайшие, и дети наши положены в подушный оклад по 71½ коп., которые и платили, а потом окроме малолетних детей, кои еще только положены по ревизии 747 года, паки со старших служителей платеж последовал, по указу из канцелярии главного заводов правления, по 1 рублю по 12¼ копейки, по нынешнюю ревизию, то есть, 764 года, по вторую половину, а с того по ныне платим один семигривенный оклад. Да в силу Правительствующего Сената указа при заводах и фабриках, какого б чина, звания и достоинства не были, в подушный оклад, по силе прежних указов, класть не велено. Да и по нынешней ревизии, как в 5-м пункте показано, и мы ж бы положены не были. Почему те подушные деньги взыскиваются при Юговских заводах строго. А пашень для посева хлеба не имеем, да и по указам пашни иметь нам, тако ж и никакими торгами торговать не велено ни под каким видом, опасаясь за то нималого штрафа и телесного наказания, а кормиться определенным жалованьем.

А подушные деньги по той ревизии с 1747 года, тако ж накладство рекрут и драгунских лошадей, когда случаются те рекрутские наборы, вычитают у нас при выдаче. За заработные дни жалованье и, до сдачи из казенного в партикулярное содержание Юговских заводов, денежное жалованье произвожено было по чинам и заслугам, по учиненному и опробованному. Высокоправительствующим Сенатом 1737 года штату безобидно, тако ж воскресные и праздничные и высокоторжественные дни гуляли и в работах не находились. А денежное жалованье по окладам нашим на те праздничные дни произвожено было сполна. А кто от воли божией находились больны, тем произвожено на пропитание половинное. А буди кто убьется на казенной работе, и от того работать не может, и пока не выздоровеет, давали полное.

* *
*

В силу высочайшего блаженные и вечные славы достойные памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны состоявшегося в 1757 году сентября 17 дня указа, те Юговские заводы отданы из казенного в партикулярное, его сиятельству Ивану Григорьевичу Чернышеву содержание. И велено те заводы и нас, нижайших, содержать на таком основании, так как в казенном содержании находились; а поверенный от его сиятельства Ивана Григорьевича Чернышева, коллежской ассесор Федор Санников у нас, нижайших, определенные штатные оклады у всех отменил, а определил всем задельную плату, которой обходится нам каждому на работный день ниже плакатной платы. И той нам платы с женами и малолетними детьми едва на дневную самую убогую пищу достает, а в одежде и обуве претерпеваем великую завсегда нужду и недостаток, и пришли в самое крайнее разорение и нищенство. А на воскресные, праздничные и высокоторжественные дни, кто не работает, тако ж кто от воли божией или от убитья при работе занеможет, платы никакой не производят. И також и от той малодаваемой платы задолжились подушной доимкой не мало.

А графа Ивана Григорьевича Чернышева при Юговских заводах поверенные тую доимку взыскивают бессрочно, а заполнить чем не имеем, только что вчетом из заработной задельной платы.

А многие уже, так что единственно сказать за старостью и разными увечьями, в заводских и ни в каких работах быть не могут, и не работают, а кормятся милостыней. А подушный оклад, как по прежней — доимочной, так и по нынешней ревизии на настоящие годы взыскивают с нас наличных; а мы не токмо за них, но и за себя и малолетних детей платить пришли не в состояние... И тех престарелых и увечных служителей, в силу указов, надлежит от службы отставить, из коих уже во время казенного содержания заводов многие от службы за старостью и увечьями отставлены были. А Санников, не взирая на те отставки, таких определил в работы, а в работе за болезнями не находятся. И затем по нынешней ревизии писать в подушный оклад их не надлежало, а надлежало писать в отставке

и в богадельне. А сказкоподатели, по повелению поверенного ж Санникова, в нынешнюю ревизию написали годными и здоровыми в службе, а не в отставке и в богодельне. И о том подушном окладе просим, не соизволено ль будет, в силу прежних указов, как в ревизии в 5-м пункте показано, с нас снять и быть так, как по прежним указам велено.

(Сборник Русского Истор. об-ва, т. 115).

Государственные крестьяне.

Пришед же во изнеможение, оные государственные крестьяне наимывались на работу на медных, железных и прочих партикулярных, а не казенных заводах также весьма за малую цену не более по пяти рублей в год, у коих определенные прикащики из той договорной суммы наглостию своею почти по половине удерживали, а иногда и вовсе не платили, принуждая в книгах расписываться в полной сумме.

* *
*

Сверх того на оных заводах содержатся лавки, в которых продаются лапти, онучи, кафтаны и рубахи также потребной для пищи всякой харч, на коих учреждено, что почему б то в продаже ни было; оные работные, за непозволением в других местах покупать, принуждены вдвое или втрое платить или в счет вносить, а от того не только выработать для платежа подушных денег и исправить прочие свои домашние нужды, но, приумножая ежедневно на себя, долгу вечно в работе оставались.

(Из экстракта о причинах «пугачевского движения»).

Положение приписных крестьян.

За приписных в минувшую вторую ревизию велено, как штрафные деньги, так на платеж подушного окладу недоимку в силу указанного повеления взыскивать, которая якобы столь строго взыскиваема была, что, не принимая во изнеможении их никакого оправдания, чрез малое время и доправлена, отчего принуждены были лошадей и скот

хлеб и, не оставляя у себя нималого скарбу, за самую дешевую цену продавать, некоторые же по неимуществу их к платежу, быв по долгому времени в тюрьмах, умирали, и хотя недоимка и взыскана, но с немалым народным разорением.

* * *

Когда в воскресные дни давали от работы свободу, то брали, где имеются, те ж комисары, а за неимением комиссаров плотники с конного по пяти, с пешего по две и по три копейки.

* * *

Во время бытности в работе при заготовности корабельных лесов, когда бывают конные, то комисары, делая прицепки, осматривали лошадей еженедельно и брали с каждой лошади по десяти копеек и болше; а если кто толикого числа по неимуществу дать не в состоянии, то, хотя б годные и здоровые лошади были, но оным якобы за негодностию в работе быть не позволяли.

* * *

Во время оных работ те ж определенные смотрители, яко то плотники, солдаты и будильщики потому ж делали привяски и брали с каждой лошади чрез день и чрез два по копейке и по две. Буде же по неимуществу кому дать нечего, то 1-е такие тягости накладывали на десять лошадей, что двадцать с нуждою вести могут, от чего оные и вовсе лишались своих лошадей.

* * *

Когда за неудовольством от комисаров лошадей и от недачи отдыхов, а от определенных плотников по нападкам, а потому и от весьма тяжелых запряжек в корень обессилившись совсем пропадали, то оные принуждены наймывать и платят в самое зимнее время по пятнадцати, а в вешнее по двадцати копеек на день, от чего оные уже совершенно нищими в домы свои возвращались.

* * *

Оные плотники во время тех работ с пеших с каждого человека брали по копейке и по две на неделю, а кто дать не в состоянии, то рубили у тех татар топоры: топор об топор, но как на оных сделаются язвиня, то об'являли якобы не годны.

* *
*

Во время отпусков с работы, при даче за работные дни квитанций, определенные комисары и при них писари брали в каждый месяц по копейке и по две с человека, а когда отдавали те квитанции по окончании всей работы, то брали по десяти копеек.

* *
*

Посланные от Казанской адмиралтейской конторы плотники и облащики для обыску дубовых лесов, которые требовали от близ живущих крестьян денег, устращивая их написанием годного лесу, почему зная, что во время заготовления им происходить может немалые убытки, то давали им с каждого жила рубля по два и по три.

* *
*

А когда при том обыске усмотрят в жительстве хотя малое, что сделанное из валежного и негодного дубу, то делали потому ж прицепки и устращивали следствиями и брали денег также рубли по три и по четыре.

(Экстракт о причинах «пугачевского бунта», предст. Екатерине II. Из дел о движении Пугачева).

Положение иноверцев.

Из наказа Пензенской, Сарайской и Петровской провинций, от новокрещен из Мордвы и Чуваш.

В силу е. и. в. высочайшего манифеста, публикованного в народ декабря 14 дня 1766 года, выбран я из мордвы, новокрещен Федор Матвеев, Пензенской и Сарайской и Петровской провинций от новокрещен, мордвы и чуваш, к сочинению пректа нового уложения, по данному мне от мирских людей наказу, усмотрел сверх того наказа самую надобность нижеследующее.

* *
*

Не повелено ль будет е. и. в. из высочайшего матерного милосердия нам всем, новокрещенным и ясашным, быть вечно государственными ясашными крестьянами, и определить во взыскании подушного с нас по окладу платежа

и прочих податей, и в разбирательстве между нами происходимых ссор и других непорядках государственно—ясашный суд, да выбрать с государевых ясашных крестян, а не помещику или дворянину нас судить, ибо наши обиды помещиковыми крестьянами много бывают.

* * *

Жалованными предками вашими и. в. дедам и отцам нашим старинной еще повочены по урочищам и по старым признакам мордвам многие помещики, не боясь господа бога и не страшась прав е. и. в. указов, насильством своим у нас, у новокрещен, завладели без всяких крепостей; а прочие уже, под видом якобы своей крепостной, и отмежевали; до владения, и до пахания, и до покосов, и до лесов той земли не допускают и захватя бьют до смерти. И на тех наших крепостных дачах других и с места сбили, усильством же построили мельницы и винокуренные заводы. А мы бедные, яко бесгласные, принуждены земли наймовать; и чинят оные помещики нам неописанные изнурительные разорения так бесчеловечно, что уже своего скарбишка лишаемся напрасно, отчего пришли в разорение, что уже на платеж податей принуждены занимать. И видя нас в бедном состоянии, в заем никто не дает, зачем принуждены жен и детей закладывать, а другие и ныне не могут откупить от процента...

* * *

Жалованы мордовским мурзам четвертные пашенные земли и всякие угодья по равному числу на человека четверти. Из тех мурз у другого имеется после того времени родившихся детей человек до шести и более, а другой совсем одинок—владеет те же четверти, а подушные и всякие подати платят по равному числу, отчего между ими чинятся ссоры и драки, и от той ссоры просят в судебных местах, толко удовольствия получать не могут, толко ко одному разорению чинится. В городах у князей, и мурз, и у татар, и у мордвы, и у чувашей, и у черемисы, и у вотяков, и у башкирцев—боярам окольничам и думным людям, и столникам, и стряпчим, и дворянам московским, из городов дворянам и детям боярским, и всяких чинов русским людям поместных и всяких земель не покупать

и не менять, и в заклад, и в наем на многие годы неймать. А будет которые московские из городов дворяне и дети боярские и всяких чинов люди учнут в городах у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у всяких ясашных людей земли имать сдачею или покупать, или в заклад, или в наем на многие лета имать, или менять, и у тех всяких чинов людей татарские поместные ясашные земли имать на государей, да им же за то от государей быть в опале.

* * *

Всякого чина люди, как сухим, так и водяным путем торгуют хлебом и всякими припасами и всякими розницами мелкими товарами, скотом, медом и воском. А нас бедных, как до купки, так и до продажи того, купечество не допускает, и чрез приметки свои чинят нам всякие обиды.

* * *

Не повелено ль будет нам, ясашным крестьянам, по старым крепостям земли и сенные покосы, и лесные угодья; а помещиковых крестьян с государственных и ясашных земель их снести, и мельницами на государевых ясашных дачах, чтоб ни помещику ни крестьянину им не владать.

* * *

Ездят штаб и обер-офицеры большою командою по нашим деревням для покупки на полки лашадей и насильством своим берут у нас и всякий с'естной харч и на лошадей фураж без всякого денежного платежа. А в небытность нашу и иногда в домах то жен и детей, требуя от них того харча, бьют немилостиво, и наконец того принуждают нас к подписке, что якобы оных нам никаких обид не чинили. Почему в таком случае и находим себя принужденными по принуждению их подписываться.

* * *

А когда помещики станут от нас землю отнимать, и то мы не станем допускать, и то они на нас просят у судей, якобы его крепостная дача. И те судьи из наших жительств забирают много людей, человек по десяти и по двадцати и по тридцати, и сажают нас в приказ и в тюрьму, и бьют немилостиво, и морят нас бедных месяца по два

и по три и по году, и поневоливают безвинно мириться. И мы бедные безгласные, видя себя, чтоб государственных податей и доходов остановки б не было, принуждены и безвинно мириться.

(Сборник Русского Истор. об-ва, т. 115).

Положение иноверцев по официальному обследованию о причинах Пугачевского движения.

Они ж проповедники, разведав достаточных из оных же новокрещен жителей, будучи в тех проездах, делая прицепки, якобы необходимо знать надлежит молитвы, кои они и обучаться принуждали, верую во единого бога отца, отче наш, помилуй мя боже и прочие; а как оные новокрещены, так и жены по русски говорят весьма худо, а иные и вовсе не знают, то и сии молитвы по старости их и по непонятию на память перенять не могут (что не только от них, но и от самих российских христиан, не знающих грамоте, сие было взыскуемо того не слышно); за что они, устращивая их новокрещен, якобы за непонятие и особливое упрямство, взятьем и содержанием в городе для оного обучения под караулом, почему те новокрещены по совершенному чистосердечию, и по утропленности их давали им денег по немалому числу и прочим, что они проповедники потребуют.

* *
*

Те ж проповедники, будучи в проездах своих в тех же новокрещенских жительствах, выбирали потому ж достаточных жителей и, приметя у них хороших лошадей, пчел, скота и прочая, если те новокрещены не остерегутся, то стоящие в передних углах на полках образа оборачивали вниз ликом, также и в постные дни в пищу им вкладывали мясо. А после, сделая привяску, якобы они новокрещены законопреступники, и угрaживали их взятьем в город для жесточайших распросов; за что брали также деньгами и по выбору лошадьми и прочим, что они хотели. Кои (новокрещены), не имея никакого защищения и помощи, отдавали им все, а чрез то приходили до совершенного раззорения.

* *
*

Они ж проповедники и помощники, ездя по новокрещенным жительствам, тех, кои еще и по ныне не крестились, не чрез проповеди слова божия оных приводили в закон, но совершенным разорением; а именно: окна и двери рубили, печи и трубы ломали, били плетьми без всякого милосердия и сему подобные дела делали.

* *
*

Буде же кто креститься не желает, а по требованиям проповедников дать не в состоянии, то во время их ра'ездов (проповедников), лишась своих домов, разбегиваются в леса; если же требуемое число, смотря по пожиткам кто даст по рублю, по два и более, тогда принуждение сие оставляют, но не более как на пол года, а иногда и меньше.

* *
*

Когда они ж проповедники вторично по тем же жительствам поедут, уже креститься не принуждают, а наистрожайше повелевают, дабы оные крещеные строение свое перевозили в другие места, и с некрещеными в одном жительстве не жили. Но как также по рублю с двора и более, смотря по пожитку, оберут, то тот год принуждение свое и в том оставляют, почему ежегодный побор от них проповедников происходит.

* *
*

Оные ж проповедники, бывая у тех новокрещен в среду и в пяток, также и в посты, домогаясь, выспрашивают, не едят ли мяса; и хотя оные новокрещены, зная, что и за сие от них между прочим чинятся привяски, и в неведении того с клятвою об'являют; однако, не уверяясь сему, ходя по клетям, осматривают; и если у кого найдут оставшие от мясоеду початые крынки с маслом, ветчину, а от прошедшего дня вареное мясо и прочее, делая посягательство, все оное и что им сверх того потребно, обирали.

* *
*

Если же оные проповедники, по сему их намерению, ничего во изобличение найти не могут, тогда, имея при себе нарочно для сего опыту изготовленной табак, размешивая в воде, принуждают пить. Но как оного натура чело-

веческая снести не может, а иногда и от прошедшего дня от несварения желудка чрез сие рвотное, хотя мало что приметить могут, уже не принимая никакого оправдания, яко от изобличенного, устращивают, бив без всякого милосердия, брали деньгами скотом и прочим.

* *
*

Оные же чуваша и черемиса, пришед в совершенную бедность для платежа подушных и прочих необходимых им надобностей, заимывают денег, кои платят за рубль по гривне на неделю проценту или зарабатывают у тех заимодавцов не более трех рублей в год, начитая проценты почти вечно лишась своих домов, у оных живут.

(Экстрак о причинах «пугачевского бунта», предст. Екатерине II.
(Из дел о движении Пугачева).

Положение рабочих.

Его сиятельству высокопревосходительнейшему господину генерал аншефу и всех российских орденов кавалеру графу Петру Ивановичу Панину содержателя синбирского купца Андрея Михайлова сына Воронцова бумажной его в Синбирском уезде Талской фабрики от мастеровых же людей Назара Яковлева, Никифора Никитина, Кузмы Семенова, Ивана Васильева.

Покорнейшее доношение.

Отцы наши безгласных находились при той Талской бумажной фабрике, при бывших содержателях компанейщиках нижегородцах Еремее Масленникове с товарыщи, при коих по силе состоявшегося блаженные и вечной славы достояные памяти государя первого императора Петра Великого высокого сената из конторы в прошлом 1729-м году марта 27 дня указу, те отцы наши получали на той фабрике против санктпетербургского окладу каждой человек, а именно: мастеровые Григорей Носов, Сафрон Осокин, Василий Коротков деньгами по два рубля по пятидесят копеек, хлебного— муки по полуосмине, круп по малому четверику, соли по два фунта; мастера ж Евсевей Ходяков, Никита Круглов

по два рубля, а хлеба, муки, круп и соли против вышеписанного ж числа на месяц; а по смерти оных компанейщиков Масленниковых по сдаче от них нынешнего содержателя Воронцова отцу его Михайле Иванову сыну Воронцову, а по смерти та фабрика ныне по наследству за оным Андреем Воронцовым, у коих Воронцовых прежде сего происходила нам безгласным мастеровым главному мастеру деньгами по одному рублю, другим по художеству их по семидесят по пяти и по пятидесят копеек, хлебного—муки по два пуда, круп по одному гарнцу, соли по два фунта человеку на месяц, и то выдавано было с великою от нас просьбою. А ныне оной наш хозяин Андрей Воронцов, неведомо для чего вышедшего 1774 года денежного за три, а хлебного за пять месяцов ничего нам безгласным для пропитания нас тако ж и жен и детей наших не выдает и привел нас со всем нашим семейством ныне уже с той фабрики скитаться по разным жительствам и кормиться мирским подаянием; да и за нынешним неурожаем по власти божией хлеба за неподаянием той милостыни помираем мы все голодною смертию. А ко оному хозяину своему Андрею Воронцову для прошения у него предписанных заработчих нами, как денег, так муки и круп и соли с просьбою о том в дом его, когда не придем, но он велит нас безгласных из двора своего палками сгонять, а денег и хлеба за прошедшие месяцы ничего нам не выдает, отчего уже мы безгласные по нестерпимости нашей, а паче от голоду пришли мы ныне в отчаянное свое житие и помираем мы со всем своим семейством голодною смертию.

Того ради вашего сиятельства слезно просим, дабы мы безгласные за нынешним неурожаем хлеба а паче за невыдачею нам для пропитания нашего с женами нашими и малолетними детьми за прошедшие месяцы денежной и хлебной нам платы не помереть бы нам голодною смертию и неразбрестись бы с той фабрики по разным жительствам, и для того оного содержателя Андрея Воронцова к вашему сиятельству милостивым вашим определением повелено б было сыскать (ибо он ныне в Синбирске) и во удовольствии нас на той фабрике в силе законов учинить с ним, как указы повелевают и о всем милостивую резолюцию учинить.

Декабря   дня 1774 года.

К сему доношению вместо Назара Яковлева, Никифора Микитина, Кузьмы Семенова, Ивана Васильева по их прошению синбирской посадской человек Андрей Кузнецов руку приложил.

С боку приписано: просит в провинциальной канцелярии, а ей сделать указное рассмотрение и распоряжение.

(Из дел о движении Пугачева).

Положение „работников“.

На машинных судах у наемных работников определенные командиры из договорной цены делали великие вычеты, принуждая расписываться в книгах в получении полного числа; а как оным работникам не только для исправления их нужд, но и на пищу уже доставать не может, то во время сплаву судов за чинимые от них обывателям обиды воровство и самовольные взятки, хотя и видев оное, все никакого строгого смотрения не имели и штрафов не чинили.

(Из Экстракта о причинах «пугачевского бунта», предст. Екатерине II. Из дел о движении Пугачева).

Положение помещичьих крестьян.

О приеме Адмиралтейской Коллегии присылаемых от помещиков для смирения крепостных людей и об употреблении их в тяжкую работу.—1765. Генваря 17.

Об'является во всенародное известие. По высочайшей ее императорского величества конфирмации, воспоследовавшей сего Генваря 8 дня на поднесенный от Сената доклад, повелено, буде кто из помещиков людей своих, по продерзностному состоянию заслуживающих справедливое наказание, отдавать пожелает для лучшего воздержания в каторжную работу, таковых Адмиралтейской Коллегии принимать и употреблять в тяжкую работу на толикое время, на сколько помещики их похотят, и во всю ту оных людей

в работе бытность довольствовать пищею и одеждою из казны равно с каторжными; когда ж помещики их пожелают обратно взять, то отдавать им беспрекословно, с тем только, если таковые по бытности своей в работе положенного платья и обуви срока не выносят, то оное от них отбирать в казну.

(Памятники по истории крестьян XVI—XIX в.в., № 87).

О бытии помещичьим людям и крестьянам в повиновении и послушании у своих помещиков, и о неподавании челобитен в собственные ее величества руки.—1767 г. Августа 22, Сенатский.

Во всенародное известие. Хотя по высочайшей ее императорского величества конфирмации обнародованным от Сената Генваря 19 дня прошлого 1765 года указом, в подтверждение многих прежде изданных, и об'явлено, дабы никто ее императорскому величеству в собственные руки мимо учрежденных на то Правительств и определенных особо для того персон челобитен подавать отнюдь не отваживался, под опасением предписанного в оном указе наказания, а именно: когда кто не из дворян и неимеющих чинов осмелится высочайшую ее величества особу подачею в собственные руки челобитен утруждать: то за первое дерзновение отсылать таковых в работу на каторгу на месяц; за второе, с наказанием публично, отсылать туда же на год, возвращая оных по прошествии срока на прежние жилища; а за третье преступление с наказанием публично плетьми ссылать вечно в Нерчинск, с зачетом крепостных помещикам их в рекруты. Но ныне, не взирая на то, дворовые люди и крестьяне генерала Леонтьева, генеральши Толстой и подполковника Авраама Лопухина и его братьев, отважились нарушить оный обнародованный указ подачею ее императорскому величеству в собственные руки на помещиков своих челобитен, не токмо противных изображенному в 13-м пункте 2-й уложенной главы закону, но и вовсе оным недозволенных, как то в упомянутом уложенном пункте именно напечатано: „А будет учнут извещати про государское здоровье, или какое изменное дело чьи люди на тех, у кого они служат

или крестьяне, за кем они живут в крестьянах, а в том деле ни чем их не уличат: и тому их извету не верити; и учиня им жестокое наказание, бив кнутом нещадно, отдати тем, чьи они люди и крестьяне; а опричь тех великих дел, ни в каких делех таким изведчикам не верити". И хотя во исполнение выше изображенных законов, некоторые из помянутых преступников за сие их дерзновение здесь в Москве на разных площадях, а достальные в их жилищах публично и жестоко на теле все наказаны, причем помещикам отдано на их произволение, к себе ли их по наказании обратно взять пожелают, или согласятся, чтобы оные отосланы были в казенную работу в Нерчинск? Равномерно и прочие их сообщники, как то и бригадира Дмитрия Олсуфьева и братьев его дворовые люди и крестьяне, через посланные команды, все приведены в должное помещиком своим послушание. Но как из обстоятельств сего дела усматривается, что таковые преступления большею частью происходят от разглашения злонамеренных людей, рассевающих вымышленные ими слухи о перемене законов и собирающих под сим видом с крестьян поборы, обнадеживая оных исходатайствовать им разные пользы и выгоды, которые вместо того теми поборами корыстуются сами, а бедных и незнающих законов крестьян, отвратя их от должного помещикам повиновения, приводят в разорение и в крайнее несчастие. Чего ради Правительствующий Сенат, по возложенной на него от ее императорского величества доверенности, имея попечение о сохранении в государстве установленного порядка, а особливо пользы тех, кои, не имея достаточного о узаконениях знания и уверяясь по простоте своей таковыми вымышленными от злонамеренных людей слухами, слепо оным последуют, а через то впадают в неизбежную погибель, запужное почел сим ее императорского величества указом еще обнародовать, чтоб помещичьи люди и крестьяне подобным сему ложным разглашениям ни под каким видом не верили, но имели бы к помещикам своим должное повиновение и беспрекословное во всем послушание; как о том издревле от самодержавных предков ее императорского величества узаконено, без всякой отмены, повелевая таковых, кто отважится возмущать людей и крестьян к неповиновению их помещикам, тотчас брать под караул и приводить в бли-

жайшие присутственные места, которым без продолжения времени поступать с ними по указам, как с нарушителями общего покоя, без всякого послабления. А буде и по обнародовании сего ее императорского величества указа которые люди и крестьяне в должном у помещиков своих послушании не останутся, и в противность вышеизображенного 2-й уложенной главы 13 пункта недозволенные на помещиков своих челобитные, а наипаче ее императорскому величеству в собственные руки подавать отважатся: то как челобитчики, так и сочинители сих челобитен наказаны будут кнутом и прямо сошлются в вечную работу в Нерчинск, с зачетом их помещикам в рекруты. А для повсеместного о сем сведения и исполнения сей указ с получения оного чрез целый месяц в каждом месте в праздничные и воскресные дни, а по прошествии месяца ежегодно по одному разу во время храмовых праздников читать по всем церквам, дабы никто неведением отговариваться и в подобное сим последним преступникам несчастие впасть не мог.

(Памятники по истории крестьян, № 89).

Появление Пугачева.

1774 года маия 10 дня Яицкого войска отставной казак Денис Пьянов раскольник, которой у злодея Пугачева был из числа любимцев в секретной комиссии допрашиван и показал.

Прошлого 772 года ноября 22 числа приехал к нему Пьянову в Яицкий городок в дом с Иргизу из Мечетного знакомой ему мужик раскольник Семен Филиппов для продажи хлеба и с ним незнаемой ему человек, который назывался купцом, а имя ему Емельян Иванов сын (прозвания тогда не сказал), и жили у него, Пьянова в доме семь дней. А как в то время на Яике слышно было, что в Царицине явился какой-то царь, почему он Пьянов из любопытства спрашивал Емельяна Иванова о причине оного, на что Емелька отвечал: это де правда и тот есть подлинно царь Петр Федорович, и хотя его в Царицине поймали, однако ж он ушел, а вместо его замучили другого; на то Пьянов говорил, как этому статься, ведь Петр Федорович умер?

А Емелька говорил: не правда, он так же спасся и в Петербурге от смерти, как и в Царицине. И так он Пьянов много усумнился, однако ж вдаль любопытствовать не стал, потом начался разговор другой, и говорил Емелька, как де вам Яицким казакам не стыдно, что вы терпите такое притеснение в ваших привелегиях; на что Пьянов говорил: что ж делать, так видно тому и быть. А на то Емелька говорил: не лучше ль вам вытти с Яику в турецкую область на Лобу реку; а на выход я вам дам денег на каждую семью по двенадцати рублей, и сказывал при том, что на границе оставлено у него до двух сот тысяч рублей, да на семьдесят тысяч товару, из которых де если Яицкое войско согласится бежать, то коштовать будет. А как Пьянов в том усумнился и спросил Емельку, где ты деньги возьмешь и что подлинно за человек, на то Емелька отвечал, я де заграничной торговой, по приходе за границу встретит всех вас с радостию турецкой паша, и если де придет еще нужда в деньгах войску на поход, то паша даст еще хотя и до пяти миллионов рублей.

(Из показаний Пьянова. Из дел о движении Пугачева).

Пугачев и казачество.

Показание о Пугачеве секретаря Пугачевской военной коллегии Максима Горшкова.

Горшков сперва в допросе своем показал следующее.

Во время бытия иха в злодейской толпе в Берде на масленице пришед к нему в квартиру самозванцовой толпы сотник Яицкой казак Тимофей Мясников и, будучи несколько пьян, зазвал его к себе в квартиру, где подчивал пивом; и как тут с ним понапились, а он уже и гораздо сделался пьян, тогда зашла у них не упомнит к чему речь о атамане Овчинникове. Мясников зачал его бранить, сказывая: смотри де, пожалуй, прежде сего Овчинникова и черт не знал, а ныне, в какую большую милость вошел государеву и сделался над нами командиром, так что и слова уже не даст нам выговорить и ни за что нас не почитает.

А, вит де, мы государя то нашли, и мы его возвели, а в те де поры етаких Овчинниковых и в глазах не было, а ныне де он, то есть, самозванец изволит жаловать больше его и других подобных ему незнаемо за што, а нас оставляет. Тогда он Горшков, осмелившись, вопросил его Мясникова, много ль вас в те поры было, и где и как вы его нашли? На то Мясников ему отвечал: а вот де, каким образом мы его нашли: ездил де я на охоту за сайгаками на речку Талавую с казаками нашими Иваном Чикою, он же Зарубин, Короваевым и Шигаевым; а приехав к реке, увидели стоящую на берегу раскинутую палатку и подле нее лошадь, с телегою; а подъехав к той палатке, мы спрашивали, что тут за люди стоят. Когда вышедшей неведомо какой человек в посконной рубахе и в крестьянском платье сказал, что он донской казак Емельян Пугачев едет из Казани, сам друг; и по многим с ним разговорам открылся нам, что он содержался в Казани под караулом, и от туда ушел, и теперь, скитаясь по степям, ищет себе убежища укрываясь, от строгих поисков. А каким случаем ушел из под караула, того не сказал; тогда де мы по многим советованиям и разговорам приметили в нем проворство и способность; вздумали взять его под свое защищение и его сделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев, которых видь правительство давно старается у них переменить введением к ним нового, какого-то штата, на основании военного, чего они никогда не хотели принять. И хотя де по бывшим у нас на Яике происшествиям принуждены мы остаться без всякого удовольствия, как может быть думают в спокойном духе, однако ж искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор, пока изобрели удобной к тому случай и время. И так для сих-то самых причин вздумали назвать сего Пугачева покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все наши прежние обряды, какие до сего были, а бояр, которые больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить, надеясь на то, что сие наше предприятие будет подкреплено, и сила наша умножится от черного народа, которая так же вся от господ притеснена и в конец разорена.

(Из дел о движении Пугачева).

. . . .

Яицкой казак Иван Зарубин, по празванию Чика, названный от самозванца графом Чернышевым, в коммиссии 1774 года сентября дня показал:

. . . .

. . . . В 1772 году был он Зарубин для ловли зверей от праздника Покрова Богородицы даже до Николина дни на степи, простирающейся от их городка Яика, а потом приехав на свой хутор, состоящий от Яика в двадцати верстах, и как его Зарубина хутор поставлен близ хутора ж на Пещаном озере, принадлежащего яицкому казаку Никифору Гребневу, то пошел он Зарубин поить лошадей и попался ему на встречу означенной Гребнев, который шел от казака Ивана Шурыгина из хутора и начал говорить: слышал ли ты вести, то он Зарубин спросил что за вести, отвечал Гребнев: вести добрые, а слышал де я от Григорья Закладнова, бывшего с ним для ловли зверей, что приезжал на умет в осеннее время к Ереминой Курице купец, и Григорий Закладнов, бывши тут же на умете, с ним разговорился. И стал де купец спрашивать, какие вам казаки есть обиды и какие налоги, и Закладнов рассказывал ему де какие их обиды от командиров наших. После чего тот купец просил его Закладнова, чтоб проводил его до умету Михайлы Пономарева, которой от Яика (верстах в двадцать). Почему Закладнов и проводил его до того умета и, заезжал ли он к Пономареву или нет, не сказал, а только выговорил де, что поедит в Яик для покупки рыбы и приказывал мне, что, когда он из Яика возвратится назад на умет к Ереминой Курице, то хотел за ним прислать, чтоб Закладнов к нему приехал. Потом означенной купец, возвратясь, послал Еремину Курицу сыскать Закладнова; и Закладнов приехал, на умете с купцом ночевал и потом зачал распрашивать, скажи де ты нам правду, что ты за человек, на то самозванец ему отвечал: ну, друг мой, господин казак, я де скажу тебе сущую правду, ты меня признавай государем; а я не для рыбы вашейездил в город, а только приглядеть ваши обряды, и какие командиры вам делают обиды. Когда ж его Закладнов спросил, у кого де ты был в Яике, то он сказал, — я де стоял в доме у Дениса Пьянова. И Закладнов стал ему на то говорить, что де, батюшка, обиды нам делают великие

наши командиры, нас де бьют и гоняют, жалование наше затаивают и тому уже шесть лет—государыня де наше жалование жалует, а они незнаемо куда употребляют, и сколько теперича уже перебито и померло наших казаков, а кто де только о жалованье станет говорить, то сажают под караул без государева указу и в ссылки рассылают, и государыня де о том не знает, и с своих командиров выбирают, у нас де прежде сего не было пятидесятников, а теперь де и оные завелись, так мы де теперь и опасны, прежде де в сотне, то был один сотник, а ныне де все новые. И так поговоря, самозванец с Закладновым поехал с умета на Иргиз, сказавши им, ждите де меня, весною я де к вам буду. . . . . . .

* * *

. . . . . мы же де казаки войсковой стороны все уже о том думали и дожидались весны, где ни сойдемся, говорили войсковые все: вот будет государь и, как приедет, готовились его принять, но все де то время его у нас не было, и где находился не знает и ни от кого не слыхал. . . .

* * *

. . . . . приехав (на Яик), он Зарубин пришел к Короваеву и стал ему говорить, чтоб он сказал правду, что дескать это за человек, которого они за государя почитают; на что он отвечал: глупой де ты человек, разве де ты не слыхал, что и прежде давно идет молва у нас в городе, что он государь. А как, не уверясь на том, стал Зарубин ему Короваеву докучать, скажи де мне и откройся, пускай вы знаете об нем, ведь де и я никого не вынесу, ныне де дело будет общее, а притом, выводя Караваева из ума, сказал ему так: ну что ты Денис таишь от меня, ведь он мне сам открылся что донской казак (злодея донским казаком намекнул он Зарубин наугад, потому что за год до сего времени был у них на Яике слух такой, что в Царицине один донской казак также назывался государем Петром Федоровичем и был оной пойман, но из под караула ушел, а потому и думал он Зарубин, что ни тот ли самой и у них явился, ибо он о самозванце по подлому его состоянию усумнился, чтоб он подлинной был государь). То Короваев стал прежде увещевать его: ну слушай, брат

Чика, не сказывай де ты ни отцу, ни матери, ни жене, ни детям, ни посторонним людем и дай де мне в том пред богом клятву, почему Зарубин и обещался, а Короваев стал говорить, что это де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит нам; де все равно, лишь быть в добре. И он Зарубин, услыша, положил о том, что так тому и быть, ибо всему войсковому народу то было надобно . . . .

* *
*

. . . . . в оное время Пугачев зачал о себе Зарубину рассказывать, вот де, детушки, я страдаю уже двенадцать лет и был де я у черкасов на Дону и по России во многих городах, то примечал, что везде народ разорен, и вы де также терпите много обиды и налог, на что и он Зарубин отвечал: как де нам разоренным не быть, рассказывая всю тягость и налоги от командиров и о тяжбе между собой, а злодей говорил, что он о всем том слышал и всегда де так бывает, как де пастыря не станет, то всегда народ пропадает: как де был государь то все де крепко да хорошо было, причем Зарубин и стал ему говорить: как де батюшка, скажи де сущую правду про себя: точно ли ты де государь? Самозванец отвечал: точной я де ваш государь; а Зарубин на то говорил, ведь де нас, батюшка, несколько теперь только двоечка, мне де ведь Короваев рассказывал о тебе все точно, какой ты человек; на то Пугачев спросил, что же тебе Короваев-от о мне сказал, Зарубин и начал говорить от людей де утаишь, а от бога ведь не утаишь, ты де донской казак на что Пугачев сказал: врешь де дурак, то Зарубин говорил, я де в том Короваеву дал клятву, чтоб никому о том не сказывать, так теперь тебе де, батюшка, даю, ведь де мне в том нужды нет, хоша де ты и донской казак, только де мы уж за государя тебя приняли, так тому де и быть; выслушав сие, злодей ответствовал, ну коли так, то смотри же держи втайне я де подлинно Емельян Иванов не потаил де я о себе и сказывал Короваеву, Шигаеву, также Пьянову . . . .
. . . .

(Из дел о движении Пугачева).

Личность Пугачева.

1774 года маия 8 дня в присутствии секретной комиссии Яицкого войска казак Максим Григорьев, сын Шигаев, которой у злодея лжесамозванца Емельки Пугачева находился главным толпы его словесным судьею, и в Елецком городке показал следующее: . . . . самозванец наречие имел чистое, а иногда, пришибаясь, употреблял речи на подобие донских казаков, как то например: „погоди трохи", и тому подобное. Самозванец никаких прежде знаков на себе не носил, а отличался от прочих богатым казачьим донским манером платьем и убором лошадиным, то ж отменными от всех поступками, как-то, легкостью походки, бодростью, отменным станом и прищуриванием одним глазом, но которым не упомнит. А когда он приехал с Яику в первую или во вторую поездку, то привез оттуда красную ленту такую, какую он Шигаев, будучи в Петербурге, на генералах видал. И ту ленту надевал он на себя под кафтан при нем Шигаеве раза с четыре, также с Яику привез самозванец и печать серебреную большую, на которой вырезана была его персона, но кто ему ее делал он Шигаев не знает, так же было названной его коллегии и другая печать с российским гербом, но где оную взяли, он Шигаев не знает. Когда у самозванца глаза болели, то он носил на глазах сетку сплетенную из лошадиных черных хвостов, которую после и он Шигаев за болью же глаз несколько времени носил. Умел ли самозванец грамоте, или не умел— он Шигаев подлинно сказать не может, но видал, что он, на подаваемые ему письма, глазами смотрел и после другим читать отдавал, а равно видал он и то, что самозванец иногда чертил пером по бумаге, но так ли просто марал или писал что, он Шигаев не знает, потому что грамоте сам не умеет. Когда ссыльной Хлопуша из Оренбурга прислан был к самозванцу с какими-то письмами, то самозванец уговаривал оного принять его службу, и дал сколько то денег; но вскоре потом, не упомню от кого-то, донесено было на него самозванцу, что он прислан из Оренбурга с тем, чтоб его убить, за что самозванец и хотел было его повесить; но как Хлопуша в том не винился, то он Шигаев, сидя с ним прежде в Оренбурге в тюрьме и знав, что он

человек проворной, упросил самозванца, чтоб не вешал. И самозванец, простя его, посылал, как человека проворного, на заводы для уговаривания крестьян на свою сторону и после сделал оного Хлопушу над заводскими крестьянами полковником и получал от него с заводов пушки и разные добычи и провиант.

(Из дел о движении Пугачева).

Программа Пугачева.

Самодержавного императора Петра Федоровича Всероссийского
и прочая и прочая и прочая.

Сей мой имянной указ Яицкому войску старшине Мартимьяну Бородину и всем и всем старшинам, и казакам, и всякого звания люди имянное мое повеления; как дяды и оцы служили мне великому государю верно и неизменно до капли своей крови; второе, когда вы исполните мое имянное мое повеления и за то будите жалованы крястом и борадою, рякою, землею, травами, и марями, и денежным жалованьям, и хлебным правиянтом, и свинцом, и порахом и вечною волностию, и повеления мое исполнити со усердием ко мне приизьчайте, то совершенно меня за оное приобрести можете мою монаршескую милость, а ежели вы моему указу противитця будите, то в скорости восчювствовати на себя правидный мой гнев власти всевышнего создателя нашего, и гнева моего избегнуть ни может, никто тебя о сильные нашей руки защитить не может.

Велики государь Петр трети всероссийской.

* * *

Указ его императорского величества самодержца всероссийского Петра Федоровича
и прочая и прочая и прочая.

Всех моих верноподданных рабов желаю содержать в моей яко то от бога дарованной мне милости; всякого человека тех, которые ныне желают быть в моим подданстве и послушании по самопроизвольному желанию; а естьли

кто сверх сего моего до всего народа чинимого милосердия останется в своем недоразумении, тот уже напоследок восприимет от меня великое истязание и ничем себя не защитит. Сверх же сего и те, которые, как прежде услуги приносили неизменные деду моему императору Петру первому такие, что за его императорское величество до жизни своей пребывали в неисчерпаемых службах, за что и воспринимали немалые награждения и похвалы, но и ныне, кто таковые мне будет приносить неизменные услуги, а заслуга и я про тех всеусердно слышать желаю и без награждения никого не оставлю за те их услуги. И естьли, кто ныне познает сие мое оказанное милосердие действительно, я уже вас всех пожаловал сим награждением землею, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами и протчими угодьями, также волностию; сверх же сего, как от бога дарованной мне власти, обещаюсь, что впредь никакого уже вы отягощения не понесете, а естьли кто не будет наше, мое воздаваемое милосердие смотреть, яко то помещики и вотчинники, тех, как сущих преступников закона моей императорской (власти), лишать их всей жизни, то есть казнить смертно, а домы и все их имение брать себе в награждение; а все оное их помещиков имение и богатство, также явство и питие было крестьянского кошта, тогда было им веселяе, а вам отягощение и раззорение; а ныне же я для вас един ис потерянных обявился, и всю землю своими ногами исходил, и для дарования вам милосердия от создателя создан; то, естьли кто ныне понять и разуметь сие может о моем воздаваемом вам милосердии, и всякой бы, яко сущей раб мой, меня видеть желает. Но однако ж ныне еще не столько мне доброжелателей, как сколько общего покоя возмутителей и ненавистников. Ныне же всемогущий господь неизреченными своими праведными судьбами паки возведет нас на всероссийский престол, то уже не один без отмщения против их оказанного до меня злодействия не останется и тогда всякой познает тягость своего преступления; а хотя и восхощет обратиться к законному повиновению ти будет стараться, и поспешествовать, и приносить неизменные услуги, но только ничего принято не будет тогда уже, и воздохнет из глубины сердца своего, и воспомянет всемирное житие свое, да уже возвратится будет тогда никак нельзя.

А кто ж сей мой милостивый указ получит в свои руки, тот же час как из города в город, из жительства в жительство, пересылал и об оном моим чинимом ко всему роду человеческому милосердии обяснял и всемирное житие воспомянул, как оное ныне также и впредь вышеиз'ясненное будет и всем полезно.

На подлинном написано собственною его императорского величества рукою тако: Император и самодержец всероссийский третий Петр.

* * *

Указ я во свете всему войску и народом урождены велики государь, явившейся ис тайного места, прощающей народ и животных в винах, делатель благодеяния, сладоязычной, милостивый, мяхкосердечный российский царь имиератор Петр Федорович во всем свете волны в усердии чисты и разного звания народов самодержатель

и прочая и прочая и прочая.

На сем свете живущему в городах и крепостях мне подданному, благодетельному и продерзательному народу з домашними, то есть детьми и женами, об'является сии мои указы во всех сторонах, как то: на всех дорогах, местах, на деревнях, перекрестках, и улицах публикуются за нужное. Нашел я желающим меня показать и, для отворения на сих днях пространно милостивой моей двери, послать нарочного и башкирской области старшинам деревенским, старикам и всем малым и большим. Так как гостинец, посылаю мои поздравления. Заблудшие, изнурительные в печали находящияся, по мне скучившиеся, услыша мое имя ко мне итьти, у меня в подданстве и под моим повелением быть желающе: без всякого сумнения идите; и как прежде сего ваши отцы и деды моим отцам и дедам же служа выходили против злодеев в походы, проливали кровь, а с приятелями были приятели, так и вы ко мне верно, душевно и усердно, бессумненно к моему светскому лицу и сладоязычному вашему государю для походу, без измены и применения серцов и без криводушия в подданство и в мои повеления. А особливо первая надежда на бога на сем свете. Мне,

вольному вашему государю, служа, душ ваших не пожалейте; против моего неприятеля проливать кровь, когда прикажется, что будьте готовы, то изготовьтесь, а что верно я, то для уверения вас своею рукою во все стороны, как то и к вам указы послал. Слушайте и, когда на сию мою службу пойдете, то за сие я вас по прежнему, как вы от бога меня просите, так и я вас помилую. А что я ваш подлинно милостивый государь признавайте и верте: ныне я вас, во первых, даже до последка землями, водами, лесами, жительствами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу, и пребывайте так, как степные звери в благодеяниях; и в продерзостях всех вас, пребывающих на свете, освобождаю; и даю волю детям вашим и внучатам вечно—повелении мои послушайте; а что точно ваш государь сам едет, с усердием вашим для смотрения моего светлого лица, встречю выезжайте. А я уповаю на бога и вас подтверждаю от таких продерзостей; размышляя, на себя сумнения не возлагайте, когда ж кто, на приказании боярские в скором времени положась, изменит и постречается моему гневу, то таковые от меня благодеяния уже не ожидайте и милости не просите и гневу моему прямо не идите, не ждите, сие действительно божиим имянем присягою, я сказываю после истинно не прощу.

Доброжелатель велики император государь Петр Федорович и царь сам трети руку приложил.

Сей мой указ писан и скреплен по исход сентября месяца во вторник, то есть в Покров.

(Из дел о движении Пугачева).

* * *

В дополнение еще к своему допросу Зарубин показал, что злодей Пугачев, будучи еще на хуторах у Кожевниковых, между разговорами проговаривал, что он, взяв Оренбург, пойдет в Москву, примет там престол; к великому князю будет писать, чтоб к нему приехал, а государыню де в монастырь сошлю и, утвердясь на царство, буду де стараться, чтоб все было порядочно, и народ не отягощен был, от дворян де деревни лучше отнять, а определить им хотя большое

жалованье; вас же яицких казаков буду жаловать всякою вольностию и деньгами, и так учредив все порядочно, пойду воевать в иные государства; я де, ведаешь, служилой человек, мне де на одном месте не усидеть, пойдем де мы воевать по всем государствам и то де мне удастся. Об оном говорено было самозванцем в разные времена и почасту между разговорами в Берде и прежде, как еще дорогою к городку Илеку шли; почему он Зарубин положа уже так свои мысли самозванцу и усердствовал; а сверх того самозванец, как разумножил уже свою над ними власть, то поступал и с ними строго и наказывал всех по своей воле. Яицкого казака Дмитрея Лысова, которой так же знал, что самозванец казак Емельян Пугачев еще при начале прославления Пугачева государем, и усерден в том ему был; но Пугачев его повесил, а за что Зарубин показать не мог. Затем, что де был уже в Уфе, а равно (также) и его Зарубина повесить хотел за то, что он не ездил, будучи пьян, для проведывания о идущей команде с Корфом; и я де Зарубин думал, что конечно меня повесят, но другие участники их злодейства об нем упросили. На вопрос, когда видели вы от самозванца такую строгость, чрез что иногда и не захотели бы вы его иметь, то могли б его убить. Нет де, так сделать уже нам никак было не можно, ибо де он так властвовал, что боялись о том и подумать, а совет такой сделать, так скоро ли сделаешь, а если б его убили, так узнавши бы многие бы и против нас восстали, ибо в окрестностях его гнезда даже до Нагайбаку все так об нем были уверены, что он подлинно государь: и редкой невольник был в его толпу взят, по большей части сами прихаживали всякой день толпами.

(Из показаний Зарубина. Из дел о движении Пугачева).

Состав Пугачевского войска.

. . . . после праздника Покрова Богородицы с собраною своею толпою, коей было тысяч до трех, пришли под Эренбург, где с высланною из города войсковою командою имея перестрелки из ружей и пушек, отступили вверх по Яику реке, и стояли по оной станом, откуда посланы были

в разные места от злодея с приказами, а именно: татарин Идорк к башкирскому владельцу с указом, чтоб он, собрав башкирцов, был к нему, почему и приехав оной владелец Кинзя и с ним башкирцов тысяч до пяти, и злодей принял его с честию и на каждого башкирца роздал из взятых по крепостям денег по рублю. Вверх по Яику посылан был Максим Шигаев, по форпостам забирать казаков, увещевать их и прославлять о злодее, что он государь, которой возвратясь привел с собою до ста человек. На разные заводы посылан был из Оренбурга предавшийся злодею ссылочной, по прозванию Хлопуша, которой с тем от губернатора был, чтоб злодея убить, но он пришед во всем признался: злодей дал ему кафтан красной; к калмыкам посылан был Яицкой казак Дмитрей Лысов и многие другие для прославления его злодея государем, уговаривания народа и приведения к нему, из которых каждой приводил в толпу людей, и час от часу они свою сволочь умножали . . . .

(Из показаний Зарубина. Из дел о движении Пугачева).

* * *

. . . . . Лучшие при нем люди и с доверенностию были все яицкие казаки и илецкие; при артиллерии находились главными: яицкой казак Федор Чумаков и сотник Демин, а лучше всех знал правило, *как в порядке артиллерию содержать, сам Пугачев*, и все при артиллерии были русские люди, а иностранного ни одного человека я не видал, да и быть не можно, для того, что Пугачев жестоко просвещенных, отличных разумом людей подозревал, а помощи иностранной, кроме того как писал к Киргискайсацкому хану, ни откуда не требовал. Люди в толпе его собраны были казаки, крестьяне, татары, башкирцы, калмыки и всякие беглые люди, только действительно живущие в России. Сначала от Пугачева приказание было, чтоб никого дворян и офицеров, не щадя вешать, а потом проговорил о тех, кои сами к нему явятся и принесут повинную, таковых прощать и писать в казаки, ибо намерение его было во всем государстве людей, кто б какого звания ни был, сделать казаками, а потому Пугачев и носил всегда казачье платье; грабительства безвинных людей он не любил, а потому многих в том провинившихся вешал

без пощады. Солдаты, кои взяты разными случаи в его толпу, все поверстаны в казаки и вооружены копьями, ружьями, а у кого нет такого оружия, то дубинами, и одеты были в казачье платье. Указ на немецком языке писал офицер Шванович, 2-го гренадерского полку подпоручик, которой взят еще по осени в плен и пожалован был от Пугачева в атаманы на место взятого ж в плен капитана Астренева, которого Пугачев повесил, а за что, я не помню; над взятыми в плен солдатами команду имел Шванович, которые и назывались пехотою, над заводскими крестьянами командир был Хлопуша. Яицкие казаки в бунте были не все, как то и доказывается тем, что в Оренбурге оных было около пяти сот человек, на Яике у Симанова немалое число, в Кизляре также около пяти сот человек, и все те кои были в Яике у Симанова и в Оренбурге жестоко против бунтующей толпы дрались, а у Пугачева в толпе яицких казаков было около восьми сот человек. К Оренбургскому губернатору указ и к князю Голицыну письмо писал секретарь Горшков, писал один раз и сам Пугачев к губернатору письмо, но на каком языке я не знаю, только слышал от Пугачева, что на иностранном языке, чему многие в толпе его хотя и не знали, что писано, удивлялись, по отсылке ж того указа говорил Пугачев, я де в город послал указ, а послушает ли оного или нет, не знаю. У Подурова в команде были Оренбургские казаки, Киргиского хана сын убит в Татищевой крепости при сражении. Во всякое время Пугачев проговаривал, когда он всю Россию завоюет, то сделает Яик Петербургом, яицких казаков производить будет в первое достоинство за то, что они причиною возведения его паки на царство. Из вышеписанных показанных мною татар Аманычь из толпы Пугачева в то время, когда Пугачев еще первый раз пришел с Бударинского форпоста на Яик, пойман и где ныне находится, не знаю, а Идорка при Пугачеве находился всегда переводчиком, и думаю я, что бежал с ним; и хотя они татара, только однако ж яицкие казаки, и жили в Яицком городке своими домами. Пугачева ныне государем я не признаю потому больше, что женился на казачке, а отстать от него боялся казни, ибо многих не только за побег, но и за намерение вешал. Указ от самозванца, в котором в заглавии написано было „небезъизвестно каждому верноподданному

рабу", сочинял я, Почиталин вместе с секретарем Горшковым, выбирая отборные слова из книги печатной и скорописной; оную книгу, где достали, не упомню, а чуть токо не взята ли в какой канцелярии из взятых городов Пугачевым, ибо и многие писанные бумаги к нам в разные времена привозимы были; а как по написании нами сего указа казалось, что не очень достаточен в слоге, то оной переправлял за нами какой-то заводской крестьянин Петров, которого сыскал Горшков сам. Когда Пугачев выходил против верных войск на сражение, то всегда надевал на себя платье худое для того, что его не признали. Все производившиеся у самозванца в военной коллегии письменные дела, по разбитии в Татищевой крепости из Берды, взяты были с нами на Яик, но как с Углицкого хутора по причине раз'езжающих впереди воинских команд принуждены мы были воротиться назад, то самозванец для облегчения как некоторые пушки бросил на дороге, так и все те письма сжег.

В толпе у самозванца было несколько человек польских конфедератов, но они в чести у самозванца не были и ни к каким должностям не употреблялись, а были с прочими казаками на ряду.

По окончании сего допроса вспомнил я, что письма и указы к Оренбургскому губернатору и к князю Голицыну писали, бывшие в военной коллегии повытчиками, Супонев и Пастаханов, а не Горшков, на которого выше сего я в допросе показал ошибкою и о том, что будто Михайла Толмачев послан был к Киргискайсацкому хану, а вместо того ездил туда яицкой казак татарин Тангаич (который ныне в Яицком городке), Толмачев же послан был от Пугачева на них за казаками, где будучи и повесил атамана Бородина. Пугачев сверх того что мною в допросе сказано, неоднократно писывал при нас не знаю, что такое, только сказывал, что пишет манифесты на иностранных языках; по написании же казал оные нам, но как мы разобрать ничего не могли, то хвастал перед нами, что умеет писать на двенадцати языках. И те писанные им бумаги хранил всегда у себя. И они те самые, которые мне при сем допросе показываны. Чтоб в церкви на престоле когда садился, о сем показывает в допросе подпоручик Шванович, того я никогда не видал, кроме како в последний раз при приступе к городу Орен-

бургу в стоящую недалеко от города в бывшем форштате Егорьевскую церковь завозил пушки и оттуда палили в город, для того, что сие место казалось других способнее.

(Из показаний Почиталина о движении Пугачева).

Организация управления у Пугачева.

В исходе Ноября или в начале Декабря месяца самозванец, будучи в Берде, скучась разбирать сам доходящие до него ежедневно разные жалобы, а равно и давать находящимся от него в других местах толпы его частным командирам на требовании их резолюции, сам ли он выдумал или другие кто его научили, учредить в Берде такое место, которое бы, не докладываясь ему, давало свои резолюции; и так учредя, оной назвал государственною военною коллегиею, определя во оную судьями полковника Ивана Творогова, илецкого казака, Максима Шигаева, Андрея Витошнова и Данилу Скабычкина, думным дьяком Ивана Почиталина. Все они яицкие казаки. А меня, по рекомендации атамана Овчинникова и полковника Творогова, секретарем. Сперва главным судьею самозванец назначил было быть Творогова так как полковника, но оной Творогов сам его просил, чтоб главным сделать Витошнова по старости его лет, что самозванец и сделал и Витошнов сидел выше Творогова, а Шигаев, хотя и ниже их сидел, но как он был их замысловатее и любимее больше самозванцем, то они следовали больше его советам, а равно Почиталин и я слушались больше его. В сей названной коллегии никаких письменных судов не производилось, а разбираемы и решены оные были судьями на одних словах; письменное же производство было в ней только такое, что даваны были из нее наставления поставленным от самозванца полковникам, старшинам и другим частным командирам, посылающимся от него в разные места, о покорении к нему народа, о доставлении из всех мест в главный стан провианта и фуража, о разграблении господских пожитков, о отобрании в крепостях и на заводах пушек и пороху и о присылке оного в Берду; рассылались также и указы для рассеяния по жительствам о вступлении самозванца на престол, что все

писал я, а иногда и Почиталин с повытчиками, коими у нас находились яицкие казаки писарь Семен Супонин, Иван Герасимов, бузулуцкой писарь Игнатий Пустоханов и заводу Твердышева писарь же Иван Григорьев. Первые указы от самозванца о явлении его кто сочинял самозванцу я не знаю, а последний, в начале которого писаны сии слова: „Не без'известно есть всем", сочиняли по приказанию самозванца Почиталин и я, выбирая лучшие речи из разных печатных и письменных публичных указов, которые были переплетены в книге, а сию книгу достали не знаю где-то Шигаев и Почиталин. Но как они и той выборке не умели порядочно речей сплести, и упражнялись в составлении оного больше недели, а между тем подано было в коллегию Воскресенского или Белорецкого не упомню завода от сказывающегося крестьянином Ивана Петрова доношение на одного башкирца в грабеже, и то доношение показалось нам разумно написанным, то я с Почиталиным, призвав оного Петрова на квартиру, показали ему нами написанное, и просили, чтоб он выправил; которой просмотря сие сказал: нет де, господа, не так написано и потом перечернил по своему, которое, так как им перечерчен, после я и переписал и носил оной для подписания к самозванцу Почиталин, которой пришед оттуда в коллегию сказывал мне, что самозванец тот указ не переправляя подписал и хвалил, что написан хорошо. Умеет ли самозванец грамоте, я не знаю, ибо он при мне ничего не подписывал и вслух не читал, а случалось, что, когда подадут ему в руки какое письмо, то он просматривал оное глазами так, как бы читать надлежало; так же видел я один раз, что самозванец сам писал пером на бумаге и по писании с пол страницы, показывал пред ним стоящим с сими словами, прочтите де, что я написал, но как написано было не по русски, то все тут грамотеи сказали, мы де не знаем, ваше величество,—это писано не по русски, на что самозванец улыбнувшись сказал, где де вам знать. Наказания же бывших в толпе за разные продерзости, смертные казни пойманным и приведенным из разных мест несклонившимся в волю самозванца, так же и разбирательства судные производимы были не на письме, а на словах, иногда самим самозванцем, а иногда и показанными судьями, которые во время его отлучки на Яик

и вешали людей, и вся резолюция состояла только в одном слове, и тотчас исполнялась; и так, сколько людей в Берде перевешено и другими разными образами истреблено, не припомню. Денег с заводов и из крепостей также из многих разных мест пограбленных сколько было в Берду привезено не знаю, потому что оные привозимы и отдаваны были золотые и серебреные самому самозванцу, а медные Шигаеву и Данилину, которые все у них хранились на руках и от них в расход употреблялись...

Самозванец, ездя в другой раз и возвратяся оттуда, об'явил всем, что он будучи на Яике женился яицкого казака Петра Кузнецова на дочери Устинье Петровне, приказывая притом всем признавать и почитать ее за истинную государыню всероссийскую и быть верным как ему, так и ей. Тогда из предстоящих полковник Шигаев поклонившись поздравил его с супругою, а прочие все так, как бы опечалясь сею ведомостью наклоня головы стояли; когда ж разошлись, то многие заключили из сего дурное, хотя никто мыслей своих друг другу из страху, чтоб не донесли, не сообщал; однако ж из некоторых движений и разговоров приметить было можно, что всем тем были не довольны, а я мыслил об нем тогда иначе, нежели прежде, потому что прямому царю на простой казачей девке жениться казалось мне не прилично; и с того времени, усумнясь о его достоинстве, заключил, что конечно он не государь. Государь бы на сие будучи на его месте не поступил. Однакож и за сим сумнением остался я в его службе, а уйтить и явиться в Оренбург не посмел, потому что предавшиеся самозванцу из Оренбурга казаки и солдаты рассказывали многим, что всех тех, кои возвращаются из толпы и кои пойманы бывают, казнят смертию без пощады; то, устрашась я сего, положил остаться лучше в той толпе и служить самозванцу верно, будучи в надежде той, что если ему удастся завладеть всем царством, то он меня за мою службу не оставит без награждения, ибо видел я, что вся чернь, будучи от него разными милостями обольщена, была к нему весьма усердна.

(Из показаний на допросе секретаря военной коллегии Пугачева казака М. Д. Горшкова от 8 мая 1774 года. — Из дел Пугачева, т. II).

* * *

...... Перед самым же Николиным днем отправил он Зарубина с двумя яицкими казаками Ильею Ульяновым и Яковом Антиповым в Уфимский уезд на Воскресенской завод Твердышева железной для литья пушек, где и был с неделю, и тутошние заводскпе начали уже лить чугунные пушки......

Из показаний Зарубина. Из дел о движении Пугачева).

ВЕДОМОСТЬ,

учиненная коликое число во время сражения от злодееве отбито и взято в Челябинске пушек и снарядов и из оных оставлено при деташаменте [56]), а затем отдан в Исецкую провинцию, о том значит под сим.

З В А Н И Е.	Отбито злодеев.	Оставлено при деташаменте.	Сдано в Исецкую провинцию.	Итого.
П У Ш Е К.				
Осми фунтовых	1	—	1	1
Трех фунтовых	3	—	3	3
Дву фунтовых	9	—	9	9
Фунтовых	3	—	3	3
Мартир двенадцать фунтовых	4	—	4	4
Осми фунтовых	5	—	5	5
Шуфла большая	1	—	1	1
Пыжевников	2	—	2	2
Трещетка	1	—	1	1
Палник	1	—	1	1
Единорожных ядер чиненых	—	—	—	—
В мартиры двенадцати фунтовых . . .	6	—	6	6
Нечиненных двадцати фунтовых:				
Двенадцати фунтовых	37	—	37	37
К пушкам ядер осми фунтовых с порохом	18	—	18	18
Бес пороху	70	—	70	70
Трех фунтовых	170	170	170	170
Дву фунтовых	500	558	147	500
Картечь дву фунтовых	50	—	50	50
Гранат шести фунтовых	100	—	100	100
Дву фунтовых	675	—	675	675
Фитиля	100	100	—	100

Секунд-майор Дмитрий Гарин.

(Из дел о движении Пугачева).

* * *

Копия с допросу Оренбургских казаков, сотника и депутата Тимофея Подурова и, бывшего у самозванца секретарем, казака Максима Горшкова, которые 1774 года апреля 2-го дня согласно показали следующее:

В Исецкой провинции злодеев до семи тысяч между Екатеринбургом и под Челябою при старшинах Грязнове и Анике Еруслапове, пушек двадцать пять, пороху нет, в Яицком городке при атамане Никите Каргине тысяча человек и десять пушек, в Илеке при атамане ж Овчинникове с тысячу же разного звания и до шести пушек с небольшим припасом; Илецкая защита, когда была взята Хлопушею, и от него оставлены во оной оренбургских городовых и своекошных казаков, солдат баталионных, много ли числом не знаю, пушек две, пороху оставлено небольшое число...

Деньги получали с заводов чрез заводских мужиков, много ли числом не знаю, пушки, порох, свинец, ядры тоже с заводов и со взятых крепостей, сколько числом сведения не имею, а вновь деланы были пушки и прочие припасы на Авзян-Петровском заводе заводскими мастерами, а как их зовут не знаем, при яицком казаке Антипине до десяти орудиев сделано было...

Вспоможение в людях башкирские старшины Кинзей и Канзафар обещали злодею Пугачеву набрать из Башкирии до пяти тысяч на первый случай вооруженных, куда и самодержец намерен сам быть в дом старшины Кинзея.

Еще ожидал от Киргицкого хана в бытность его сына при злодее до пяти сот человек, которых и по сие время не получено, будут или нет не знаем, сношения и переписок кроме того обещания не было.

Кочующие колмыки около здешних мест находятся по Гусихе до трех сот человек, из которых вчерашнего числа некоторая часть была в сражении под Каргалами, а прочие остались в своих кочевьях; Ставропольские в Илеке и около оного, а сколько числом не знаем, при их полковнике, который всегда находился при злодее Пугачеве, и оный с ним бежал с небольшим числом.

(Из показаний Подурова и Горшкова. Из дел о движении Пугачева).

* * *

Клятвенное обещание.

Аз нижепоименованный обещаюся и кленусь я всемогущим богом пред святым его евангелием в том, что хощу и должен его императорскому величеству государю, третьему императору, Петру Федоровичу, самодеражцу всероссийскому и его императорского величества любезнейшему сыну цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, законному всероссийского престола наследнику и супруге его благоверной и великой княгине Наталье Алексеевне верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, в чем господь бог мне душевно и телесно да поможет. В заключение сей моей клятвы целую слово и крест спасителя моего, аминь.

(Из дел о Пугачевском движении).

* * *

Высокородному полковнику Ишмену Иткулову, а в чем значит ниже. Пришел в нашу армию села русского Торговши, деревни Сиреевой Фадей Семенов и об'явил словесно, что де оного нашего села Торговши, да села Ключа и села Чукулчи все жители в нынешней день пошли на совет, чтоб просить во оные села из города Кунгурска пушки и бонбы тако ж пороху, а он, чтобы пришел обявить о том в нашу армию, а его Фадея и самого при сем репорте посылаем, ибо он человек злой и непостоянной, коему нимало не поверте, и допросите его под крепким пристрастием, для того он города Кунгура, Килюникову родня и что учините, дайте. Сотник Иман Аласин тамгу приложил,

полковой сотник Ишалеи Кдралеев тамгу приложил.
Полковой сотник Ишмет Маметкулов тамгу приложил,
полковой сотник Хапим Сабанаев тамгу приложим; полкового сотника Ишметея Маметкулова писарь Аднагул Агушев по повелению сотников писал и руку приложил.

(Рапорт. Из дел о движении Пугачева).

* * *

Высокородному и находящему на высоком месте почтенному графу Ивану Никифоровичу Чернышеву от старшин

Сибирской дороги Алакуза Вакина мангу . . . Арукаева Илчигула Иткулова, Уметея Уразмабетова покорнейший рапорт.

Почтеннейший ваш указ мы получили и силу поняли, почему в знак повиновения нашего тому вашему повелению, по мере силы нашей, выслали команду с добрыми лошедми и со оружьями, а имянно: я Алакузь восемь человек, Мангуяр Арукаев шесть, Илчигул Иткулов пятнадцать, Уметей Уразмабетев десять человек, а хотя повеление ваше было выслать с трех домов по человеку, а токмо не состояние наше оному в том; естли мы выведем все без остатку, то могут неприятели государя нашего Петра Федоровича, находящиеся в городе Кунгуре, в Екатеринбурге и в городе Красноярску, дав друг другу известие и усиливаясь, чинить домам нашим раззорение; да при том просим вас для сопротивления против государевых неприятелей пушку, без коей силы у нас недостает. Под тем писмом тамги приложены.

(Рапорт Чихе Зарубину. Из дел о движении Пугачева).

* * *

Организация продовольствия.

Получено генваря 24 дня 1774 году.

Из Троицко-Саткинской в Красноуфимскую Станичную

Сообщение.

В Саткинском жительстве известие армейского казака Михаила Ражева получено, что в Красноуфимской крепости в магазеинах казенной соли имеетца в наличии довольное число, а здесь при Сатке не имеетца ни одного пуда, отчего имеют саткинские обыватели крайнюю во оной соли тягость. Того ради в силу его высокородия господина полковника Ивана Никифоровича, бывшего здесь с военною немалою командою, посылаетца из Саткинского жительства нарочно выбранные от всего миру люди 15 человек с подводами и для получения оной соли з денежною казною; на которые денги оным нашим нарочно посланным человеком по казенной цене отпустить соли триста пятьдесят пуд с дачею надлежащего ярлыка без всякого препятствия неудержно, дабы от нескорой присылки здешней многолюд-

ственной его императорского величества военной народ наивящей тягости не принял; и по выдаче оной соли показанных наших, нарочно посланных, людей отправить с провожатыми, дабы в пути какого препятствия и задержания кем-нибудь учинено не было. Генваря 20 числа 1774 г.

Атаман Иван Костромин.
Есаул Василий Клюкин.

* * *

Приказ.

от господина полковника Батыркая Иткинина с товарищи Юговского Осокина заводу сотнику Гаврилу Ситникову.

С получения сего тот час прислать в здешную команду вашего заводу под казаков четырнадцеть лошадей с седлами, сабель две, роготину одну, ружей, у кого осталось господские, отдать и прислать же сверх сего, что требовано отослать в село Хорошое со оными и прислать (чего ради послан сим нарочной казак Карп Самойловской). Генваря 6 дня 1773 года.

(подпись по татарски).

* * *

Мобилизация.

Перевод с татарского письма на русской диалект, а в нем по переводу пишет тако:

Как вам деревня Якупова приказана в смотрение, то по получении сего следователно вам тот час изготовиться в поход, с каждого двора по одному человеку, со всем принадлежащим к тому оружием, без всяких отговорок, ибо надлежит явившихся по Казанской дороге из Уфимской стороны войско з двумя пушками истребить. Как оные уже поставленные пикеты взяли и несколько их сил побило, для чего в скором времени ехать вам в Бобылевской перевоз: во осторожность же того такое ж письмо послано от нас в Димскую волость для обявления той волости всем обывателям, також и всем деревням. Во уверение того руку приложил Уразбаш Уразбахтин, сверх же того им обявлено от Хадая Муратова, что следуемые из Казани з двух дорог несколько силы и намерение имеют, якобы в их деревнях быть, по чему и надлежит оттоле приехать всем к поход-

ному старшине Киранаю Муратову. Декабря дня 1773 году. Переводил переводчик.

* *
*

По указу его императорского величества третьего императора Петра Федоровича самодержца всероссийского государя всемилостивейшего

и прочая и прочая и прочая
от полковника Бахтияра Каннеева
отпуск с возвратом
имянно:

Дан сей графа Воронцова Шунбутцкого винокуренного заводу крестьянином: канторщику Федору Аникину, пищику Ивану Игнатьеву да Ивану ж Лаврентьеву с товарыщи всего пять человек, кои были у мене именованного полковника в команде, ныне мною уволены; на оный завод следовать во всякой скорости на жительских по тракту подводах, чтоб собратом им отнюдь никто не возбранял, и не удерживая подводами, пропускать невозбранно, коим мною уволены до заводу. Имянно взять им з заводу боярской скот двеста овец, ежели есть коровы, то все взять и коней без остатку да две бочки целые сороковые крепкого вина все представить ко мне в государственную армию непродолжительно. Вам посланным возвратиться ко мне в скорости. И дан в деревне Саврушах татарских июля 17 дня 1774 г.

На подлинном указе подписано тако: полковник Бахтияр Каннеев. Полковой писарь Абубакир Клечев.

*
* *

Билет.

Дан сей Кунгурского уезду директора Ивана Осокина Юговского заводу сотнику Гаврилу Ситникову в принесении им верноподданической его императорскому величеству в повиновение со всею его командою в том, что директора Осокина Юговского заводу жители, как военно служащим, так и проезжающим, как ему сотнику Ситникову и всей его команде обид и раззорения не наводить, да и ему сотнику Ситникову подтверждается со всею командою пришедши к верноподданическому его императорского величества повиновению разных людей раззорении и грабитель-

ства не чинить, опасаясь неизбедимого от его величества гнева, для чего от указа его императорского величества дана точная копия декабря 29 дня 1774 года.

(подпись по татарски).

(Из дел о движении Пугачева).

Движение башкир.

Государственной Берг-Коллегии известно, что я имею общих с товарищем моим директором Яковом Твердышевым в Оренбургской губернии вододействуемых медиплавиленных шесть, железных доменных четыре, молотовой один, лесопилочный один, всего двенадцать заводов, которые фабриками и прочими надобностями достаточно были устроены и принадлежащими к ним материалами и другими потребностями в довольном изобилии запасены, и имелось на оных заводах и в поселенных к ним шести деревнях крепостных мастеровых и работных людей мужеск пола семь тысяч двести шестьдесят девять человек.

* * *

А в происходимой ныне в той Оренбургской губернии от злодея Пугачева и его сообщников башкирцов бунт, в самом почти оном начале, речонный злодей Пугачев и башкирцы прошлого 1773 году в октябре и ноябре месяцах, напав на наши во первых, Каргалинские, медные рудники, потом на заводы медные и железные имеющиеся на них деньги и приготовленный для мастеровых и работных людей провиант, всякую одежду и обувь и прочие разные припасы, какие на тех заводах и рудниках ни были, також пушки, ружья, порох пограбили без остатку, лошадей и скот отогнали, железа и меди многое число разграбили ж, мастеровых и работных людей многих забрали к тому злодею в толпу, завод Покровской медной в том же Октябре месяце прошлого 1773 года сожгли со всем строением и плотиною. И со времени того нападения на оных наших заводах плавка меди и чугуна и выковка железа остановилась и ныне не производится ни на одном заводе. И выплавленные в том 1773 году на всех тех заводах медь и чугун и выкованное железо имелось при оных заводах,

а в нынешнем 1774-м году в мае месяце железной доменной Белорецкой завод злодей Пугачев, а потом в Июне и Июле месяцах сообщники его Пугачева бунтующие башкирцы на четырех медных на Преображенском, Воскресенском, Верхоторской, Архангельском на железных доменных Юрюзанском, Симском, молотовом Устькатавском, на лесопильном Симском и в шести деревнях фабрики магазины в плотинах вешняки, и слань, и всякое заводское строение, и крестьянские домы выжгли до основания, причем и имевшиеся в заводских конторах данные из Оренбургского горного начальства на записку выплавляемого чугуна и меди шнурованные запечатанные книги и прочие письменные дела все погорели без остатку. Мастеровых же и работных людей, сколько от прежнего забрания осталось, окроме только спасшихся от их злодейских рук уходом, побили до смерти;. а женск пол, чиня над оными варварское свое поругание, забрав с собою и малолетними детьми, погнали как скотов в дальние леса и в свои башкирские кочевья; и где ныне те люди находятся, и что с ними происходит, точного сведения не имею, потому что злодеи башкирцы, истребляя те заводы, все пути от оных пресекли, так что ни к нам с тех заводов, ни от нас туда проехать и по ныне невозможно, а только получили мы краткие известия от посланных своих для разведывания служителей, которые уведомились от спасшихся от злодейских рук побегом малого числа заводских людей пришедших в город Уфу.

(Из рапорта в Государств. Берг-Коллегию.
Из дел о движении Пугачева).

Разгром заводов башкирцами.

Бунт, происходящей от башкирского народу, столь далеко уже распространился, что к прекращению оного в скорости надежды не предвидится. Доказательство тому, что башкирцы с своей стороны стараются все внутренние селения огнем опустошать, а верноподданных ее императорского величества умерщвлять. Сей злодейской свой поступок производят они башкирцы с таким видно умыслом, чтоб чрез то определенным для истребления злодеев войскам делать ныне к получению провианта препятствие: а зимою б, когда сей народ находится в большой слабости,

не было войскам для поиску над ними, за неимением прибежища, способов.

(Из донесения Оренб. Губ. Рейнедорпа.
Из дел о движении Пугачева).

* *
*

Состоящие в Оренбургской губернии заводы, по известиям, от башкирцов и от злодея вызженными почитаюца.

Коллежского ассессора Ивана Мясникова и директора Якова Твердышева:

1. Воскресенской,

2. Покровской—оные заводы до основания все созжены.

3. Верхотурской,

4. Архангельской,

5. Преображенской — по уведомлению коллежского советника Ивана Тимашева, по созжении того завода в приезд его Тимашева, при том месте, как крестьян, так и скота крестьянского не явилось, и где те заводские крестьяня, уведомления и до ныне никакова нету; а при том заводе находилось крестьян положенных в подушный оклад мужских 650 душ, женска почитать должно до толика ж числа.

Железодействуемые:

6. Белорецкой—созжен самим Пугачевым.

7. Симской—при созжении того завода башкирцами все живущие при том заводе крестьяна, как мужеска, так и женск пол переколоты без остатку.

Заводчика Ивана Масалова:

8. Канонникольской медиплавиленной—созжен башкирцами.

Дворянина Евдокима Демидова:

9. Авзяно Петровской,

10. Авзяно Петровской же созжены башкирцами.

Да его ж Демидова построенные вновь железодействуемые:

11. На реке Куткур Куткурской,

12. На реке Каге Кагинской созжены башкирцами.

Заводчика Лариона Лугунина:

13. Златоустовской—созжен башкирцами.

14. Вознесенской казенной—разорен.

Петр Чучалов.

(Из рапорта Чучалова.
Из дел о движении Пугачева).

Киргизы в Пугачевском движении.

Копия с сообщения присланного от 7-го Августа к полковнику Ступишину от бригадира Сумарокова.

Сего же августа 6 числа обстоятельное получил я известие, что Хаир солтан в трех тысячах своего войска (намерены напасти) на крепости Пресногорковскую или Петропавловскую. А сверх того и вышеписанной вор Кутай Менды и их же киргиские старшины Итега, Алчаба и Таутбай-тархан по подсылке от известного государственного злодея и разбойника Пугачева намерены ж, собрав своих подвластных киргисцов, нападать на крепости и, что в добычу получат, тем бы пользовались. При том и старшины Кулсары Батыря киргисцы тож чинить намереваются; и вышеписанной солтан Кутай Менды переправились чрез реку Ишим при речке Тургае Нижнем расстоянием отсель езды дней восемь в то место, где Итакр солтан кочует.

* * *

Перевод с листа от Киргискайсацкого Нурали хана к самозванцу Пугачеву, писанного чрез Яицкой городок 18 числа декабря 1773 года, в Оренбурге полученного.

Всепресветлейшему державнейшему великому императору самодержцу всероссийскому и прочая, и прочая, и прочая областей повелителю, высокому государю Петру Федоровичу высочайшему лицу вашему.

Учиня главнейшее предводительство и хозяйство при высочайшем проезде вашего императорского величества к Яицкому городку, отправленному от меня посланцем к вашим услугам человеку моему Мулле Зебиру данной светлейший указ я здесь получил. Почему оное высочайшее повеление приняв за благо и сделаясь в службу вашу готовым о предприятиях ваших моим находился; и паки до услуг ваших двоекратно отправлены были от меня посланцы, токи они препятствием злодеев доити к вам не могли и возвратились ко мне обратно. По получении ж означенного светлейшего указа вашего, не имея никакого об нем сумнения, чтоб оной не был великого государя нашего императора указ, и смотря на него пребывание имела по моду

тем от генералов и бояр известий до меня дошли с таким уверением, что многие добродетели мне указуемы быть могут, а я, не смотря на них, но единственно утвердясь по тому вашему указу и ожидая какое-либо мне будет от вас повеление, потому и служить в готовности продолжался.

Присланного ж к брату моему Дусали салтану с указом вашим человека оной брат мой, взяв с собой для советывания, приехал ко мне, и я, увидя то высочайшее повеление ваше, весма за хорошее препочел и что вы во всяком благополучии, брав места ездите, тем вас поздравляю и желаю вам многолетного здравия. Что же касается до поведения вашего адресованного к брату моему Дусали салтану о присылке к вам до двух сот человек, которое повеление мы и апробовали было и положили отправить к вам одну партию воинских людей. Причем народ наш стал говорить, что отправленной де туда салтан их Сайдали еще не возвращается и пока он обратно не будет, то каким образом им туда ехать; с тем и обновились и тако, ваше императорское величество, изволте реченного племянника моего Сайдали салтана с высочайшим повелением возвратить, чрез что народу нашему без всякого сумнения ехать к вам полезнее будет.

Кочующему ж по реке Дарье брату моему Эрали да средней орды Аблаи салтаном о всем известие даем. А по высочайшему повелению с братьями и всем народом вашему императорскому величеству служителями будем. Как то и пред сим к означенным брату моему Эрали и Аблаю салтанам и всему народу чрез нарочного куриира я известие послал с тем, что вновь государь не сделался, которого я признавая за государя пребываю, и они б по получении сего известия того ж часу, собравшись все и сев на конь, приездом поспешили, дабы соединясь обще с нами, признавая вас за государя, служили вам. В прочем наивсегда киргискайсацкой орды Нурали хан своеручно печать свою приложил.

Переводил переводчик Артамон Иманов.

(Из дел о движении Пугачева).

Татары в Пугачевском движении.

Посредством переписки моей с генералом поручиком Щербининым и как под моим беспосредственным начальством находится и вторая армия, узнал я из донесения капитана Павлова, обретающегося в Едичкулской орде, что 16-го ноября прошедшего года казанские два татарина прибежали чрез ту орду в Тамань и оттуда отправлены с поспешностию к татарскому хану Девлет Гирею, об'вещая в тех народах расширяющиеся в России успехи бунтовщика Пугачева, они там пронесли, что самозванец войска имеет 30000, а наиболее из Кивии, Буковара, карапалки, башкирцы, киргизы, китайцы, бывшие за Волгою калмыки и татара казанские.

С другой стороны, находящейся в Цареграде наш поверенный в делах г. полковник и кавалер Петерсон от 22 декабря извещал, что министерство Порты часто имеет советы с недавно обретающимися татарами, и по соображению сих обоих известий можно подозревать, что упомянутые Петерсоном татары суть те самые, о которых писал ко мне и г. Щербинин, и что лжесвидетельство их о делах Пугачева в первом разе польстить Порте. А как сии татары не именованы кроме названия их казанскими, то и почел я за должное уведомить о сем обстоятельстве ваше сиятельство, как ради того, что вы с своей губернии наистрожайше взять предосторожности против выпусков подобных татар и всякого вредного сообщения с народами пограничными— и сообщили не менше сие потребным хранить и другим начальствующим в той стороне, так еще под рукою и благовидным образом и сами изведать не найдется ли кем реченные татары посланы, и кто они суть, чем бы открыть и весь умысел может быть еще кроющийся.

(Письмо Румянцева Казанскому Губернатору Мещерскому. Из дел о движении Пугачева).

Крестьяне в Пугачевском движении.

Два сообщения вашего превосходительства, из которых при одном приложены были копии с доношениев заводчиков Демидова и Твердышева, я имел честь получить: читая

оные нашел я их об'явления совсем несогласные с рапортами и допросами, чрез которые известен я о сожжении заводов и о всех того происшествия обстоятельствах и которые подтверждают, что жестокость, употребляемая от заводчиков с своими крестьянами, возбудила их к ненависти против своих господ. А сие тем доказывается, что крестьяне нимало не защищали себя от стремления на жительства их злодейского и не прибегнули к воинским командам ни с об'явлением об опасности, ни с просьбою о защищении, но напротив о сожжении последнего Твердышева завода сам прикащик в Бугулчанах полковнику Хорвату показал, что крестьяне допустили сами башкирцов до сожжения того завода.

(Из письма Панина (?) ген. Рейнсдорпу. Из дел о движении Пугачева).

* * *

Сего числа получены мною из Кадомской и из Шацкой провинциальной канцелярии рапорты, которыми представляют: 1-м Кадомская, что коллежского ассесора Ефима Васильева сына Разнотовского, вотчины его Кадомского уезда села Каврес прикащик, арзамаской купец Иван Беленинов, да того ж села его ж Разнотовского выборной Парамон Афанасьев и староста Григорий Михайлов подали во оную канцелярию доношение, что того села крестьяне господина их учинились ослушны и на место их выбрав других, и между собою чинят денежные поборы... а которые крестьяне к их возмущению и непослушанию несогласны, тех бьют и увечат, и хлеб и всякое имение их грабят и, ходя днем и ночью по улицам скопом с ружьи и с рогатины, делают тревоги, палят из ружей и бьют в колокольный набат, из которых возмутителей оного села Каврес крестьян Прокофья Михайлова и Наума Федорова поимал и представил во оную канцелярию, где они и допрашиваны и в допросах показали: сего года марта в первых числех в их село Каврес пришед Арзамаского уезда деревни Асиновки помещицы Яковлевой дочери, а чья прозванием не знает, крестьянин Ефрем, а чей он сын не знает, да явльшейся сего году февраля в последних числах из бегов того ж села господица их крестьянин Макар Алексеев об'явили крестьянам их Абраму Алексееву, Никите Ефимову, им и протчим села Каврес крестьянам,

что есть де ныне за городом Казанью называющейся царь Петр Федорович и у помещиков крестьян отнимает и дает волю, а помещикам головы рубит, почему они товарыщи, собравшись на сходку, и согласясь, чтоб к означенному самозванцу послать из села Каврес крестьян дву человек с прошением, чтоб не быть им за помещиком, а быть бы на воле, чего ради и послали того села крестьян Казму Терентьева, Сергея Лаврентьева, которые оттоль и по ныне не возвратились.

(Из письма Плетнева, посланного из Воронежа в Казань. Из дел о движении Пугачева).

* * *

С 24 того июля месяца алаторские, саранские и пензенские дворяне обратились в бегство и чрез вотчину вашего сиятельства столько ретировалось, что не можно было исчислить, и ехали по 27 число; на которых смотря, и вашего сиятельства прикащик Михайла Марецкой взял только намерение отпустить свою хозяйку, которую и отпустил, а после ее его пожиток развез, кои по которым крестьяном для сохранения. А 28 числа получили известие, что означенной тиран Пугачев, быв в Алаторе, и многое множество казнил господ, а потом и в Саранск прибыл и тут господ и прикащиков, купцов, старост выборных казнил, что и числа нет; в том числе бывший у вашего сиятельства в прикащиках Алексей Слесарев. И как в Саранске оная штурма производилась, то со всех жительств черной народ, своих господ ловя, и возили в Саранск для смертной казни. А вашего сиятельства крестьяне в те дни, по отпуске прикащицы, имели поголовные сходы; и в то ж число, как приехала прикащица в день, а в нощи прикащика крестьяне сковали; то в самое время Михайла Марецкой от своея хозяйки получил известие, что нигде и никого не пропущают. То он сковавши (скованный?) писал письмо, чтобы обратилась; которая (она) и прибыла в Царевщину, и выходила на сход, и стояла пред крестьяны на коленках с сыном своим Дмитрием, и просила со слезами, чтоб из железа выпустить. И тут, смотря на ее просьбы, никто не мог удержаться от слез; и тут свирепствующие злодеи, вашего сиятельства крестьяне, не умилосердили

и сказали, что де мужу твоему так и быть; и на другой день, то есть 29 числа, как он Марецкой обще и с матушками, и с хозяюшкой, и с Митинькой сошед скованной на сход и говорил крестьяном, что помилуйте, за что меня безвинно сковали, в чем я пред вами виноват; они стали доказывать, как же ты не виноват, что ты на господской работе крестьян всех помучил, а он говорил, что не от меня, а единственно по строгости его сиятельства законов. Да при том же они крестьяне ему говорили самолично, что де ты Марецкой мирских наших сенных покоев по два года отдавал помещицы Авдотьи Жедринской и за каждой де год брал по 60 руб., на что Марецкой им сказал, что истинно напрасно: я де отдавал со всего вашего мирского приговора, вам де самим известно, что и Жедринская госпожа в случае не оставляла и вас ссуживала неоднократно и деньгами. И они на то сказали, мы де отдавали, убоясь тебя; он говорил: чего вам меня бояться? вы бо де просили господина своего. На что они сказали, что де господин то нас не слышал, а делал де все по твоему, что тебе было надобно. И так он прикащик просил их, стоя пред ними всею семьею на коленках, сказал: ну пусть виноват во всем и делал, где по волею, где поневоле; простите меня, мои батюшки! То они сказали: нет тебе прощения! С тем он бедной от них и пошел в свои покои и стал со всеми своими домашними прощаться; и сколько тут народу не было, все стояли в превеликих слезах, кроме тех злодеев, которым надобно было вести его в Саранск. И так, схватя его и посадя в кибитку так перед вечером, и повезли в Саранск на убиение; и дорогою, под‘езжая к селу Исе, на встречу им злодейской толпы казаки и говорят: кого везете? Они сказали—прикащика. Каков был? Мужики сказали: добрых сковавши не возят. Казаки им говорят: ну бейте его! Мужики сказали: нет помилуйте, мы его бить не можем, что мы от него настращены и мертвого то станем бояться. Так де его ударили в плети и спрашивали денег, на что он, стоя пред ними, говорил: какие со мной деньги, помилуйте. Так де вдруг подскоча казак и ударил его саблей по затылку, так де он и свалился. Это они сказывали, которые его возили; а в самом деле убит от них; что при том случае на степи под селом Исою

было народу множество; возили всяк своих господ на смертную казнь. И сказывали окольные мужики, что де убит от мужиков: как де они увидали, что впереди, как есть чрез гоны, биют помещиков Авдотью Жедрину, Алексея Слепцова и с женою, Степана Пересекина с женою, Авдотью Бухарину, Авдотью Шильникову, а ваши де мужики своего прикащика один вдоль бока обухом, а другой дубиной, а третий подскоча саблею срубил голову с тем оные злодеи и приехали ко двору и сказывали прикащицы Варвары Ивановны, что Михайла Юрьевич приказал долго жить. Да тут же по приезде, в ту ночь зачали его прикащиков скот, то есть овец, бить и стряпать,—ждать своего злодея и тирана Пугачева. Называют его батюшкой Петром Федоровичем, третьим императором, причем и попам отдали приказ, чтоб всем собором встретили со святыми иконы.— А тридцать первого числа июля езжал злодейской толпы казак, которой признал вотчины господина полковника Петра Афанасьевича Бекетова Пензенского уезду села Плеса крестьянин, которой сослан был господином своим на собственные его Бекетова Каинские Сибирские железные заводы за вины в работники, который в тое злодейскую толпу и попался и ехал в то село Плесо побывать к родственникам чрез село Царевщину; которого встречали звоном и с образами, с хлебом, и с солью, и с вином и тут оной казак, а имя его Костентин, чей сын не знает, которой им сказал, что в Пензу идет батюшка наш Петр Федорович и тут мужики, стоя все собравши большие и малые, крестились и от вашего сиятельства отложились да не столько от вас, но и совсем от милостивой нашей монархини Екатерины Алексеевны. А первого числа сего августа месяца ввечеру прибыла злодейская партия, составленная из разной сволочи, которых мужики и признали, что сел Осы, Сытинки, и Кашкарева дворовые люди да имена всех знать можно, и тут господской дом и прикащиков пожиток весь без остатку весь ограблен; которые злодеи тем же вечером и поехали. Второго августа, то есть в субботу, еще прибыла злодейская толпа человек до шести, пограблен вашего сиятельства табун да не столько теми злодеями, сколько крестьяны, а третьего числа, то есть в воскресенье, около обедни прибыло еще злодеев человек

до ста, которыми достальные стоялые жеребцы и в погребах вареные конфеты и житницах самые тонкие холсты пограблено и поедено все без остатку и письменные дела сколько разбойниками, вдвое того крестьяне, все подраны кроме крепостей; да тут же фабрика ткачей конюхов и человек десятков до семи из крестьян набрали и погнали с собой в том числе много и охотников, а я бедной человек обще с пищиком Икрыловым на силу? Бог спас, не знаем, что будет впредь, а крестьяне, как в житницах, так и в полях хлеб и на скотных дворах скот и на пчельниках пчел все разделили, и фабрика вся разорена фабричными ткачами, а станки раздано тысяч до шести все по крестьянам, а я, батюшка ваше сиятельство, которые подобные писмы кои куды попрятал, а Варвара Ивановна по сие отпущение милостию Всевышнего Бога осталась целою жива и то не чает быть живой, боится, как бы крестьяне со зла не убили, а для настоящего уведомления в тайне при сем отправились Дмитрей Копытов да из крестьян Николай Никитин, которой был на Моровской мельнице мельником, которого ни в каком согласии с крестьянами не был. О умоле казенного хлеба и реестр полотнам упокойника руки посылается при сем. При дележе крестьяны ржи взято мноею моей рядной на пропитание в плату, которая бы батюшка, ваше сиятельство, не причтена была мне в винность. Варвара Ивановна на сохранение отдала мне печатных пять книг, из которых крестьяне меня было удавили, однако я кой как разговорил и теперя у меня. Сего августа 4-го числа милостию Бога в город Пензу 4 эскадрона уланских прибыли, и за злодеем учинена погоня и надобно думать, что дале Саратова не упустят. А его сиятельство князь Голицин, сказывают, своею армиею встретил, и что Бог совершит не знаемо; да по прибытии в Пензу уланских эскадронов наших крестьян два человека охотников, будто и крестьяне, слыша такие тревоги, князя Голицина называют злодеем, а разделенную рожь с трусости хотят всее посеять ваши казенные десятины, а в гублении прикащика хотят приносить вашему сиятельству винность и говорят, так наш князь милостив простит, а всему злу причина и смерти предатель из крестьян бывши в замолотчиках Дементей Федоров по прозванию Быков. О Варваре Ивановне я намерен в Пензу

подать прошение, чтоб от страха с командою взять в Пензу, да она мне разговаривает, что как бы не сделали с командою бунту и в то время как бы меня не убили со злости, и я тапери не знаю, что и делать.

Вашего сиятельства всенижайший и покорнейший слуга рабски земной Афанасей Болотин купец Елатомский.

От 6-го Августа 1774 года.

(Из письма кн. Долгорукому. Из дел о движении Пугачева).

* * *

Сиятельнейшему графу высокопревосходительному господину генерал-аншефу и разных орденов кавалеру графу

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ ПАНИНУ.

Из Шацкой провинциальной канцелярии.

РАПОРТ.

Сего августа 26 дня при пероте (?) из Касимовской воеводской канцелярии прислан в здешнюю канцелярию, сысканный по доношению майора Анисима Ардабьева, отставной провинциальной канцелярии канцелярист Николай Мыльников во уведомлении им Мыльниковым оного Ардабьева письменно о известном злодее и самозванце Пугачеве и о вступлении его толпы в город Темников, и с тем подлинным письмом и произведенным ему в Касимовской канцелярии допросом. А в том письме между прочим прописывал, что прибыла в Темников государя Петра Федоровича команда казаков человек с тридцать с понятыми множественным числом, что оные встречены со крестом и со звоном по всем церквам, и приказано священникам поминать о здравии государя Петра Федоровича, и что от оной толпы оказаны великие злодейства, в чем во всем он Мыльников ему Ардабьеву делал уверение и наконец советовал ему возвратиться в дом свой и тех злодеев встретить с хлебом и солью. А допросом оной Мыльников показал, что он то письмо писал с простоты, а умыслу никакого не имел, а как народ реченную толпу называл присланною от государя, то и он тому верил, о чем на рассмотрение вашему сиятельству Шацкая провинциальная канцелярия сим представляет и имеет ожидать на сие повеление.

Полковник Данила Лопатин. Надворный советник князь Никита Мещерской. Секретарь Федор Дикин. Канцелярист Федор Савельев.

1774 года. Августа 27 дня.

(Из дел о движении Пугачева).

* *
*

Копия с об'явления поданного в Синбирске 21 Октября 1775 года от господина тайного советника государственной вотчинной коллегии президента и кавалера Лунина.

Уведомлен я, что сего года августа 20-го и 21-го чисел в Шацком уезде в Залеском стану в деревнях моих в селе Никольском, Инжавенье тож и кругом оного, в одних дачах, в деревнях Земленой и Малой Лопатине во многолюдстве партиями злодея Пугачева, в коих партиях находилось однодворцев и прочих соседних сел и деревень крестьян, как дом мой помещичей, так все, что в ней какой пажити не было и суконную фабрику и состоящий во оном селе с деревнями в жеребцах, кобылах и меринах немалой суммы конской завод разграбили и разорили и чего с собой, какой пажити взять не могли, то изрубили и изломали то ж; как прикащика пажить и деньги, так и у некоторых крестьян того села и деревень деньги ж побрали; прикащик же Иван Ильин жизнь свою спас из тех бегством, а отец его бурмистр Илья Данилов, правящий всеми теми деревнями, злодеями теми повешен; и многих конюхов сильно с собою в свою злодейскую партию побрали, и оставшись крестьяне без управления, пришли в возмущение и непослушание и в распутную жизнь; хлеб, кой мой помещичей был и пчелиный завод побив пчел, а в доме моем помещичье в степном и безлесном месте строение сломав, растащили и расхитили и многие поля рожью не сеяли, от которого злодейского разграбления и злодеяния учинилось мне в тех всех трех деревнях убытку и разорения около двадцати тысяч рублев, отчего и пришел в крайнее и непосильное разорение и опасен, пока крестьяне мои не приведены будут ко мне в послушание, быв в распускном и самовольном житье, чтоб и всех их не лишиться и уже о своем только разорении, а не быть бы и государственных поборов и платежа подушных денег не в состоянии. Октября 10 дня 1774 года.

(Из дел о движении Пугачева).

* * *

Подано сентября 1 дня 1774 года. От господина полковника Древица виденное.

Его высокородию Венгерского гусарского полку господину полковнику и святого Георгия кавалеру

ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ДРЕВИЦУ.

Из Керенской воеводской канцелярии.

ДОНОШЕНИЕ.

Имеются в содержании при Керенской воеводской канцелярии колодники Троицкого уезда села Покровского однодворцы Михайла Петров, Яков Макаров, дети Кумышевы да того ж села выборной Яков Субботин, однодворцы Василий Хныкин, да Семен Рыбалов, из которых вышепредписанный Михайла Кумышев пойман на заставе в Керенскому уезде, в селе Никольском и в Керенскую воеводскую канцелярию при репорте представлен от частного смотрителя прапорщика князь Прокофья Булушева; которой в реченной Керенской воеводской канцелярии допросом показал, что он Кумышев с помянутым Яковом Макаровым посланы были от упоминаемых выборного Субботина и однодворцов Хныкина и Рыбалова для изведования о появившемся за Оренбургом беглом казаке Пугачеве; куда и ходили и в его Пугачева изменнической толпе были и присягали двоекратно, стоя на коленях с тем, чтоб им с того времени служить и почитать того Пугачева за государя Петра третьего, и называющейся де в той его изменической толпе начальником и генералом Иван Ефимов, сын Некрасов, остригя им волосы по казачьи и дав им обоим всякое платье и обувь и по одному запечатанному пакету, отпустил в домы свои с тем, чтоб они имели от нем разглашение по всем окольным жительствам и об'являли, чтоб слушали оного казака Пугачева и сказывали об нем, что он государь Петр третий, с чем он пришед в то село Покровское и как платье, так и запечатанные пакеты отдали под сохранение выше предписанным однодворцам Хныкину и Рыбалову, а пропускные им Кумышевым для прохода за Оренбург письма писал по просьбе выборного Субботина того ж села из дворцовых крестьян земской Трофим Лаврентьев, а руку ко оным прикладывал того ж

села поп Петр Гаврилов, по которому показанию и вышеписанной товарищ его Яков Макаров, хотя во первых во оном и учинил запирательство, но на очной со оным Михайлою Кумышевым ставке повинился и допросом показал то ж, что и означенный Михайла Кумышев: и как для изведывания об оном самозванце ходили, как и будучи в той их воровской толпе два раза тому самозванцу Пугачеву присягали также и что они туда ходили, с дозволения того их села однодворцов показал именно ж; а только вышеписанные выборные Субботин и однодворцы Хныкин и Рыбалов также земской Лаврентьев и поп Гаврилов по сыску в Керенскую воеводскую канцелярию противу показания оных однодворцев Кумышевых во всем учинили запирательство, что будто их для того никогда не посылали и у оных по приходе как платья, так и запечатанных пакетов не принимали и для проходу им за Оренбург пропускных писем не давывали. Также и земской будто бы письма не писывал, и поп руки не прикладывал, а оные Кумышевы в том своем показании и по ныне тож говорят и доказывают все подлинно; они ходили с их согласия, в чем и под жесточайшим сечением себя плетьми утвердили. А на представление оной Керенской воеводской канцелярии генерал поручика и кавалера и Воронежской губернии губернатора Николая Лаврентьевича Шетнева в Керенскую воеводскую канцелярию предложения предписано, что когда оные Кумышевы в показании своем утвердились, то как оных, так и прочих по сему делу сговоренных отправить в Казань в секретную господина генерал-поручика кавалера князя Щербатова комиссию, которые ко отправлению и имелись в готовности. Но, как за имевшимся в народе важным возмущением, оные и до ныне еще туда не отправлены, а к тому и отправлять оных ныне по сим важным обстоятельствам неможно, что весь почти подлый народ взбунтовался, и пред сим почти три раза уже многие воровские толпы к городу Керенску нападения имели; хотя они оружием Е. И. В. и отбиты, но как напротиву сего город Керенск и городовая крепость от тех злодеев уже вся выжжена и затем, как оных, так и прочих колодников, особливо бунтующих против сего города, как керенских однодворцев так и прочих уездных обывателей, содержать некем, в чем керенская воеводская канцелярия состоит в крайней опас-

ности, дабы оные злодеи не учинили еще и впредь на город Керенск такового же нападения, понеже все керенские однодворцы, сообщась с теми воровскими толпами и зазвав их самих и обще с ними к разграблению государственного интереса к городу, нападения имели. Да и ныне как небез'известно, что находятся толпами ж не для чего иного, как единственно намерения имеют к нападению ж с теми ворами на Керенск. Как ныне Керенской воеводской канцелярии известно, что ваше высокородие о истреблении сего внутреннего возмущения уполномочены, то, что с таковыми злодеями чинить соблаговолите, Керенская воеводская канцелярия требует от вашего высокородия резолюции. Из оных же злодеев земской Лаврентьев, как видно, признав себя винным, из за караулу же солдат Авдея Савельева, Ивана Селуянова бежал, а поп Гаврилов, как за умножением колодников, а паче за его болезнию отдан на поруки города Керенска однодворцам Фоке Гаврилову, Кирилле Гуляеву с поставкою, а оставшие затем все ныне состоят на лицо. Августа 30 дня 1774 года.

(Из дел о движении Пугачева).

Посадское население в движ. Пугачева.

Промемория.

Августа 1 числа приехал из города Инзары вахмистр, а как его зовут и чей сын неизвестно, а только по словам признал, что все говорят по-польски, с двенадцатью человеки, об'являя о себе, что они команды государя Петра третьего и бегут за Инзарским воеводою. Для чего он из того города бежал и казну с собою увез, и как того города Керенска однодворцы услыша, то не довольно их изловить, но еще, сообщась со оными, пришли на двор воеводского товарища Перского и секретаря Королькова, и об'явя тот называющийся вахмистром данный ему за рукою незнаемо какого тамошнего инзарского однодворца билет к сыску того Инзарского воеводы требовали к поимке его вспоможения и проговаривая, что, если де они его поймают, то от Петра Федоровича дано будет им за то денег полтораста рублев. А как посему услыша и Керенские однодворцы, то подражая сему и вместо послушания, что приказано

было им от воеводского товарища Перского оных взять под караул, но они недовольно того учиня, но еще сделали было такой же бунт, что жаль де нам и того, что третьего дня от нас и Керенской воевода бежал, а вы де извольте ка быть у нас под караулом до прибытия того государя в Керенск; а потом, отделясь из оных несколько человек, в том числе еще Керенской городничий отставной ундер-офицер Черменской со оными, прибрав еще толпу и соцких всего человек до сту, и хотели, как воеводского товарища, так и секретаря сковать; однако, хотя оного и не учинили, а только и по ныне обоих имеют у себя под немалым присмотром и потом оные злодеи, пив с керенскими однодворцы, в то же время поехали незнаемо куда. 2-м: августа 7 числа что означенный злодей и бунтовщик Пугачев с злодейскою своею воровскою толпою для разорения городов и смертного убийства находятся в городе Инзаре; а оттуда будут в Наровчат, где того города жители, взбунтовався и атаковав, воеводу со всею канцеляриею держат у себя под караулом.

(Из дел о движении Пугачева).

* *
*

Экстракт из произведенного следствия над саратовскими казачьими пятидесятниками и казаками, которые во время нападения государственного злодея и бунтовщика Пугачева с его толпами на Саратов добровольно предательство учинили.

А во оном значится:

1-ое. Находились все оные в то время, когда злодей Пугачев шел со своими толпами в Саратов, были у валу, и как злодейская толпа показываться стала, то от полковника и коменданта послан был пятидесятник Алексей Самохвалов с казаками, чтоб из той толпы поймать или с ними начать яко с неприятелями чрез оружие дело, куда тот пятидесятник ездил; и с'ехавшись с тою злодейскою толпою весьма близко ни он Самохвалов, ниже бывшие с ним казаки, не чиня никакого противу тех злодеев, как долг и присяга обязывает, супротивления, назад возратился, только оставя в той толпе добровольно предавшихся казаков Андрея Булатова, Федора Стародубова, Матвея Казакова, Ефима Арскова, Семена Колоколова, Алексея Калашникова, Илью

Бочкарева и Максима Козюлкова, в чем как тот пятидесятник Самохвалов показывал, а предавшиеся ранее казаки и ныне поиманные и приведенные в Саратов сами при допросах винились. А как велено было и в сей казачьей команде переехавши вал, стать у буярака, ибо по ту сторону буярака раз'езжали злодеи, то все как начальные, так и казаки против оных никакого супротивления не чинили, почему и велено было от полковника и коменданта всем им возратиться на прежнее место за вал; а как на прежнее место приехали, то велено спешиться и быть пешком у валу, почему почитаемый пятидесятником Иваном Уфимцовым и братом его Афанасьем Уфимцовым за покойного императора Петра третьего (разбойник Емелька Пугачев, о котором де прежде они от отца своего отставного пятидесятника Якова Ефимцова слышали, а отцу де их причина дала видеться с Пугачевым в то время, как ездил тот отец их в Оренбург из Саратова с саратовским жителем Яковом Лапшиным для покупки лошадей, то де называется императором и купленных тем отцом их лошадей Пугачев взял, а ему за них деньги обещал отдать); вошед на Соколову гору и стал во укрепление стрелять из пушек, и от первого выстрела казачьи лошади, испугавшись, побежали в город, то как начальные тех казаков, так и все казаки и обыватели враз разбежались и более никого уже не видно было. А на другой день предательства казачьего около обеда приехал Пугачев в Саратов к Троицкому собору и спрашивал о том отставном пятидесятнике Якове Уфимцове, а потом и ездил он Пугачев к Уфимцову в дом, у которого обедал, а осмого часа августа дал тот Пугачев свой мерской указ, чтоб тому отставному пятидесятнику Уфимцову быть в Саратове полковником и велел взять ему с Яковом Лапшиным из лежащих под колокольнею ведомства конторы опекунства денежной казны две тысячи семь сот рублев.

Детей же оного Уфимцова пятидесятника Ивана полковником и медалью, а хорунжего Афанасья есаулом в толпу свою пожаловал.

Но как бывшие вышеписанные казаки начальники (кроме пятидесятника Ивана Горохова, который не хотя быть в таком скопище укрывался и тем верность присяги к своей

монархине доказал) и казаки были у того разбойника Пугачева в мерских толпах под Черным Яром, проходя Дмитриевск, Царицин и всякое селение, единогласно показывают все поелику их самих тому варвару служить желание охотное было, а потому и усердствующие зачины, как тот отставной Уфимцов и его дети влагали каждому в сердце и поощряли казаков, чтоб мерское его Пугачева скопище умножить, раздавая едва не на всех по десяти рублев жалованья.

Такая Уфимцова с детьми к Пугачеву доброжелательная усердность превзошла в возмущение противу всеавгустейшей императрицы и отечества не одних казаков, но и обывателей, в чем с Уфимцовым сообщниками оказались из купцов Степан Грачков (который от того Пугачева также полковником назван) и Иван Фирсов.

Грачев Фирсову, как бывшему в Саратовском магистрате при письменных делах, в доме Уфимцова приказывал, чтоб он Фирсов из магистратской ведомости сделал регистр о наличных купцах, кои бы были не свыше сорока лет, и не менее б пятнадцати, которые служить могли Пугачеву, почему тот Фирсов по призыву Грачева ж пищиков Алексея Хромова, Кузмы Варфаломеева, Федора Власова из ведомости купеческой, имена сказывал, а те писцы разные регистры писали и выписано было всех имен более ста пятидесяти человек. И тем написанным в регистре повещено было, чтоб шли к Уфимцову брать жалованья, а потом садились бы в лодки, чтоб тем и на Волге составить злодею толпу. И были на тех лодках цехи Матвей Пичюгин, Иван Курганов, Афанасей Попов, Петр Смирнов, Михайла Пономарев, купцы Матвей Пятибратов, Федор Завьялов, Иван Кривопалов, Павел Хабаров, работник купца Трубицкого Александр Тимофеев, купцы Яков Казакеев, Иван Шевелев, а на других лодках (коих всех было до ста) были посажены из заволской Покровской слободы малороссияне и выпущенные Пугачевым из острога колодники.

Как те посаженные на лодки за Пугачевым вниз рекою поплыли, то велено было им всем от того Пугачева взятое с денежною казною низовой соляной конторы судно конвоевать, что ими до самого Царицина и исполнено было, но как услыхали о высылке из Царицина, то с тех лодок уже бежали.

Грачев же и Фирсов с детьми Уфимцовыми из Саратова за Пугачевым сухим путем конные выехали, и с ними были Саратовские ж купцы Ефим Ащеулов, Кузьма Иванов, Данила Халтурин (которой послан от купца Степана Бур-кина вместо себя), Григорей Кочергин, цеха Василья Рябова Никифор Смирнов с братом Федотом, пахотной солдат Матвей Малафеев, купец, а бывший в толпе пятидесятником Иван Житков, пахотного солдата Якова Лапшина дети, Дмитрий и Федор Лапшины ж.

Купец же Фирсов ответом своим показывает, что приказано было ему от ратмана Михайлы Казанцова, которой во время нападения злодейского убит до смерти, чтоб он Фирсов как магистратские письменные дела, так и всю ведомства магистратского денежную казну и приуготовленное для того порожжее судно погрузил; что все погружено было и для охранения оной определено от того ратмана Казанцова и рассыльщиков и из купцов тридцать человек, которое де судно к отплытию и стояло готово. Но Саратовское все купечество собравшись в магистрат для совета и тому ратману Казанцову выговаривали, для чего он казну без мирского приговора в судно погрузил, и приказано было от всех тех купцов паки денежную казну и письменные дела из судна выгрузить, и выгружена; чрез что и доказали свою усердность тому ж Пугачеву да и случай подали ему ту казну похитить.

Все оные купцы и разночинцы Пугачеву присягали и руку целовали и жалованья брали и, проходя с тем злодеем далее Царицина, поражены были корпусом полковника Михельсона, иные приведены, а другие, бежав, пришли в Саратов, в чем все при допросах винилися.

О предательстве всех вышеписанных преступников подлинное следствие представлено будет, куда надлежит новоупреждения: и дабы оные за толь мерское свое содеяние жалование получили, и чрез то б другие, смотря на то, поползновения и предприимчивости иметь не могли, а тишину и спокойствие восстановить потщились, осмелился на конференцию вашего сиятельства высокографского при рапорте моем сей экстракт поднести.

Получено 23 Сентября 1774 года.

(Из дел о движении Пугачева).

* * *

. . . . . те купцы Саратова на меня, по изорвании указа, злобно кричали. В том же злодейском письме написано было, что все купечество, бобыли и паховные будут защищены и пожалованы, и ото всех податей избавлены, и вольность дана будет, а штаб офицеров и дворян всех хотел перевешать. И в то время самое, что, увидев их злое намерение, приказал было из пушки выстрелить, которой на то об'явя, что трубка замочена и стрелять не можно. А между тем по проводу обывателей оной злодей на Соколовой горе, учредя в трех местах батареи, начал из пушек по нас стрелять и сколь скоро выстреля раза три, то все купечество и народ обратясь пошли в город пешие, а конные купцы и казаки пошли к тому Пугачеву. . . . . .

Подлинный подписано тако:

Полковник Иван Константинов Бошнак.

Ч. 8-го Августа 1774 года.

(Из рапорта Саратовского Коменданта Астраханскому Губернатору. Из дел о движении Пугачева).

Духовенство.

Копия с рапорта секунд-маиора графа Келлина к господину генерал-поручику и кавалеру князю Щербатову, писанного 2-го августа 1774 году из города Саранска.

Удивительно мне, что не токмо крестьяне, но и священнические и монашеские и архимандритские чины делают всему государству возмущения, возмущая чувственный и нечувственный народ тем, поминая в небытность уже его изменника злодейское и варварское имя, в службе божией при литургиях и молебнах, которое уже святейшим синодом на анафиме проклято, учинено в городе Саранске архимандритом Александром. В прибытие ж злодея в Саранск архимандритом, монахами, священниками, купечеством и инвалидной командой, при которой был прапорщик Михайла Шехмаметев, встречен. По отбытии своем пожаловал оного прапорщика в городе полковником и воеводою; который услыша, что к городу я с деташаментом следую, не зная то, что российская или злодейская, встретивши и с авангардом,

при которой был чугуевской господин ротмистр Подьяконов, вынявши свои пистолеты, хотели ротмистра расстрелить; но казаки, в тот час подскоча к нему, пистолеты из рук выхватили и привели ко мне, которого я приказал арестовать и содержать в деташаменте под крепким караулом. . . .

Свидетельствовал капитан Михайла Романов.

(Из дел о движении Пугачева).

Отношение широких масс к Пугачеву.

Копии с допросов, учиненных в Яицком городке в отделенной секретной комиссии тем казакам, кои согласны были к поимке злодея Пугачева.

1. Яицкой казак Федор Чумаков.

2. Илецкой казак Иван Творогов.

. . . . . Около Красноуфимской было еще небольшое сражение, однако ж разошлись ни с чем. Тут яицкие казаки звали Пугачева в Москву в тех мыслях, что он царь, так пора де вступить на престол и полно напрасно проливать человеческую кровь. На то Пугачев говорил, что нет, еще время и наше от нас не уйдет и пошли к пригородку Осе. Как не было у Пугачева ни одной пушки, то оной пригородок взять на слом не могли, стояли тут целые сутки и хотели сделать потом жестокий приступ, но была прежде учинена переговорка, на которую из пригородка выслан был отставной гвардеец. Оной подошел к Пугачеву, глядел на него долго и осматривал приметы и потом сказал громко: не сумневайтесь, молодцы, это природный ваш государь Петр Федорович, я де его точно знаю; сему многие тут, кои еще сомневались, порадованы стали, а через несколько часов и в Осу были впущены и приведены все в верности самозванцу к присяге, в том числе и командир того пригородка но кто таков, не знают. Тут Пугачев был несколько часов. Забрав людей и пушки пошли к Казани, а отойдя несколько верст, бывшего в Осе командиром Пугачев повесить велел, но за что, они не знают. Из взятых в Осе офицеров один, прозывающийся Миняевым, пожалован был от Пугачева чином за то, что взялся самозванца провесть прямо в Казань и чрез его способы взять оную были уверены. Пришед же к Казани

хотя и с супротивлением, однако ж взяли; кто в Казани полковника засекли плетьми, других умерщвляли, они Чумаков и Творогов не знают.

(Из дел о движении Пугачева).

* * *

. . . . . С самого начала, когда еще к Оренбургу пришли злодеи, разослал (с кем именно не знает) в ближние места указы свои, сочинял оные яицкой казак Иван Почиталин, названный потому думным дияком, извещая об явлении своем и обольщая народ волностью, свободою от платежа податей, также крестом и бородою и всякими выгодами; почему народ, прельщаясь на сказанные выгоды, с радостью со всех сторон стекался кучами в нашу толпу, и в короткое время одних башкирцов пришло к нам тысячи с две, а крестьян великое множество . . . . . .

Злодея почитал я прямо за истинного государя Петра третьего потому, во первых, что Яицкие казаки приняли и почитали его таким, во вторых, старые солдаты так, как и разночинцы, попадающие разными случаями на нашу толпу, уверяли о злодее, что он подлинный государь; а в третьих, вся чернь, как-то: заводские и помещичьи крестьяне преклоняли к нему с радостью и были усердны, снабжая толпу нашу людьми и всем тем, что бы от них не потребовано было, безотговорочно. А потому, хотя и слышали мы публикованные об нем указы, доказывающие его донским казаком, но тому мало верили и почитали неправдою . . . . .

(Из показаний Творогова на допросе секретной комиссии. Из дел о движении Пугачева).

* * *

Копия с рапорта Саранской инвалидной команды от подпоручика Иванова к генерал аншефу Казанскому Губернатору и кавалеру Фон-Бранту, пущенного августа от 4-го из Саранска, а полученного 8-го числа в Казане.

Означенный злодей Пугачев с его проклятою сволочью в город Саранск ворвался минувшего июля 27-го числа по полуночи в 7-м часу. Был трои суток, где будучи выкранного от Саранского благородного дворянства предводителя господина генерал-майора Сипягина и других из дворян

штаб и обер-офицеров, из приказных служителей и других званей всего мужеска и женска пола шестьдесят два человека перерубил и перевешал городских жителей, а оставших всех в конец разорил, а сколько, может, где и еще захваченных побито, о том Саранской канцелярии неизвестно. Имеющуюся в Саранской канцелярии при подушном сборе из кладовой разных сборов денежную казну, которая состояла за замком и печатью Саранской канцелярии и за караулом штатных солдат и артилерию, всее разграбили; из которой денежной казны большое количество, наложа подвод на двадцать, взял в свой лагерь, а достальную брав мешками и ездя по городовой крепости и по улицам, толпы его злодея бросал набегшей из разных уездов черни, об'являя им, что оной злодей Пугачев прощает их платежем, как подушных денег, так и прочих государственных податей вовсе, також и от помещиков свободными; а которые помещики до них немилостивы были, тех приказывали самим им вешать и рубить, чем вся та чернь и доведена до большого возмущения, так что уже неуповательно и казенным взысканием с них в платеж происходить; а что принадлежит о денежной казне в Саранском магистрате, то и из оного таким же образом за проданную соль денежную казну бросали тем же набегшим людем из того магистрата в окошки и ездя по торгу, а в питейных домех . . . с одного выходу, как горячее вино, так и прочие напитки все выпустил из соляных анбаров той же набегшей . . . . соли несколько тысяч пудов роздал, но токмо сколько именно, того еще неизвестно. И стоя под городом в лагере трои сутки, рассылая свои партии по разным жительствам и дорогам для сыску дворян и, укрывающихся от такого его злодейства, господ присутствующих, приказных служителей и разного звания обывателей, коими его разосланными злодейскими партиями несколько человек дворян приказные служители и разные обыватели со всеми их семействы переловлены и привозимы к нему злодею Пугачеву, коим оные, как вышеявствует, безвинно повешены и переколоты. А прочие теми его разосланными партиями, где сысканы, потому ж повешены и переколоты; а сколько именно числом человек, за опасностию по разглашению тех разосланных его партий для посылку по уезду, и точной

выправке ныне еще познать не можно; сверх же того до несколько человек как градских, так и уездных обывателей оным злодеем забраны в Казани.

(Из рапорта командира Саранской инвалидной команды пор. Иванова Казанскому губернатору. Из дел о движении Пугачева).

Конец Пугачева.

. . . . . По тракту к Царицину вплоть до оного во всех городах и в деревнях встречали жители так же с хлебом и солью и поздравляли самозванца с восшествием на престол, а в малом расстоянии от Царицина приехали к Пугачеву калмыцкие владельцы с великим числом калмыков. Царицина по сильному сопротивлению взять не могли и отступили на низ. Недалече сего города было 1200 человек донских казаков, кои, как видно, шли против их толпы и сперва поддались было сами Пугачеву, и ночевали в стану у него одну ночь, но по утру неизвестно для какое причины все из толпы сами уехали. Во оное время все бывшие у Пугачева яицкие казаки жестоко усумнились, а особливо чиновные и рассуждали, конечно де, донские казаки узнали, что он не государь, а их казак, так как и слышно об нем было, их обманывает, и так пришли от того в великое сумнение, однако ж по данному указу от Пугачева пошли на низ и, не доходя Черного Яру, неизвестно какою командою были разбиты и потеряли всю свою толпу и всю артиллерию, бежали сперва к Черному Яру и в малом от оного расстоянии чрез Волгу переправились на луговую сторону. Тут и жена Пугачева в лодке перевезена с большим сыном, а двое маленьких остались на месте сражения, и, где теперь находятся, не знают. Тут Пугачев говорил, чтоб итти в Сибирь и тамо собрать новую армию, а как яицкие казаки, коих было человек с полтораста, туда не согласились и говорили, что там делать нечего и воевать де полно; на то Пугачев говорил: так пойдемте на нижнюю Яицкую дистанцию, там наберем всех людей и лошадей и приступим к Гурьеву, а взяв оной, на Каспийском море соберем суда и поплывем в разные орды, их подымем и опять идем в Россию, но казаки уговаривали его, чтоб итти в Узени и там де можем

скрыться до время; на что Пугачев, видя, что с ним не соглашаются, поехал с ними на Узени, а как туда приехали к камышам, то послали несколько казаков искать стариков там в уединении живущих наведаться о хлебе, где бы взять и что делается в городке разведать, а как 2-х человек нашли и стали спрашивать, что делается в Яицком городке, то на то старики отвечали: там де казны никакой нет, больше поступают милостиво и многих де, кто раскаивается, из тюрьмы освободили, только же это недавно; а было сперва строго. Однако казаки тихонько сговорились послать еще о сем удостовериться в городок, подлинно не жестоко поступают с теми, кто сами являются, а между тем по приезде от стариков в стан друг дружке пересказывали, что есть со многими милосердие, начали делать заговор как бы Пугачева связать. Как же у Пугачева а и у всех хлеба почти не было, то он велел оседлать для себя лошадь и собирался тогда сам к старикам ехать же. Сию его наклонность увидели и для удобности, чтоб тамо связать, отобрались с ним же ехать большою частию не кои были одних мыслей, а именно Чумаков с Твороговым, Федулов и все хорунжие лучшие казаки всего человек 30. А как туда приехали расстояние версты три, то показанной Чумаков стал Пугачеву говорить, как де батюшка, куда нам ехать теперь; на то Пугачев отвечал, о чем де спрашиваешь, ведь у нас выдумано куда ехать, на форпосты и к Гурьеву,—а оттуда по морю и подымать орды. А Чумаков, нет де, государь, теперь не прогневайся, полно нам кровь человеческую проливать, пора итти в раскаяние, а когда ты царь, поедем с нами в Яицкой городок и там нас и себя оправь. На то Пугачев: нет де в Яик я не еду, пойдемте лучше назад да станем пробираться в Москву, а Чумаков: нет, нет, государь, воля твоя, тому не быть, изволь ко с себя снять шашку и патронницу, уж мы тебя не упустим, а повезем в городок силою, и тамо за нас отвечайте: ведь мы много, много крови человеческой пролили. Как же Пугачев увидел тут, что все ему тоже говорят, помертвел, а между тем приказано было с него шашку снять казаку Ивану Бурнову, на то Пугачев говорил: я казаку шашки снять с себя не дам, выговаривая, что сие бесчестно, а, отвязав сам, и отдал ее в руки полковнику Ивану Федулову; с чем от стариков и поехали

на то место, где прочие казаки остались, а как переехали тут речку Узень, то Пугачев, увидя, что за ним не очень крепко смотрят, поехал наперед и отозвал от прочих в сторону Творогова будто нечто тихонько с ним поговорить; от'ехав же от прочих несколько сажен, не говоря ничего Творогову, поскакал во весь мах, чтоб уйти, но был им Твороговым нагнан. Спехнули злодея с лошади и связали руки назад, а как он стал молиться, чтоб помиловали и развязали, выговаривая при том, как де вы можете вязать государя, за меня еще Павел Петрович встанется, тут все уважили его просьбу и развязали и посадили на самую дурную лошадь с тем, чтоб не мог ускакать, и так приехали к прочим казакам.

(Из показаний Творогова. Из дел о движении Пугачева).

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. УСТАВНАЯ ГРАМОТА. — Уставная грамота—юридический документ определяющий отношение владельца к крестьянину. Уставные грамоты относятся к тому периоду, когда отношения между владельцем и крестьянином складывались на основе договорных отношений, и являются продуктом юридических отношений эпохи феодальных отношений. Уставные грамоты предполагают уже определенную связь между феодалом и крестьянином, живущим на его земле. Древняя Русь знала две формы землевладения: крестьянское общинное, появившееся на место землевладения семьи, и боярское рабовладельческое земледелие. Но уже в течение XIV века происходит процесс постепенного захвата крестьянских владений феодальными.

Базой такого перехода является наметившийся рост денежного хозяйства, с одной стороны, с другой—переход к более интенсивным формам земледелия. Подсечное хозяйство, господствовавшее еще в первой половине XIV века постепенно заменяется трехпольем, это ведет к разложению большой семьи и, в свою очередь, ставит в зависимость крестьянина, нуждающегося в инвентаре, в защите со стороны крупного землевладельца, имеющего силу. Однако, еще во второй половине XIV века преобладает натуральное хозяйство. Уставные грамоты, устанавливающие отношения между феодалом и крестьянством, указывают на господство натуральных повинностей; но чем дальше шло развитие денежного хозяйства, тем больше натуральные повинности уступают место денежным повинностям. Уставные грамоты отмечают этот переход от натурального хозяйства к денежному: в средине XVI века наряду с денежными повинностями существуют и натуральные (оброчная грамота Вохонской волости, уставная грамота Соловецкого монастыря 1561 г.), к концу же XVI века денежный оброк становится уже господствующим (уставная грамота Троицко-Сергиевского монастыря 1590 г.). Рост денежного хозяйства влияет не только на изменение характера повинностей, но и на самые повинности: растет количество повинностей, величина оброка. Денежный оброк был переходом от натуральных повинностей крестьян в эпоху феодальных отношений к закрепощению крестьянства в период развития торгового капитала. Библиография: Покровский.—Очерки по истории русской культуры, т. I, гл. обр., глава «городское хозяйство»; Рожков.—Русская история с социологической точки зрения; Павлов-Сильванский.—Феодализм в древ-

ней Руси; Дьяконов. — Очерки общественного и государственного строя древней Руси, период второй; Сергеевич.—Древности Русского права, т. I и III.

2. ЕЗ. — Рыболовная плотина, устраиваемая следующим образом: поперек реки вколачиваются колья в два ряда, один от другого на расстоянии в $2^1/_2$ арш. Сверху колья переплетаются прутьями, в воде же промежуток между ними заваливается землей, дерном или навозом. В образуемой таким образом плотине оставляются отверстия—окошки различной величины: ближе к берегу меньшие для постановки верш; в средине же реки более глубокое, служащее для свободного пропуска воды и ловли рыбы. «Ез бити» — устраивать весной и осенью такое сооружение для ловли рыбы. «Забивать ез» — была одной из натуральных повинностей, поэтому «ез» иногда в документах указывается, как податная единица.

3. ЯЛОВИЦА. — Не стельная корова; яловый скот—говорится о самках, не приносивших еще приплоду (по «Толковому словарю живого великорусского языка» Даля, т. IV).

4. ЛЕТО 6900.—До реформ Петра I летосчисление в Московском княжестве и Руси шло от «сотворения мира». На основании некоторых церковных книг считалось, что «рождество христово», от которого принято современное летосчисление, было в 5508 году от сотворения мира. Поэтому, для того, чтобы перейти на существующее теперь летосчисление, необходимо в документах до XVIII века из указанного числа вычитать 5508. Кроме того, необходимо принять во внимание, что до Петровской реформы календаря (в 1699 г.) год начинался с сентября. Поэтому при переводе на современное летосчисление надо учитывать и месяц. В данном случае 6900 г.—октябрь переведен на современное счисление как 1391 г., если бы был указан месяц после января, необходимо было бы перевести, как 1392 г. Летосчисление от «сотворения мира» сохраняется как церковное до настоящего времени.

5. ИНДИКТ. — Форма церковного летосчисления; индикт есть номер года в 15-летнем цикле; цикл этот высчитывался в связи с расчетом пасхи. Индикт 15—последний год этого цикла. В случае отсутствия других хронологических указаний, на основании этого можно определить хронологическую дату данного документа.

6. СЕРЕБРЯНИК. — Особый разряд крестьян. Серебряниками назывались крестьяне, задолжавшие владельцу деньги. «В древних памятниках не мало сохранилось указаний, пишет один из исследователей истории Русского права Сергеевич, на то, что землевладельцы раздают своим крестьянам деньги в рост... В духовной кн. Андрея Васильевича такие деньги названы «ростовым серебром»... Кроме серебра ростового памятники упоминают еще о серебре издольном» (Рус. юр. древ., т. I, стр.217). Установить корни издольного серебра не представляется возможным. Серебряниками, повидимому, назывались и крестьяне, платящие денежный оброк, и недоимки денежного оброка назывались издольным серебром. Самый заем денег и платеж денежного оброка ставил крестьянина в зависимость от заимодавца, но не лишал его права переменять владельца. Однако, переход ограничивался определенным моментом —

Юрьев день. Переход от одного владельца к другому, повидимому, не был связан с выплатой долга: владелец мог искать с серебряника долг, но не задерживал его на своей земле из-за неуплаты долга. Приведенная жалованная грамота (II) указывает, что уплата «серебра» должна быть произведена только в том случае, если «серебряник» уходит не в срок. Подробнее о серебряниках: Сергеевич.—Русские юридические древности, т. I, стр. 216 и след.; Дьяконов.—Очерки общественного и государственного строя Древней Руси, стр. 303 и след.

7. СУДЕБНИКИ 1479 г. и 1550 г.—Судебник 1479 г. —первый опыт законодательства Московского княжества. В основе своей Судебник дает нормы процессуального права, он намечает основные начала правосудия. Характерной чертой судебника является стремление подчинить суд контролю Московского правительства. Это стремление является показателем усиления Московского феодала и подчинения ему других феодалов. Судебник 1479 года является одним из первых документов усилившейся и ставшей центром Москвы. Судебник, хотя и является по преимуществу процессуальным кодексом, дает в то же время материал по изучению социальных отношений этого периода. В частности, Судебник дает материал для изучения вопроса о положении холопов. Всего в Судебнике 1479 г. 68 статей. Судебник 1550 г. является продолжением и развитием тех статей, которые даны в Судебнике 1479 г., и кроме того в него внесен ряд новых статей. Содержание даже тех статей, которые повторяют Судебник 1479 г. значительно изменено: частью расширено, частью в них внесены новые нормы. Сравнение статей суда «о холопстве» показывает те изменения, которые произошли в положении холопов. О Судебниках см. Дьяконов—цит. соч.; Владимирский-Буданов.—История Русского права.

8. ДОКЛАД.—В древне-русском праве означает акт представления всякого рода дел и вопросов на разрешение высшей власти. Во время господства системы кормлений доклад был одним из существенных видов ограничения кормленщиков. По первому Судебнику кормленщики «без боярского суда» не могли «без доклада» давать беглые и отпускные грамоты, выдавать холопа или рабу государю (господину), продать, казнить или отпустить лихого человека. Требование «доклада», введенное в Судебник, обозначало рост власти Московского государя. Поскольку «кормления» являлись продуктом феодальных отношений—кормленщик пользовался правами феодала в области суда, взимания пошлин и т. д., постольку требование доклада являлось ограничением его власти. Оно могло явиться только в результате ослабления власти феодалов (см. след. прим.).

9. НАМЕСТНИК и ВОЛОСТЕЛЬ. — Наместник, должностное лицо древней Руси, в руках которого сосредотачивалась административно-судебная власть в пределах городского округа; в качестве волостного правителя в уезде—наместнику соответствовал волостель. Система наместничьего управления появляется в XIV веке, когда постепенно феодальные князья начинают терять свою самостоятельность, но когда феодальные отношения сохраняются во всей полноте. Наместник сохранял все черты вассала, обязанного

только той или иной повинностью по отношению к своему сеньеру. Наместники были не только княжеские, но и боярские, монастырские, правда, в этом случае они чаще всего назывались приказчиками. Наместники и волостели правили и судили в том районе, который отдавался им в управление. Управляли наместники и волостели на основе «ввозной» грамоты, на началах частного права через свою челядь. Наместник и волостель пользовались правом совершенно самостоятельных владельцев и получали от населения «кормы», отсюда «кормленщики». Управлять было не столько обязанностью наместника и волостеля, сколько его правом, «пожалованием», которое он получал в своем личном интересе, чтобы ему «мочно» было, «чем быть сытым». Получаемые кормы, таким образом, шли в пользу наместника и волостеля; иногда он часть «корма» отдавал князю. Рост денежного хозяйства и торговых отношений, усиливая самодержавие Московского князя, неизбежно должен был вызвать борьбу с этим феодальным институтом. В начале делаются попытки ограничения прав некоторых наместников: доклад является таким ограничением. В средине XVI века попытка ограничения усиливается: в 1535 году Московские князья в ответ на челобитные о грабеже кормленщиков вводят «уставные» грамоты, которыми определялись размеры кормов, пределы власти, и устанавливался контроль местных земских людей над деятельностью наместников. Однако, эта попытка практических результатов не дала. И только в половине XVI в., когда самодержавная власть Московского князя укрепилась, при Иване Грозном проходит так называемая «земская реформа». «Земская реформа» Грозного уничтожает в ряде областей кормленщиков и передает сбор податей, идущих уже исключительно в Москву, выборным от населения. «Губным» головам передается и судебная власть. Важно отметить, что теперь власть на местах была передана поместному дворянству вместо старых бояр-вотчинников, которые сидели на кормлениях. «Земская реформа» Грозного целиком связывалась с борьбой против феодального боярства в интересах дворянства и торговых людей. Губной институт просуществовал недолго. В XVII веке на местах появляются «воеводы», представляющие собою уже чиновников центрального управления. Подробнее об институте наместников и волостелей см. М. Н. Покровский.—Очерки истории Русской культуры, т. I, ч. II; М. Н. Покровский.—Русская история с древнейших времен, т. I; Н. Загоскин.—Уставные грамоты XIV—XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления; Градовский.—История местного управления.

10. ХОЛОПСТВО. — Состояние несвободного населения Древней Руси. Исторические памятники отмечают несколько видов холопства: 1) обельное (полное) холопство; 2) кабальное холопство. Источником холопства, возникшего еще в эпоху Киевской Руси, было: 1) плен; 2) преступление; 3) несостоятельность должника в платеже; 4) рождение от несвободных родителей; 5) продажа себя в присутствии свидетелей; 6) женитьба на рабе; 7) поступление ключником, тиуном (см. прим. 11 и 12). В Московскую эпоху два первых источника уже не имели места, в значительной степени и третий источник потерял значение. Источником холопства становится продажа себя «писание» на себя «кабал». По юридическому положению холоп являлся полной собственностью своего господина, и последний мог распоряжаться холопом как угодно, вплоть до жизни холопа. Холопство особенно сильно

развито в эпоху господства натурального хозяйства. Холоп—главная рабочая сила землевладельца. С ростом денежного хозяйства, расширением землевладения, когда обработка земли переходит в руки крестьян, холопы обслуживают, гл. обр., личную жизнь господина в качестве конюхов, доезжих и т. п. Необходимо отличать в холопстве несколько категорий. Часть холопов пользовалась особым доверием господ, управляла отдельными отраслями господского хозяйства, сопровождала своих господ в походах. Это, так называемые, «большие холопы». Они имели собственность, имели своих холопов, занимались торговлей, ссужали капиталы. «Меньшие» холопы составляли в хозяйстве чернорабочую силу. «Холопство XVII в., пишет Ключевский, отличалось от крепостного крестьянства двумя особенностями: холоп не нес на себе прямого государственного тягла, падавшего на крестьянина, и укреплялся частным договором или происхождением от лица, укрепившегося таким способом, тогда как зависимость крепостного крестьянина, первоначально возникшая тоже из частной сделки уже к XVII в., была положена законом на всех крестьян, живших на владельческих землях, как специальная государственная повинность, и укреплялась не столько ссудными записями, сколько писцовыми и переписными книгами». Указами в начале XVIII в. (1718 и ряда последующих годов) всякое различие между холопами и крепостными крестьянами уничтожается: все в одинаковой мере пишутся в подушный оклад.

Подробнее о холопстве: Ключевский.—Подушная подать и отмена холопства на Руси. Опыты и исследования, первый сборник статей; Дьяконов.—Очерки из истории сельского населения; Рожков.—Сельское хозяйство Московской Руси XVI в., гл. 2-ая; Дьяконов.—Очерки обществ. и госуд. строя древней Руси; Сергеевич.—Русские юридические древности, т. I.

11. ТИУН.—Название для некоторых категорий частных слуг князей и бояр и для некоторых государственных и административно-судебных должностей Древней Руси. Среди княжеских и боярских слуг упоминаются тиуны огнищевые, тиуны конюшие, тиуны сельские или ратайные. В большинстве случаев это были княжеские или боярские холопы: по «Русской Правде» и по Судебникам—принятие должности тиуна само по себе делало человека холопом, если только он не заключал при этом особого условия—«ряда»—о сохранении свободы. Несмотря на принадлежность к холопству, общественное положение княжеских тиунов было весьма высокое.

12. «ХОЛОП ПО СЕЛЬСКОМУ КЛЮЧУ».—Так же, как принятие тиунства, принятие должности сельского ключника делало человека холопом. Принятие должности ключника в городе не влекло таких последствий.

13. СУДЕБНИК Ив. Грозного, см. прим. 7.

14. «ПОЖИЛОЕ ИМАТИ С ВОРОТ».—Уходивший от владельца крестьянин обязан был платить ему «пожилое». Пожилое определялось договором и представляло собою оплату процентов за полученную ссуду, инвентарь и т. п. Размер пожилого определялся опять-таки договором. Требование оплаты пожилого с «ворот» показывало требование оплатить уходящим крестьянином стоимость всего двора, хотя, м. б., после его ухода двор

не становился пустым. Дело в том, что очень часто двор включал в себя не одно тягло, а несколько, и уход одного крестьянина со двора давал возможность получения оброка с оставшихся. Нужда землевладельца в рабочих руках приводила к тому, что этот последний ставил ряд препятствий к уходу от него рабочей силы. Невозможность для крестьянина уплатить пожилое была одним из источников закрепощения крестьянства. Крестьянин сам уйти не мог, его мог вывезти только другой владелец, который оплачивал первому всю задолженность крестьянина и все причитающиеся с него платежи. Крестьянин, таким образом, попадал сразу же в зависимость к новому владельцу. Обычно вывозил крестьянина более богатый, денежный владелец: монастырь, боярин. Монастыри в этом отношении стояли на первом месте. Поэтому понятна та борьба против монастырского землевладения, которая разгорелась в конце XV и нач. XVI века, когда нужда в крестьянах особенно была сильна у мелкого землевладельца.

15. «ПОВОЗ».— Плата за право выезда, которую крестьянин должен был уплатить владельцу, от которого уходил.

Подробнее о праве перехода и крестьянских повинностях: Ключевский.— Возникновение крепостного права, опыты и исследования, первый сборник статей; Дьяконов.—Очерки из истории сельского населения Московского государства; его же.—Очерки общественного и государственного строя древней Руси; М. Н. Покровский.—Очерк истории Русской культуры.

16. СОХА.—Была податной единицей в Московском государстве, начиная с XII века до половины XVII в., когда «соха» стала заменяться новой податной единицей—«живущей четвертью». «Сошное письмо», т.-е. перепись для взимания податей, выросло на земледельческой почве, но стремление Московской финансовой политики ввести однообразие в податную систему привело к тому, что эта единица была приноровлена и к потребностям городского обложения. Большая Московская соха включала в себя на землях дворцовых, поместных, вотчинных—800 четей, а на землях монастырских 600 четей доброй земли. Рядом с сохой, как единица обложения существовала «выть». Выть колебалась в размерах от 10 до 32 четей. Соха была единицей государственного обложения, выть—частного. Размеры «сохи» и «выти» колебались. Было принято, что на соху приходится в черных волостях—$41^2/_3$ выти, в монастырских—50 выт., в поместных и вотчинных—$66^2/_3$ выт. При этом размеры самой выти менялись. Выть, сначала, представляла из себя участок, обрабатываемый силами одного работника, затем, гл. обр., на дворцовых землях выть равнялась приблизительно 5 десятинам земли. Соха была условной единицей обложения, в основе ее лежало определенное количество земли, но принимались и другие данные.

17. ПРОВЕТЧИК.— Один из видов наместничьих и волостелиных слуг древней Руси. Проветчики назначались кормленщиками преимущественно из своих холопов для разного рода судебно-административных поручений: для вызова в суд, отдачи на поруки, производства взысканий; известен случай, когда доводчик (проветчик) выступал в роли судьи. Наместники и волостели получали кормы, а проветчики поборы; дополнением к этим регулярным дохо-

дам служили пошлины, взимаемые в каждом отдельном случае: привод, хожение и т. д.

18. ДОВОДЧИК. — То же, что и проветчик.

19. ФЛЕТЧЕР.—Прибыл в 1588 г. из Англии в Московское государство для торгово-дипломатических переговоров. Его миссия имела мало успеха. Флетчер описал Московское государство в своем сочинении «О Государстве Русском или образ правления Русского царя». Сочинение Флетчера распадается на три части: I. Космография страны; II. Управление. Этот отдел распадается на следующие части: 1) государственное устройство, 2) суд, 3) военные силы, 4) церковное управление; III. Экономика и частный быт. Сочинение Флетчера является одним из важнейших источников по истории 2-ой половины XVI века. Особенно много материала дает Флетчер по вопросам экономического быта Московского государства, организации власти и роли Московского царя в торговле. Сочинение Флетчера, как и ряда других иностранных писателей, использовано Ключевским в его работе: «Сказание иностранцев о Московском государстве».

20. СТРОГАНОВЫ. — Крупнейшие торговцы и промышленники Московского государства второй половины XVI века. Строгановы получили от Ивана Грозного грамоты на земли вниз «по р. Каме от Пермской земли до реки Сылвы и Чусовой». Там Строгановы устроили соляные варницы, собирали пушные меха и вели торговлю с соседними сибирскими племенами. Поселения и крепости Строгановых были передовым форпостом на востоке Московского государства. От этого форпоста началось завоевание Сибири, при чем первые операции по завоеванию были предприняты Строгановыми—поход Ермака. И только впоследствии туда были посланы подкрепления из центра. Строгановы и до получения грамот были крупными торговцами на Востоке. Есть сведения, что они были выходцами из Великого Новгорода, где также вели крупную торговлю. Нельзя согласиться с Флетчером, который относит Строгановых к простому или низшему люду. Строгановы не были боярами, но они были представителями крупнейшего капитала. Они были одними из тех монополистов торгового капитала, которых связывали с царем общие интересы торговли. Те деньги, о которых упоминает Флетчер, были платой крупного концессионера. Передача таких огромных сумм царю, конечно, не разоряла Строгановых, ибо они получали колоссальные барыши со своих предприятий, а главным образом от грабежа туземного населения. Предприятие Строгановых напоминает частные колониальные предприятия английских и голландских купцов XV и XVI вв.

21. ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК.—Это наименование относилось и к крестьянам и к жителям городов. Крестьяне, живущие на черных землях, носили наименование черносошных. «Черные земли»—земли, принадлежащие Московскому князю, полученные им или путем конфискации, или путем купли. Крестьяне, живущие на черных землях, обязаны были определенными повинностями Московскому князю; в отличие от крестьян, живущих на землях других владельцев (помещиков, монастырей, вотчинников), где каждый крестьянин платил за себя оброк по порядной, платеж оброка на черных землях возлагался

на целое общество, и черная волость в целом была ответственна за несение повинностей.

В городских посадах—черный человек—человек, несущий тягло (подать). Очень часто и черные люди для того, чтобы избавиться от несения тягла, продавали или закладывали свои дворы служилым людям, дворы которых, так называемые «осадные», тяглом не облагались.

22. ПОСАДСКИЙ ЧЕЛОВЕК.—Общее название всего торгово-промышленного населения, живущего в городах: торговцы, ремесленники (Посад—место около городского укрепления). Посадское население не представляло однородной группы и делилось на разряды. Привилегированное положение занимали гости; они не несли тягла; тягло падало исключительно на черное посадское население (см. выше).

Подробнее о посадах: Чечулин.—Города Московского государства XVI в.; Дьяконов.—Очерки обществ. и гос. строя Древней Руси; Сергеевич.—Древности Русского права, т. I.

23. ПИСЦОВЫЕ КНИГИ.—Правительственные документы XV—XVII вв., служившие основанием для податного обложения. Первые известные нам переписи составлены были татарами в XIII в. для сбора с населения дани. Когда сбор дани перешел от ханских чиновников к Московским князьям, последние от времени до времени посылали своих писцов и данщиков переписывать старых и вновь поселенных плательщиков для обложения их данью. Книги, составленные этими писцами, носили название «данских» книг. Писцовые книги являются важнейшим источником по изучению хозяйственной жизни Московского государства. Писцы и переписчики применяли не всегда одинаковые методы учета, поэтому даже в том случае, когда до нас дошли писцовые книги одного района за различные периоды—сравнение данных этих книг—почти совершенно невозможно.

24. ЧЕТЬ.—Более мелкая окладная единица. Четь приблизительно равнялась $1/2$ десятины. Соха, как было указано (прим. 16), составляла 600—800 четей, но так как приходилось писать в оклад мелкие земельные владения, большею частью имевшие гораздо меньше сохи, то в основу расчета принималась четь. В писцовых книгах XVI века преобладает, как податная единица, соха, но к XVII веку она все больше заменяется четью.

25. СОШНОЕ ПИСЬМО.—Сошным письмом обозначалось то, что подлежало обложению. В сошное письмо писцы клали каждое отдельное именье особо. Они перечисляли число деревень, дворов в деревне, количество пашни паханной, перелога, дикого поля и пр. в четях, сена в копнах, лесу в десятинах и затем делали расчет, сколько сох или долей сохи составляет это именье. В сошное письмо клалась только паханная пашня, поэтому в писцовых книгах указано: «в поле столько-то четей и в дву потому ж», т.-е. обложению подлежала земля, распахиваемая в трех полях. Земли «порозжие», «перелог» в сошное письмо не клались. Поэтому, хотя в писцовой книге указывается определенное количество четей земли, сошное письмо несколько меньше наличного числа четей. Счет шел по трем полям, причем обмерялось обычно одно поле, и выражение «и в дву потому ж»—стереотипно повторяется во

всех писцовых книгах. Писцовые книги отмечают, гл. обр., земли, обрабатываемые трехпольем. Вместе с тем отмечаются земли худые, средние и добрые. От качества земли завпсел сошной оклад; в соху клалось больше четей худой земли: напр., доброй—800 четей, худой—1.200 четей. В сошной оклад входили не только пашенные земли, но и сенокосы, борти, рыбные ловли и т. п., при чем единицы измерения здесь были другие. Сенокосы, напр., расчитывались по копнам. Кроме того, в сошной оклад входили дворы; в расчет принимались только дворы живущие, так же как паханная пашня. Соха, как было указано (пр. 16), была условной единицей обложения. Поэтому при определении сошного письма принимался во внимание ряд моментов, на основании которых путем различных выкладок получилась условная единица обложения. Необходимо отметить, что по вопросу о характере, составе единиц обложения существует ряд точек зрения.

Подробнее об обложении в Московском государстве: Лаппо-Данилевский.—Организация прямого обложения в Московском государстве; Сергеевич.—Древности русского права, т. III; Рожков.—Сельское хозяйство Московского госуд. в XVI в. Очень подробно характер сошного письма, методы его применения, определения единиц обложения изложено в двухтомном исследовании Веселовского—Сошное письмо.

26. БОБЫЛЬСКИЕ ДВОРЫ. — Так назывались дворы, населенные особой группой крестьян—бобылями, подробнее см. прим. 35.

27. ИВАН БОЛОТНИКОВ. — Руководитель массового движения в эпоху Смуты. Исследователь революции нач. XVII в. проф. Платонов пишет о нем следующее: «Насколько можно судить по отзывам современников, вообще, отрывочным и неясным, Болотников получил большое значение на Украине, именно потому, что первый поставил целью народного движения не только политический, но и общественный переворот. Действуя именем царя Димитрия, он звал к себе всех недовольных складом общественных отношений в Московском государстве и, подавая им надежду на социальные перемены в их пользу, возбуждал к действиям вообще против господствующих классов. Не сохранилось, к сожалению, подлинного текста его воззваний, но есть интересный отзыв о них патриарха Гермогена. Передовая содержание «воровских листов», которые рассылались из стана Болотникова в Москву и по другим городам, патриарх говорит, что эти листы внушают дворне бояр и детей боярских, а с нею и всякой черни «всякие злые дела на убиение и на грабеж». Мятежники велят боярским холопам побивати своих бояр, и жены их, и вотчины, и поместья им сулят; и шпыням и безымянникам-ворам велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити; и призывают их воров к себе и хотят им давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество». Это, продолжает пр. Платонов, был прямой призыв против представителей земельного и промышленно-торгового капитала, и им легко увлеклись люди, страдающие от тогдашнего общественного строя. «Собирахуся боярские люди и крестьяне, говорит летописец о движении Болотникова, с ними же пристаху украинские посадские люди и стрельцы и казаки; и начаша по градом воеводы имати и сажати по темницам, бояр же своих домы разоряху и животы грабяху, жен же и детей их позоряху и за себя имаху».
Т. обр. войска, шедшие с южных окраин к Москве, громко заявляли о своей

склонности к общественному перевороту и уже покушались на демократическую ломку существующего строя» (Платонов.—Очерки по истории Смуты, стр. 246—247).

28. ИСТОМА ПАШКОВ. — В состав войска Болотникова в первый период движения входили не только крестьяне, черные посадские люди, но мелко-поместные дети боярские. Предводителем последних был Истома Пашков. Кроме того, к войску Болотникова присоединилось и дворянство Рязанских городов под предводительством Прокопия Ляпунова. Это последнее раньше всех покинуло войско Болотникова, ибо основной задачей Рязанского дворянства было получение тех привилегий, какими пользовалось крупное вотчинное (феодальное) боярство. То, за что шел Болотников, явно противоречило их интересам. Дворянская мелкота, предводительствуемая Истомой Пашковым «колебалась до последней минуты, не зная куда пристать: к революционным ли отрядам Болотникова, к которым они приближались по степени своей экономической необеспеченности, или же к охранительной среде дворян и детей боярских, к которой они причислялись по форме землевладения и порядку службы». Пашков избрал последних и изменил Болотникову.

29. МАССА. — Нидерландец, род. в 1587 г. Еще юношей родители отправили его в Россию для изучения торгового дела. Он прибыл сюда в 1601 г., скоро выучился русскому языку, стал собирать данные о землевладении и истории России, начиная со времен Ивана Грозного. В 1609 году Московские события заставили его вернуться на родину, где он обработал свои материалы, и результатом этого явилось «Краткое повествование о начале и происхождении современных смут и войн в Московии до 1610 г.» Масса возвращался в Москву несколько раз: в 1613 г., 1618 г., 1624 г. Кроме указанного сочинения, Масса собрал ряд материалов по географии и этнографии Московии и Сибири. «Сказания Массы о Смутном времени» дают много фактического материала, но, являясь наблюдателем со стороны, часто пользуясь слухами и рассказами, Масса скользит по поверхности событий и иногда передает их не точно. Сочинение его издано на русском яз. в 1874 г. под названием: «Сказания Массы и Гаркмана (другой писатель этого периода) о Смутном времени».

30. ДЕ-РОДЭС. — Автор «Размышлений о Московской торговле 1653 г.» был Шведским торговым агентом в Москве. Его «Размышления» являются подробным донесением Шведскому правительству о том, чем торгует Москва, какие выгоды и при каких условиях могло бы получить Шведское правительство от Московской торговли. Родэс уделяет много внимания не только составу товаров, но и характеру и организации торговли в Московском государстве. Будучи торговым агентом в Москве, де-Родэс уделял много внимания вопросу о перенесении центра торговли из Архангельска в Новгород. Являясь представителем интересов Швеции, де-Родэс в своей деятельности все время стремился к тому, чтобы занять место голландцев в русской торговле. Он сообщает, напр., данные о количестве вывозимого на голландских кораблях хлеба. Изменить направление торговли—вот, что ставил своей задачей Родэс в Москве. Поскольку торговля через Архангельск встречала ряд затруднений—большую часть года порт закрыт, большое расстояние от Москвы

до Архангельска—предложения де-Родэса не могли не привлечь к себе внимания Московского правительства; однако, опасения оказаться в зависимости от Шведских купцов перевесили невыгоды торговли через Архангельск, и Московское правительство не пошло на предложение де-Родэса. Родэс отмечает, напр., что Ярославское купечество особенно протестовало против этого, ибо оно теряло многое от перенесения торговли с Архангельского пути. Вопрос о перенесении торговли из Архангельска в порты Балтийского моря, возникший в конце XVII в. и в начале XVIII в., разрешился завоеванием побережья Балтийского моря. Де-Родэс в своих «Размышлениях» дает много материала для изучения Московской торговли, и здесь важно отметить, что он особое внимание обращает на торговлю хлебом.

Подробнее: Покровский.—Р. Ист. с древн. времен., т. II; Курц.—Донесение Родэса и Архангельско-Балтийский вопрос (Ж. Мин. Нар. Пр., 1912 г., № 3).

31. КИЛЬБУРГЕР. — Автор «Краткого известия о Русской торговле» являлся продолжателем де-Родэса. Есть все основания предполагать, что работа де-Родэса служила источником для Кильбургера. Пребывание Кильбургера в Московском государстве относится к самому концу XVII в. При сравнении данных де-Родэса и Кильбургера видно, что торговая и промышленная жизнь Московского государства за тридцать лет ушла далеко вперед: темп и размеры торговли расширились, увеличился общий оборот, хотя и Кильбургер указывает на средневековый характер торговли. Балтийский вопрос во время Кильбургера стал во всей широте.

Подробнее о Кильбургере: Покровский.—Р. Ист. с др. вр., т. II; Кильбургер.—Краткое известие о русской торговле с предисловием Курца.

32. «ПРИКАЗ БОЛЬШОГО ПРИХОДА».—Приказы—центральные органы общего или областного управления в Московском государстве. Приказы возникли еще в эпоху господства феодальных отношений, как частные поручения, даваемые князем его отдельным слугам. Тогда говорилось, напр., что такой-то город «приказан», т. е. поручен такому-то лицу. В дальнейшем Приказы превращались в учреждения, поскольку предметом поручения был известный круг постоянных дел. Приказы вырастали бессистемно, по мере надобности. В связи с ростом территории Московского государства, усилением власти царя и усложнением управления, вырастали те или иные Приказы. Присоединение той или иной территории вызывало создание Приказа, так возникли, напр., Казанский Приказ, Сибирский Приказ.

В начале образовывались Приказы, связанные с дворцом, обслуживающие потребности дворца, в широком смысле слова, а затем уже возникали самостоятельные Приказы. В Приказах, возникавших от случая к случаю, был постоянно параллелизм: часто различные Приказы ведали одними и теми же вопросами, вследствие чего происходила неизбежная путаница. Можно довольно условно разделить Приказы на следующие группы: Приказы, ведавшие государственное и дворцовое хозяйство—Пр. Большого Дворца, Пр. Казенного Двора, Большого Прихода, Большой Казны, Счетный Приказ; Приказы, ведавшие военное дело и служилых людей: Стрелецкий, Рейтарский, Казачий, Иноземский, Великороссийский, Поместный, Пушкарский, Бронный, Оружейный, Столовый, Полоняночный: Приказы административные: Ямской, Житный, Ка-

менный, Земский; областные Приказы; судные Приказы: Холопий, Разбойный, Сыскной, Дворцовый Судный и т. д. Наконец, Приказы, имеющие отношение непосредственно к царю: Посольский, Челобитный, Тайных Дел.

Приказ Большого Прихода ведал в XVII в. таможни и лавки в большинстве городов, за исключением Новгорода. Он ведал таможни и лавки г. Москвы, которые давали большой доход.

О Приказах: Шумаков.—К истории Московских Приказов; Неволин.—Образование управления в России.

33. КОТОШИХИН, Григорий Карпович.—Был под'ячим Посольского Приказа. Вследствие столкновений по службе и боясь преследований, бежал в Польшу, а затем в Швецию, где был в 1667 г. казнен за убийство в пьяном виде своего хозяина. Котошихин написал сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича». Сочинение Котошихина распадается на 12 глав. В первой главе даются сведения о жизни царского двора и царского семейства; во второй — о царских чиновниках и служилых людях; в 3, 4, 5 сообщается о разного рода дипломатических делах и сношениях России с иностранными государствами: в 6, 7, 8 рассказывается о центральном и местном управлении; в 9 — об организации войска; в 10, 11, 12 сообщается о торговых людях, крестьянах различных разрядов и о боярском домашнем быте. Сочинение Котошихина является драгоценным документом для изучения государственного и общественного строя Московского государства. Тонкий и разносторонний наблюдатель Котошихин дает яркую картину современного ему Московского об-ва, к которому он относится довольно отрицательно.

34. ПОРЯДНЫЕ И ССУДНЫЕ ЗАПИСИ.—Заключались крестьянами, поселявшимися на земле какого-нибудь владельца. Сущность крестьянского поряда заключалась в том, что порядчик нанимал пашенный участок земли и за то принимал на себя ряд обязательств в отношении хозяина или волости. Принимаемые крестьянином-порядчиком на себя обязательства были весьма разнообразны. Главнейшие виды обязательств крестьян-порядчиков были следующие: 1. Оброк в пользу землевладельца; 2. Обязательство несения всякого рода государственных платежей и повинностей; 3. Отбывание всякого рода натуральных повинностей в пользу землевладельца, так называемые «изделье», «боярское дело» (барщина). При аренде крестьянин часто получал подмогу в виде ли денежной ссуды или в виде живого инвентаря (см. первую порядную), при чем в качестве обеспечения ссуды крестьянин давал обязательство выплачивать определенную сумму. Поряжались как старинные крестьяне «старожильцы» (см. прим. 35), так и вновь приходящие. Эти последние обычно носили наименование «новопорядчиков». Новопорядчики рекрутировались из различных групп. Исследователь порядных записей проф. Дьяконов перечисляет следующие группы, пополнявшие ряды новопорядчиков: 1. Вольные люди, не связанные ни с одной общественной группой, — здесь в первую очередь были отпущенные холопы и крестьяне: 2. Затем, выходцы из-за рубежей Польско-Литовского и Немецкого; 3. Дети и родственники тяглых людей, не внесенные еще ни в какие описи. Самые ранние порядные записи, дошедшие до нас, относятся к середине XVI в., но таких немного, большею частью порядные относятся к XVII в. Характерным отличием порядных XVII в. от порядных XVI в.

является условие о невыходе из-за землевладельца вообще. Порядные XVI в. обычно заключались на срок – 5, 10, 15 лет, порядные XVII в.—бессрочны. Порядные записи так же, как и ссудные, устанавливали экономическую зависимость крестьянина от помещика, и это было одним из важнейших источников закрепощения. Порядившийся крестьянин был, таким образом, вечно крепок тому владельцу, к которому порядился.

Подробнее: Ключевский.—Происхождение крепостного права, сб. ст., т. I; Дьяконов. — Очерки из истории сельского населения Московского госуд.: Дьяконов. — Очерки общественного и государств. строя древней Руси; Покровский — Очерки по истории Русской культуры, т. I: Покровский. — Р. Ист. с древн. вр., т. I.

35. БОБЫЛЬ.—Непашенный безземельный человек. Бобыль бросает пашню не потому, что он предпочел земледелие какому-нибудь другому промыслу, а потому, что вследствие бедности покинул земледелие. Бобыли начинают упоминаться в памятниках XVI в., которые часто указывают причину появления бобылей: «был крестьянин, да обмолодал» и стал бобылем. Разорение—основная причина появления бобыльства. Наибольшее количество бобылей писцовые книги отмечают в центральной Московской области в конце XVI века, так в Белозерском, Московском уездах на землях Тр.-Сергиева монастыря было 19% бобыльских дворов, а в Тульском уезде на землях вотчинников и поместий в 1586 г. было 41% бобыльских дворов. Как «пустоши», опустевшие деревни, так и рост бобыльских дворов было результатом аграрного кризиса XVI в., охватившего, гл. обр., центральные области. Бобыльские дворы обычно в тягло не клались до 1630 года, после чего и бобыльские дворы были привлечены к несению тягла из расчета: два двора бобыльских равняются одному двору крестьянскому. Вотчинники и помещики часто называли крестьянские дворы бобыльскими, с целью убавить количество тягл с деревни. Освобождение бобыля от тягла не вело, однако, к тому, что бобыль вообще ничего не платил. «За пользование усадебным местом с надворными постройками, а иногда еще и с огородом бобыли уплачивали особый сбор, называемый иногда поземом, обыкновенно же оброком с двора. Этот сбор, колеблющийся в размерах в зависимости от места и времени, поступал в пользу хозяина земли, будь это государство, монастырь, церковь, или частный землевладелец» (Дьяконов). Кроме того, бобыли, когда порчжались к землевладельцу, обязывались «делать всякие изделия на него». Иногда изделная повинность перелагалась на денежный оброк.

Подробнее: Дьяконов.—Очерки из истории сельского населения в Московском Государстве, очерк IV; Сергеевич.—Русские юридические древности, т. V; Рожков.—Сельское хозяйство Московский Руси XVI в.

36. СТАРИННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.—«Старожильцы»—первая группа владельческих крестьян, утративших право перехода в силу давности или старины. «Это», пишет проф. Дьяконов, «первые наши крепостные». Термин «старожильцы» употреблялся в двояком смысле: 1) этим термином обозначались крестьяне, жившие определенный срок, во всяком случае не меньше 10 лет, у землевладельца; 2) «старожильцы судные», которые являлись свидетелями при всякого рода разбирательствах, когда необходимо было удостоверять какой-либо

факт прошлого. Вторая группа, конечно, не состояла исключительно из крестьян и она не была первой группой прикрепленных. Только крестьяне-старожильцы прикреплялись. «Старожильство», т.-е. известная давность поселения, не было основанием прикрепления. Старожильство, т.-е. прикрепление крестьянина к данному владельцу по старине, явилось результатом фактической невозможности для крестьянина выхода от владельца вследствие задолженности. Старожильцы упоминаются в памятниках половины XV века и чаще всего это были серебряники (см. прим. 6), не имеющие возможности выплатить «серебро» и т. обр. остающиеся на долго на данном участке земли владельца. Крепость по старожильству связывала крестьян, но не землевладельцев: последние могли отказывать старожильцам, сгонять их с занимаемого участка. Старожилец не мог отказываться, он мог быть только отпущен. Старожильство было не только на владельческих землях, но и на черных. На последних крестьянин-старожилец прикреплялся для несения тягла, тогда как на владельческих он попадал в личную зависимость к владельцу. Срок старожильства, т.-е. давность, необходимую для того, чтобы крестьянин считался старожильцем, по материалам установить нельзя.

Подробнее: Дьяконов.—Очерки общественного и государственного строя древней Руси; Дьяконов. — Очерки по истории сельского населения Московского государства, очерк первый.

37. СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г.—Является важнейшим кодексом законодательства Московского государства. В Уложении не только приведен в систему ряд законодательных памятников Московского государства, но введен ряд новых статей, явившихся результатом учета требований, выставленных в различного рода челобитных, подаваемых царю. Как раз наиболее важные статьи Уложения, гл. IX—о мытах и о перевозах и о мостах; гл. XI—суд о крестьянах; гл. XVI—о поместных землях; гл. XIX—о посадских людях—в значительной степени сформулированы с учетом тех пожеланий, которые выставлялись в челобитных. Из общего числа 975 ст. Уложения исследователь Уложения пр. Загоскин считает 82 статьи, составленными под влиянием челобитий. Соборное Уложение было кодексом, учитывавшим все те изменения, которые произошли в Московском государстве к концу первой половины XVI в. К этому времени рост торгово-капиталистических отношений наметился с новой силой. Период некоторого рецидива феодальных отношений прошел, торговля с Западом расширялась (см. данные де-Родэса и Кильбургера), расширялась и торговля внутри государства. При этом так же, как и в XVI в., господствующая роль в торговле принадлежала крупным монополистам-купцам. Усилилась и власть центрального правительства. Соответственно этому Уложение устанавливает ряд законов, уничтожающих препятствие внутренней торговле: отмена всякого рода мелочных местных пошлин. Вместе с тем, Уложение окончательно закрепляет крестьян за их владельцами (ст. 3, гл. XI): отменяются всякие сроки розыска крестьян. В то же время и по отношению к низшему посадскому населению устанавливаются положения, закрепляющие их как тяглецов и ставящие их в зависимость, как от крупного капитала, так и от царских чиновников. Уложение явилось важнейшим законодательным актом крепнущего крепостнического государства. В нем уже проявились

черты будущего бюрократического государства. Характерно, что принципы, положенные в основу гражданского кодекса в Уложении, сохранились не только в XVII и в XVIII вв., но в течение всей первой половины XIX в. и даже после т. назыв. реформы, одним из этих принципов была сословность. Крепостнические отношения, закрепленные Уложением, в последующих законодательных актах только находили свое подтверждение, и в связи с их развитием в ряде указов вносились только изменения, ставящие крестьян в большую юридическую зависимость от владельца.

Подробнее об Уложении: Покровский.— Р. Ист. с древн. вр., т. II; Загоскин. — Уложение ц. Ал. Мих. и Земский Собор 1649 г.; Ключевский. — Лекции по Р. Ист., т. III; Платонов. - Статьи по Русск. Ист., статья: Заметки по истории Московск. Земских Соборов.

38. ПОМЕСТНЫЙ ПРИКАЗ.—Ведал поместные и вотчинные дела, раздавал и отбирал поместья, следил за переходом их и вотчин от одних лиц к другим и судил по земельным делам. Получая из «Разрядного Приказа», ведавшего службой служилых людей всего государства, сведения относительно окладов служилых людей, он руководствовался ими и с своей стороны извещал «Разряд» о поместных дачах и вотчинах. Т. обр. поддерживалось соответствие между земельным обеспечением служилых людей и службой с земли.

39. СТРЮЙС.—Голландец, парусный мастер. Стрюйс, прежде чем попасть в Россию, много путешествовал: был в Индии, в 1647 — 51 г. об'ехал весь Старый Свет. В 1688 г. явился в Россию и в качестве парусного мастера отправился на Каспийское море. Стрюйс описал свое пребывание в России. Переезд от Риги до Астрахани дал возможность Стрюйсу наблюдать жизнь Московского государства довольно хорошо. Описание Стрюйса является одним из важных памятников по изучению движения Разина. Стрюйс дает достаточный материал, чтобы судить о первых шагах Разиновского движения, но не везде Стрюйс дает правильное освещение фактов. Так, с ним совершенно нельзя согласиться, что Разин хотел быть царем. Все данные говорят об обратном: Разин именно никогда не выступал, как будущий царь, самозванства у Разина не было, и вся его дружина выступала, как казацкая организация. Вместе с тем Стрюйс довольно правильно отмечает симпатии низов к Разину, но корней этой симпатии, к сожалению, не вскрывает. Конечно, нельзя согласиться, что Разин добивался симпатии только раздачей денег. Причины лежали гораздо глубже. Сочинение Стрюйса напечатано в «Русском Архиве» за 1880 г., кн. I.

40. ПРОЖЕКТЕРЫ.—Так назывались авторы проектов (прожектов), представляемых Петру I его современниками с предложениями всякого рода реформ. Все «прожекты» можно разделить на три группы: проекты, относящиеся к области торговой политики; проекты о податной реформе; проекты административной организации. Литература проектов—один из интересных памятников конца XVII начала XVIII в. Целый ряд реформ, проведенных в конце XVII и нач. XVIII в. в сущности осуществляет ряд мыслей, высказанных в проектах современников Петра. Проекты все время подчеркивают интересы купечества. Характерной чертой проектов является развитие идей меркантилизма. Ряд проектов указывает на необходимость не только развития тор-

говли, но и промыслов, указывая на пути развития этих промыслов. Люберас, напр., автор одного из проектов, писал, что развитие мореплавания не может поднять страны, необходимо, как он писал, распределение мануфактур, развитие земледелия и развитие добычи минералов. Другие проекты касаются вопросов переорганизации торговли. На ряду с проектами о торговле, ряд проектов касается вопросов организации обложения. Этот вопрос при напряжении сил государства в войне играл важную роль. И податная реформа—введение подушной подати—есть осуществление одного из проектов. Наконец, последний вопрос, которого касаются проекты—организация управления. Вопросы управления занимали не маловажное место в этот период. К этому времени укрепилось торгово-капиталистическое отношение и организовывалась окончательно абсолютная власть. Организация управления в интересах нового класса, приходившего к власти, являлась важным моментом. Характерной чертой ряда проектов является борьба против господствующего положения поместного и вотчинного дворянства. Проекты указывают на необходимость лишения дворянства права торговли, требуют, чтобы дворянство было отставлено от всяких дел, связанных с финансовыми вопросами, и предоставляют «фамильным и шляхетству всем превосходити в честь и славу разными науки и службою в воинстве». В практике Петровского времени действительно купечество играло важную роль. Проекты касаются и крестьянского вопроса, но ни один из них не ставит вопроса о крепостных отношениях — это признается, как должное. Все проекты касаются, гл. обр., вопросов, как лучше поднять их платежеспособность.

Подробнее о проектах: Павлов-Сильванский.—Проекты реформ в записках современников; Милюков.—Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и Реформы Петра Великого; Покровский. — Рус. ист. с древнейших времен, т. II.

41. САЛТЫКОВ, Федор Степ. — В 1711 г. был отправлен во Францию, Голландию и Англию для покупки кораблей и оттуда представил Петру «Пропозиции» и «из'явления прибыточные государству». Цель своих проектов он определяет т. обр.: «учинить в наших государствованиях в прибылях, как внутренних, так и внешних вновь доходы великие, которые еще у нас не ведомы, а людям ни малой тягости не будет». Оба проекта в основном развивают эту мысль, но касаются и ряда других вопросов; напр., Салтыков много внимания уделяет вопросам образования, предлагая обязать дворянских и купеческих детей итти в школы, и в то же время предлагает для сирот устроить школы, где бы они обучались всякого рода ремеслам и искусствам. Необходимость распространения образования у Салтыкова связана с вопросом прибыточности государству. Торговля и колониальная политика Англии произвели, повидимому, на Салтыкова огромное впечатление, ибо вопросам торговли и расширения России на Восток он уделяет значительное место, особенно в «из'явлениях». В противоположность целому ряду прожектеров Салтыков указывает на возможность получения не ведомых еще «у нас прибылей», гл. образом, путем колониальной политики. Вместе с тем он много внимания обращает и на необходимость развития промышленности. Во всех проектах Салтыкова видно большое влияние Англии, английской жизни, порядков. Он так и говорит, что он, ознакомившись с английской жизнью, выбрал из английских порядков то,

что, по его мнению, пригодно для России. Предложения Салтыкова нашли свое отражение в ряде законов и во внешней политике Петровского времени. Так мы знаем, что, следуя целиком советам Салтыкова, Петр приказал итти к Хиве и Бухаре и с Каспийского моря и из Сибири. Практического значения это не имело, но важна самая попытка. Салтыков, повидимому, очень образованный человек, не занимал видного положения в Петровском бюрократическом правительстве. Он все время жил в Англии, наблюдая за постройкой кораблей и покупкой новых, при этом нельзя сказать, чтобы он пользовался особым расположением со стороны Петра. Письма Петра к Салтыкову довольно сухи, в то же время Салтыков все время жаловался на недостаток его содержания в Англии. В 1715 г. Салтыков умер в Англии (Литература—см. прим. 39).

42. КУРБАТОВ, Алексей Александр.—Автор пунктов о кабинет-коллегиуме, был дворецким у гр. Шереметьева. В 1699 году он очень оригинально дает о себе знать Петру, подбросив в Ямском Приказе письмо с надписью: «поднести великому государю, не распечатав». В этом, направленном несколько необычным образом, письме Курбатов предлагал ввести гербовую или орлиную бумагу и указывал на ее введение, как на источник дохода. Проект был немедленно осуществлен, а Курбатов стал «прибыльщиком». На его обязанности было искать прибыли государству и сообщать свои мнения царю. И в это же время Курбатов начинает свою довольно блестящую карьеру: его жалуют в дьяки Оружейной палаты и награждают деревнями. В дальнейшем карьера Курбатова идет по восходящей линии, в 1705 году мы видим его уже обер-инспектором Ратуши (учреждение, ведавшее сборами с торговых людей), в 1711 г. Курбатов назначается на должность Архангельского вице-губернатора. Курбатов по обязанности прибыльщика изыскивал всякие средства увеличения государственной казны, причем большое внимание обращал на борьбу с казнокрадством, всякими незаконными поборами в свою пользу со стороны чиновников Петровского правительства, но сам тоже был обвинен в казнокрадстве и умер под судом в 1721 г. Пункты о кабинет-коллегиуме—не единственный проект Курбатова, он довольно часто писал Петру. Все его проекты носят более или менее однообразный характер: прибыльщик писал о прибылях. Курбатов был большим сторонником концентрации финансового дела в одном центральном учреждении и об'единения всего управления в едином органе—кабинет-коллегиуме.

43. НЕСТЕРОВ, Алексей.—Автор доношения об уравнительном налоге был крупной фигурой Петровского времени. Выйдя из среды крепостного крестьянства, Нестеров начал свою служебную карьеру в 1704 г. в качестве заведующего одним из ясачных (см. пр. 48) сборов, в 1711 г. — он комиссар Московской губ., в 1712—фискал, в 1715—обер-фискал (см. пр. 43). Вся деятельность Нестерова была связана с финансовыми вопросами. Он, как и Курбатов, был представителем буржуазии Петровского времени и, как Курбатов, вел борьбу со знатью именно в вопросах финансовых: он стремился к тому, чтобы государство не растаскивалось. Как и ряд других прожектеров, Нестеров много внимания отдает вопросу о развитии торговли, вопросам увеличения богатств государства. По своей должности он ведет борьбу с казнокрад-

ством и всякого рода непорядками. Нестеров серьезно относился к своему делу, но и он в конце концов не избежал того, с чем боролся всю жизнь — взяточничества. В 1724 г. Нестеров за взятки, получаемые им с подчиненных ему фискалов, казнен.

44. ФИСКАЛЫ. — Должность, учрежденная Петром. «Фискал — пишет М. Н. Покровский — представитель публичного интереса, охраняющий «дела народные» от покушений частных лиц». Основной задачей этого института была борьба со всякого рода злоупотреблениями: взяточничеством, казнокрадством, незаконными поборами и т. п.

45. ФИЛИППОВ.—Автор «Доношения». Его биография неизвестна. Судя по его отношению к дворянству, к тому, как ему дороги интересы купечества, можно предполагать, что он был тесно связан с купечеством.

46. ШЛЯХЕТСТВО. — Так называлось в XVIII веке среднее дворянство. Термин взят из польского языка: шляхтич—дворянин.

47. ГЛАВА 9 КНИГИ О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ трактует о всякого рода мероприятиях, ведущих к обогащению казны. Здесь Посошков мало чем отличается от авторов других проектов. Те же требования борьбы со взяточничеством, правильной организацией сбора податей и т. д.

48. ПОСОШКОВ, Ив. Тихонович.—Черносошный крестьянин. Автор многих произведений. В «Книге о скудости и богатстве» Посошков описывает непорядки современной ему жизни и дает ряд советов, как исправить эти непорядки, чтобы улучшить жизнь всех классов. В своих советах Посошков говорит то же, что и другие прожектеры. Посошков довольно часто повторяет одну мысль: «в коем царстве люди богаты, то и царство то богато, в коем царстве люди убоги, то и царству тому не можно слыть богатому». Вокруг этой мысли построено все сочинение Посошкова. Рекомендуя заботиться о благосостоянии всех классов, Посошков главное значение придает купечеству.

49. ЯСАЧНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ. — Такое название в XVI—XVIII вв. носило нерусское население Сибири и Приволжских областей, платящее подати — «ясак» (слово татарское). В Сибири ясак брался пушным зверем, в Приволжских областях в XVI и XVII вв. он тоже был натуральным, впоследствии брался деньгами. Ясачные крестьяне имели свое самоуправление и подчинялись особым чиновникам, которые ими ведали.

50. БЕРГ- и МАНУФАКТУР-КОЛЛЕГИЯ.—Коллегии — органы центрального управления, созданные в начале XVIII в. взамен Приказов. Коллегиальное управление было учреждено в 1720 г. Образцами для коллегий были взяты центральные учреждения Швеции. Учреждено было 10 коллегий: 1) коллегия иностранных дел, ведавшая сношениями с иностранными государствами: 2) адмиралтейская — ведала морскими силами, а также лесами, т. к. лес шел на постройку флота; 3) военная — заведывала военно-сухопутными силами: 4) камер-коллегия—в круг ее ведения входило «надзирание и правление над окладными и неокладными приходы», а также рассмотрение росписи расходов

по штатам; кроме того, камер-коллегия должна была заботиться о дорогах, заселении свободных земель, хлебопашестве, скотоводстве, рыболовстве; 5) Штатс-контор-коллегия надзирала за всеми государственными расходами; 6) ревизион-коллегия—в ее обязанность входили ревизия и контроль финансов; 7) коммерц-коллег.—в ее обязанности входили вопросы, связанные с торговлей; 8 и 9) Берг- и мануфактур-коллегии ведали фабриками, заводами; при чем берг-коллегия ведала исключительно горным промыслом и горными заводами, а мануфактур-коллегия всеми остальными фабриками и заводами. Эти две коллегии то составляли каждая самостоятельное учреждение, то сливались вместе; 10) юстиц-коллегия наблюдала за судебными учреждениями и была апелляционной и кассационной инстанцией для низших судов.

51. МАГИСТРАТ. — Городское самоуправление. В 1720 г. был учрежден главный магистрат, который должен был учредить магистраты по городам. К 1724 г. магистраты были организованы во всех городах. Главному магистрату поручено было «ведать всех купецких людей и рассыпанную сию храмину паки собрать». Члены магистрата выбирались выборными бурмистрами и первостатейными людьми города. Число членов магистрата определялось количеством жителей города. Магистраты ведали финансами (сбором налогов), выполняли судебные функции, ведали внутренний распорядок городов и должны были заботиться о развитии торговли и промышленности. Магистрат фактически был сословно-бюрократическим учреждением, ибо главной его обязанностью было охранять возможно больше интересы казны.

52. ЩЕРБАТОВ М. М. (1733-1790).—Дворянский публицист второй половины XVIII в. В своих выступлениях в Комиссии по составлению Нового Уложения и в ряде своих публицистических сочинений Щербатов выступает ярким защитником интересов дворянства. Дворянство, по мнению Щербатова,—опора и основа государства, отсюда и требование всяких привилегий дворянству: только дворяне могут владеть крепостными, ибо дворянство владеет землей и, приучаясь с молодых годов управлению крепостными, готовит себя к той деятельности, которая является его естественным правом—к управлению государством; исходя из того же положения, что дворянство владеет землями, а, следовательно, и их недрами, Щербатов считал, что и заводы должны принадлежать дворянству, т. к. на них перерабатываются продукты земли; внешнюю торговлю Щербатов также считал необходимым сосредоточить в руках дворянства. Это требование он мотивировал тем, что купцы не знают иностранных языков и арифметики, и потому не могут торговать, но главным аргументом было то соображение, что купцы торгуют произведениями крестьянства, гл. обр., хлебом, хлеб же из земли, и крестьяне—крепостные, отсюда следствие: купечество наносит ущерб дворянству. У Щербатова особенно интересно то, что он выступает с обличением многих порядков и крепостного права и торговли водкой, но постольку, поскольку это не принадлежит дворянам, крепостное право не хорошо, потому что крепостными владеют не дворяне, кабаки в деревне—зло, но их надо отдать в руки дворянству и тогда они превратятся в благо.

В утопии «Путешествие в землю Офирскую» Щербатов нарисовал картину политического строя, наиболее близкую его сердцу: в этом строе власть

принадлежит дворянству, и там все счастливы. Щербатов был большим поборником идеи аристократического ограничения самовластия, как писал он, с сохранением монархического строя. Подробнее: Покровский. — Рус. Ист. с древнейших времен, т. III.

53. ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБ-ВО. —Возникло в 1765 г. «Пятнадцать особ знатностью рода, доверенностью монаршею, опытностью в сельском хозяйстве или ученостью отличившиеся, соединились в С.-Петербурге взаимным желанием, чтобы составить из себя и из других, одинаковым намерением одушевляемых, общество, которое заботилось бы о распространении в государстве полезных для земледелия и промышленности сведений» —так определялись задачи и состав общества. Учреждение Вольного Экономического об-ва было показателем того, что дворянство поставило в порядок дня вопрос об улучшении сельского хозяйства, что было связано с запросами на русский хлеб со стороны заграничного рынка. Общество назначало премии за наиболее удачные проекты ведения хозяйства. Труды об-ва служат прекрасным источником для изучения экономической жизни России. Просуществовало оно вплоть до Октябрьской революции.

54. КОМИССИЯ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ НОВОГО УЛОЖЕНИЯ собралась с 1767 г. и работала до декабря 1768 г. Комиссия, как это указано в ее названии, созывалась для составления Нового Уложения. Для комиссии Екатерина II написала наказ, в котором изложила, гл. обр., взгляды Монтескье, приспособляя их к интересам самодержавия и, конечно, во многом исказила. Комиссия составилась из представителей всех сословий, за исключением крепостных крестьян. Каждый депутат приехал с наказом от своих избирателей. Литература наказов, а также мнения—выступления депутатов—представляют богатый материал для изучения экономической и политической жизни России того времени. Наказы и выступления депутатов ярко вскрыли противоречия между различными сословиями. Комиссия практического значения не имела, Уложения не выработала. Вторично созвать депутатов, как было обещано, правительство Екатерины II не рискнуло, т. к. депутаты в комиссии довольно недвусмысленно намекали на необходимость ограничения самодержавной власти. 564 депутата распределялись по сословиям следующим образом: 28 депутатов от правительственных учреждений, 161—от дворян, 208—от горожан, 54—от казаков, 79—от крестьян и 34—от иноверцев. Литература: Покровский.—Рус. Истор. с древ. вр., т. III; Дитятин.—Екатерининская комиссия 1767 г.

55. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ. — Составились из черносошных, ясачных, приписных (к заводам) крестьян и однодворцев. Государственные крестьяне платили подати прямо государству, и управление ими было сосредоточено в руках казенных палат. Наиболее тяжелым было положение приписных крестьян.

Подробнее: Семевский.—Крестьяне в царствование Екатерины II.

56. ДЕТАШЕМЕНТ.—Отдельно действующий военный отряд.

СОДЕРЖАНИЕ.

Цена 2 руб. 50 коп.

